

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга третья

ЛИЯ

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга третья

Лия

Москва

2016

Лия, годы, прожитые с тобой, всегда в памяти и в сердце.

Это была большая, содержательная и творческая жизнь, наполненная радостью, любовью и счастьем. Безусловно, были и сложности, но они ничтожно малы и не стоят того, чтобы вспоминать о них!

В процессе работы над книгой ко мне приходит столько хорошего, и я с удовольствием пишу об этом!

Как бы ни стремились, мы не можем в одиночку постигнуть тайну человеческой души. В этом нам могут помочь только сочувствие и признательность. Именно этому я сейчас учусь и, как оказалось, это совсем не просто – заглянуть к себе в душу и выстроить все кристально чисто, как у младенца!

Вспоминая, мы открываем то, что спрятано в нас, и незаметно меняемся, разделяя с любимыми людьми невидимую, но лучшую часть себя – свои чувства, надежды, страдания и обретение Истинного пути.

Игорь Бабаев

I

Ты чего так рано? – Лидочка посмотрела на меня за-
спанными глазами.

За окном падал легкий снег. Лида, нежась, по-
тянулась. Я улыбнулся.

Мы спустились на кухню, откуда с раннего утра до-
носился шум – хозяйничала Хаво.

– Ну, ты расстаралась, мама, – воскликнул я, бросив
взгляд на стол, заставленный тарелками с дымящейся
снедью. На плите под крышками сковородок и кастрюлек
что-то томилось, булькало, шипело, скворчало, источая
свой дразнящий аромат.

Хаво обняла меня:

– Садись, сынок.

Бросилась к Лиде, прижала к груди:

– Родненькая моя, я счастлива, что теперь ты в нашем
доме.

Она, не отпуская Лиду, удерживала ее на расстоянии
вытянутых рук, с восхищением разглядывая, словно пре-
красную картину. Глаза ее излучали тепло.

– Садись, доченька, сюда.

– Давайте я помогу, – подалась к плите Лида.

– Что ты, дочка! Я здесь хозяйка. – Хаво мягким, но властным движением вернула Лиду. – Что ты будешь?

На плите что-то сильно заскворчало.

– Ох, чуть не забыла... – Хаво как курица-наседка отпрянула к плите и принялась что-то помешивать.

– Мама, когда ты успеваешь все это приготовить!?

– Кто рано встает, тому Бог дает, – ответила ласково Хаво.

Послышался раскатистый бас отца, затем раздался разноголосый хор Гены и Славы.

Дом заговорил на разные лады.

В кухню вошел отец.

–О-о-о! Молодые уже вовсю уплетают! Ты глянь, Слав, мы чуть все не проспали! – раздался его хохот.

– Моя красавица, – он нежно посмотрел на Лиду.

Та смущенно улыбнулась. Она еще не успела привыкнуть к нашему шумному дому, к манере общения, все ей было в новинку.

Мы завтракали, а за окном еще гуще повалил медленный, как в сказке, снег; словно природа тоже решила нас поздравить и сказать: ваша жизнь начинается с белого листа.

Мы с Лидочкой планировали зайти к ее родителям – этого требовали традиции и просто хотелось увидеть самых близких, а заодно и забрать кое-какие Лидины личные вещи.

Облака над головой, неторопливые прохожие, равнодушно идущие мимо нас, медленные снежинки – все это пьянило и радовало.

– У твоего отца очень веселые друзья, – щебетала Лида. – Так внимательно на меня смотрели.

– Они всегда очень внимательные. Но ты им понравилась.

– Они необычные.

– Слышала бы ты их, когда они все вместе собираются! С ними не соскучишься.

– А как они пустились в пляс, вроде, такие солидные, а как только заиграла лезгинка...

– Да, веселиться они умеют. Отплясывали лихо, я думал, пол проломают.

Мы оба засмеялись.

Я взял Лиду за руку. Все что я хотел, свершилось. Как говорил отец на свадьбе: «Каждый человек – это буква в алфавите, чтобы образовать слово, надо слиться с другим». Я думал, что слово, которое мы образовали, было «счастливая семья».

Я запрокинул голову, облака над головой неспешно парили как дикие птицы, меня вдруг захлестнуло ощущение покоя.

– Лидочка, я тебя люблю.

За разговором и болтовней я даже не заметил, как мы оказались у Лидино дома. Казалось, завяжи мне глаза, я все равно найду сюда дорогу. Тень воспоминаний пронеслась перед глазами.

Скрипнула калитка. Мы не успели даже позвонить, как дверь открылась.

На пороге появился Лидин отец и, раскрывая объятия, проговорил:

– Ну, наконец-то, молодые!

– Папочка! – бросилась к нему на шею Лидя.

Илья Владимирович несколько смущенно обнял ее. Я был еще слишком молод, чтобы понимать, что когда отец обнимает дочь, вышедшую замуж, он прощается с ее детством.

Лидя все это как будто чувствовала своим юным сердцем и пыталась сказать родителям: «Никуда я от вас не денусь».

Илья Владимирович повернулся ко мне.

– Здравствуйте, Илья Владимирович.

Он обнял меня крепко и торжественно, так, что я даже удивился, ибо до такого раньше никогда не снисходил, приветствуя обычно крепким рукопожатием.

Иногда точно так же встречал меня отец, когда я, запоздав, прибегал домой, а он уже сидел с друзьями, веселый и довольный. Тогда он вставал и крепко и торжественно обнимал меня при всех, показывая, как мной гордится.

– Давай, проходи, сынок, не стой на пороге.

Лида бросилась к старшей сестре.

– Лара!

Лариса обернулась, словно застигнутая врасплох, и с любопытством посмотрела на Лиду, будто не видела ее сто лет. Какое-то едва уловимое отстранение повисло между сестрами – Лидино детство кончилось, теперь она была замужняя женщина.

– Ой, вы уж простите, что сразу не вышла – все на кухне вожусь, – торжественно появилась Анна Григорьевна.

Она в очередной раз поразила меня тем, как держится. Пусть – в переднике, а руки – в тесте, но вела она себя как аристократка, словно и не была родом из еврейской глубинки. Анна Григорьевна неспешно подошла ко мне и церемонно подставила щеку для поцелуя, словно в знак особой милости.

Мы все были в сборе: Лариса с мужем, Володя, Лида, я, Анна Григорьевна, Илья Владимирович. Какая-то удивительная гармония воцарилась в доме, словно мы принесли с собой чудо.

В самой большой комнате уже накрыли стол. В этот день обе семьи, казалось, сговорились закормить нас до смерти.

Мы шумно расселись. Илья Владимирович поднялся во главе стола. Был он взволнован. Взглядом заботливого

хозяина проследил, у всех ли наполнены бокалы, подождал мгновение, пока мы не замолчали.

– Игорек! – он сделал паузу. – Я рад, что мы с тобой породнились. Теперь мы все – одна семья. Как отец, хочу тебе сказать, что в лице Лиды ты нашел надежную опору, на которую всегда можешь положиться! У вас впереди своя, счастливая жизнь, я уверен. Но пожалуйста, не забывай, что наш дом – это твой дом. За счастье молодых!

Комната наполнилась звоном бокалов.

Какой магией пользовалась Анна Григорьевна, чтобы накрыть стол, я не знаю, но оторваться от блюд было нельзя.

Илья Владимирович шумно втянул в себя аромат, тянувшийся от блюд, и восхищенно посмотрел на Анну Григорьевну – взгляд не остался незамеченным.

Многочисленные закуски, ингарпол, чуду, курзе...

– Анна Григорьевна, вы превзошли саму себя, – не удержался от похвалы Илья Владимирович, склоняясь над тарелкой супа, и, прищурившись, шепнул мне на ухо: – Игорек, попробуй это – рекомендую.

Затем снова громко произнес:

– Анна Григорьевна, подайте нам холодной водочки.

– Да, Илья Владимирович, пожалуйста.

На публике она с готовностью подчинялась всем капризам мужа, сознательно поддерживая в Илье Владимировиче вечно теплящийся огонек гордости тем, что он истинный глава семьи. Это была общая черта всех наших женщин, переехавших жить в большие города, но не утративших связь с традициями. Муж для них был прежде всего добытчиком, хозяином.

Меня поразило то, с какой нежностью и уважением шел диалог между родителями Лиды. Если я привык к тому, что у нас дома всегда было все просто и на «ты», то здесь глава семейства обращался к своей супруге

по имени-отчеству. Раньше я этого не замечал, а сейчас это стало для меня удивительным, как неожиданно открывшийся факт – в их поведении прослеживался налет аристократизма, чего не было в доме Бабаевых.

– А вот и суп ягны, – протянула Анна Григорьевна, ставя на стол фарфоровую супницу.

Среди золотистых колечек жира плавали ароматные куски мяса.

Илья Владимирович снова шумно втянул воздух, не переставая удивляться гастрономическим чудесам, которые демонстрировала его жена.

– Пройдут годы, Игорь, и вы поймете, какое же у вас сейчас счастливое время! – он посмотрел на меня тем хитрым взглядом, которым обмениваются заговорщики, потом наклонился поближе и положил руку на плечо. – Игорь, мы не стали вам ничего дарить, так как решили, что лучше купим мебель в вашу квартиру, когда вы определитесь с жильем.

Он испытующе посмотрел на меня.

Его былая холодность словно канула в Лету. Неудивительно, что Лида так обожает своих родителей.

– Спасибо! Мне искренне приятно, Илья Владимирович, ощущать вашу заботу.

– Помни, как только вы заживете своим домом, считай, мебель у тебя есть.

Так, шутя и смеясь, мы закончили первый семейный обед в кругу Михайловых, а после, сытые и радостные, пошли прогуляться в парк.

Незаметно и быстро пролетели три дня.

Как-то само собой подразумевалось, что я приведу жену в свой дом на Катыхина, где нам выделили комнату. Хава относилась к ней по-матерински трепетно и тепло, однако все же это был бабаевский дом, и все здесь было подчинено отцу.

Лидочка несколько дней присматривалась к тому, как живут у нас дома. Это было типичное родовое гнездо со своим сложившимся укладом, где все жили одним кагалом. Самое главное, отношения с Хаво у нее сложились прекрасные. Но Лидка привыкла к тому, что в доме все должно быть подчинено ей.

Дела требовали моего скорого отъезда в Анапу. И даже статус молодожена не мог отвлечь меня от дел. Все это понимали. У меня даже мысли о каком-то подобии свадебного путешествия не возникало. Я вообще о многих вещах тогда не задумывался. Все мысли занимало производство, а безумно любящая меня Хаво – горянка, привыкшая к суровой простоте, не могла знать толк в тонких деликатных вопросах семейного быта.

В день отъезда я обнял маму, попрощался с дедом, домочадцами.

Лидка вышла проводить меня до машины. Мы обнялись. Она выглядела немного расстроенной, долго молчала и только у машины решилась:

– Игорь, ты знаешь, пока тебя нет я поживу у родителей. Когда ты будешь приезжать, я готова оставаться здесь. К тому же мне нужно сейчас заниматься. А у меня там все условия. Разреши пока оставаться у себя дома.

Я нежно ее обнял.

– Наверное, ты права... Делай, как тебе удобней.

Я сел в машину. Овернулся. Лидка стояла у калитки и махала вслед рукой.

«Медовый месяц» закончился.

Лидка тогда проявила не свойственную другим восемнадцатилетним девушкам мудрость. Она очень быстро поняла, что жить в отсутствие мужа, без его поддержки в бабаевской семье для нее не привычно. Она не стала вставать между мной и Хаво, не попыталась менять что-то под себя, а тихо вернулась в родительский дом.

II

В Анапе полным ходом шла подготовка к очередному сезону.

Надо было много что переделывать в доставшемся мне «наследстве», начинать реконструкцию. Пустить дело на самотек, оставить все без постоянного контроля было невозможно.

База на Бимлюке, которая находилась на балансе комбината, была любимым местом отдыха начальника нашего Главка Георгия Георгиевича Челокяна. Как рассказал мой заместитель, он приезжал сюда каждое лето. Сам отдыхал неделю – не больше, а вот его жена с ребенком гостили на базе подолгу.

Между Главком и комбинатом существовала определенная связь. Я понимал, что Челокян и до меня поддерживал комбинат, и поэтому, конечно, мог бы позвонить ему напрямую, но подумал, что вернее сначала заручится поддержкой всесильного Михаила Кузьмича Сильченко – инструктора ЦК партии, старого друга отца, который со-

действовал моему продвижению. В моих глазах это был полубог, к которому я имел доступ.

Я позвонил ему.

– Михаил Кузьмич, здравствуйте. Это Игорь Бабаев.

– Здравствуй, Игорь. Ну, рассказывай, как там у тебя? – он как будто совсем не удивился моему звонку, голос его был сух, словно он находился не один. – Как тебе на новом месте? Освоился в директорском кресле?

В его вопросительных нотках мне почудилась теплота.

– Осваиваюсь. Курортный сезон давит. В связи с этим и звоню.

– Давай поконкретнее, – оживился он.

– Готовимся к сезону. Комбинату очень нужна масштабная реконструкция. Нужны фонды, нужно оборудование, в общем – все нужно. Я хотел бы с вами проконсультироваться.

– Ишь ты, как размахнулся! Чувствую, по телефону мы с тобой не договоримся. Давай-ка, подъезжай ко мне, на месте все обсудим.

– Немедленно исправить ситуацию, вам это понятно? – хрипло приказал я в трубку. В дверь постучали, и в кабинет просунулась голова главного инженера Ивана Степановича Гудимова.

– Что-то стряслось? – спросил я, глазами показав Гудимову на стул, и бросил трубку. – Черт знает что такое! В одном месте подлатали, в другом потекло! Нужно оборудование!

Я вопросительно посмотрел на главного инженера.

– Игорь Алексеевич, вызывали?

– Ах, да. Вот, думаю надо ехать и решать все непосредственно в Главке. Как считаешь?

– Верно. У нас все всегда решалось через Москву. И лучше будет поехать с Василием.

– Зачем? – удивился я.

– Вам одному там тяжело будет. Надо утрясти проблемы с гостиницей, людей принимать, встречать. Это же время... А Вася всегда с директором раньше ездил, знает, как до Главка добраться. С помощником будет легче.

– Ну, хорошо...

Я с благодарностью кивнул. Такое рвение было похвально.

Сборы были недолгие. Я взял с собой необходимые бумаги, не забыл и «политическое обоснование»: письмо Первого секретаря горкома Ищенко о том, что речь идет о детском курорте, всесоюзной здравнице. И мы отбыли.

III

Это был мой первый визит на Старую площадь – святая святых власти.

Впервые я был там, где вершились людские судьбы, и ощущение невероятной удачи сменилось робостью перед могуществом той системы, которая распахиwała передо мной свои двери.

Я оформил пропуск, прошел пост милиционера и сделал первый шаг по ту сторону невидимой ограды, куда простым смертным путь был заказан.

Передо мной был огромный пустынный холл, словно застывший в немом величии.

Я поднимался по лестницам все выше и выше, а мой мозг шептал: это начало восхождения.

Инструктор ЦК партии Отдела пищевой промышленности занимал небольшой скромный кабинет. Столь разительное несоответствие между тем, какими возможностями обладал хозяин этого кабинета, и тем, ка-

кое пространство было ему отведено, меня тогда поразило.

Встреча началась тепло. И хотя Кузьмич сразу перешел к делу, я почувствовал его благорасположение, которое как невидимый проводник сопровождало меня на протяжении всего разговора.

– Ну, рассказывай, что там у тебя стряслось? – угадав мое смятение, начал Сильченко, и едва уловимая тень улыбки скользнула по его властному лицу.

– Михал Кузьмич, вот такая ситуация: надо как можно быстрее осуществить реконструкцию комбината. Нужны деньги на капитальный ремонт. А эту проблему решает Главк. Это же целевое выделение денег. Да и дополнительное оборудование необходимо.

Кузьмич внимательно слушал, не перебивая. Потом в задумчивости постучал карандашом по столу. Устало провел рукой по лицу, словно стирая старые заботы.

– Игорь, а не зря ли ты сразу ставишь такую высокую планку? Может, тебе лучше осмотреться? Подготовиться к вопросам реконструкции. Выступить, так сказать, на коллегии в Краснодарском объединении, чтобы потом объединение мясной промышленности вышло с данным предложением на Главк. Ты же все это знаешь...

Он внимательно посмотрел на меня, и я уловил в его голосе подвох. Он меня испытывал. Взгляд я выдержал. «У меня есть решение проблемы», – читался ответ в моих глазах.

Сильченко продолжал пристально смотреть мне в глаза. Затем многозначительно повторил:

– Хуже нет, чем спешка, Игорь. Есть субординация. Есть определенный путь движения. Ты что-то резко берешь – прямо давай сразу на начальника Главка!

– Михал Кузьмич, дело же не в том, что я резко беру, – воскликнул я. – Я смотрю на то, что было до меня, и вижу:

все-таки комбинат без помощи Главка не сможет нормально стартовать. Главк всегда оказывал нам поддержку. И Георгий Георгиевич, и все его заместители отдыхают на базе. Это – Анапа.

– Ну ладно, ладно. – Михаил Кузьмич поднял руку, как бы уступая моей энергии, и взгляд его стал одобрительным, словно я сделал верный шаг на минном поле.

Он молча набрал чей-то номер, секунду подождал.

– Георгий Георгиевич, привет! Как у тебя там дела идут? Ты знаешь, у меня Бабаев здесь, новый директор анапского мясокомбината. Помнишь, у нас был разговор по поводу него? Я тебя очень прошу, прими его, выслушай. Есть с его стороны дельное предложение, которое заслуживает внимания. Если можешь, поддержи. Все-таки о всесоюзном детском курорте идет речь. Когда ты можешь его принять?

Я сидел, затаив дыхание.

Кузьмич выслушал ответ и положил трубку.

– Игорь, он ждет тебя, – в глазах Сильченко плясали лукавые искорки.

Взгляд его изменился – теперь он смотрел на меня так, словно я только что выдержал суровое испытание.

– Знаешь куда ехать?

– Да, – сказал я, помня о своем «поводыре».

– И вот что: ты езжай, а я еще и Ищенко позвоню.

Я вышел из кабинета. В душе все пело и плясало: первый барьер (и где? – в ЦК!) – был пройден.

Благоговейная тишина в коридорах, пустынная улица за окнами, – все это наполняло меня ощущением чего-то невероятно значительного, к чему я теперь был допущен.

Внизу меня уже поджидал верный помощник.

– Ну, Василий Петрович, где Главк находится? – начал я бодро.

– Улица Кржижановского, Игорь Алексеевич, – отрапортовал тот.

– Далеко это?

– Прилично. Но мы быстро – такси ждет.

– Ого! – я посмотрел на него с уважением. – Да у тебя все на мази.

– Я же говорил – вы не пожалеете.

Минут через сорок мы были уже в Главке.

Быстро получили пропуска – Василий Петрович прекрасно здесь ориентировался, и оказались в приемной кабинета начальника. Здесь Василий Петрович меня оставил.

В холле в абсолютной тишине сидело несколько посетителей, ожидающих своей очереди. Все строгие, замкнутые, словно застывшие статуи, мужчины в возрасте. Я почувствовал себя неловко.

– Здравствуйте, – обратился я тихо к секретарю. – Я к Георгию Георгиевичу.

Та взяла мой пропуск и холодно кивнула.

– У него сейчас посетитель. Присаживайтесь. Я сообщу о вашем прибытии.

Я присел на один из свободных стульев. Тишина стояла звенящая. Я посмотрел на часы. Сколько придется ждать?

Через минуту дверь отворилась, и из кабинета вышел, утирая красное лицо, человек с пухлой папкой. Секретарша мышкой проскользнула внутрь. Я устроился поудобней, настраиваясь на долгое ожидание. Буквально через мгновение она выскочила и подбежала ко мне. Голос ее источал мед.

– Товарищ Бабаев, заходите.

Все уставились на меня изумленным взглядом – что это за юнец, которого принимает без очереди начальник Главка?!

Я отдернул пиджак и не без робости вошел в кабинет.

Навстречу мне поднялся величественный человек. Это был статный, уверенный в себе аристократичный армянин

с крупным носом и блестящими черными глазами; его высокий рост скрадывал наметившуюся полноту. Он благожелательно протянул мне руку для приветствия:

– Ну, здравствуй, Игорь. Поздравляю с назначением! – Челокян оценивающе посмотрел на меня, и усмехнулся. – Ну ты совсем как пацан. Я ожидал зубра. Надо же! Ну, ничего, будем надеяться, ты состоишься, как директор. Как ты там, освоился? Какая обстановка?

Речь его была безукоризненна.

Я начал по-деловому отвечать. Челокян слушал, не перебивая, и вдруг между прочим заметил:

– Тебе, наверное, говорили? Моя супруга очень любит Анапу и базу отдыха на Бимлюке. Каждый год туда приезжает, – он усмехнулся, как будто что-то вспомнив, и пытливо посмотрел на меня. – Наверное, мы там как раз и встретимся. Этим летом она тоже собирается поехать, – он посмотрел на календарь. – Ну, так что там у тебя за дела?

– Нам нужен капитальный ремонт. И новое оборудование.

Челокян понимающе кивнул.

С этими просьбами к нему приходил каждый второй посетитель. В те времена существовало научно-промышленное объединение по созданию оборудования для мясной промышленности, которым управлял Корнюшко.

Для меня получить это оборудование было жизненно необходимо.

Но как этого добиться? Даже при согласии сверху сделать это было очень сложно. Все было строго лимитировано, расписано на годы вперед под нужды конкретных комбинатов, а тут я появился нагло, без очереди.

Георгий Георгиевич набрал номер. Он начал что-то объяснять своему собеседнику. Посыпались какие-то фамилии, имена; они обсуждали что-то актуальное. Челокян

согласно кивнул в ответ на услышанное в трубке, потом бросил взгляд на меня и перешел к моему вопросу.

– Корнюшко, посмотри, пожалуйста, что можно сделать для Анапы? Кого-то подвинь. Но для них надо выделить необходимое оборудование. Прими директора комбината, выслушай и помоги.

Он положил трубку и довольно взглянул на меня, ожидая увидеть мою реакцию. Покивал головой, как бы сам удивляясь своему мастерству решать проблемы. Привычным движением, не глядя, нажал кнопку селектора:

– Зина, вызовите Ариаса. Скажите, пусть срочно зайдет ко мне.

Он улыбнулся одними уголками губ, как бы говоря: «Сейчас увидишь».

Не прошло и минуты, как дверь открылась, и в кабинет стремительной походкой вошел худощавый, невысокий человек.

– Вот, Альбин, познакомься, – указал на меня Челокян, – Игорь Бабаев, директор мясокомбината в Анапе. – Посмотри, сколько Анапе можно выделить на капремонт?

Альбин протянул руку. Я крепко ее пожал.

Альбин нахмурился. Челокян предупредительно помахал ладонью, мол, возражения не принимаются.

– Есть же практика прошлых лет. Выдели так, чтобы была возможность ему реально что-то сделать. Тем более что перед нами молодой директор, – он указал на меня, как бы говоря: «Ну, сам посмотри», потом обернулся ко мне. – А ты, Игорь, будь спокоен. Все, что надо – сделаем. По мере возможностей.

– Спасибо за помощь, Георгий Георгиевич. Жду вас в Анапе, если соберетесь – звоните.

Я попрощался, вышел из кабинета, провожаемый завистливыми взглядами уставших просителей, дождающихся, когда их вызовут. Меня переполняло чувство

радости. Первый визит – и все как по маслу. Что будет дальше?!

Я был как гончая, взявшая след. Решал все по горячим следам.

Из Главка я тут же рванул к Корнюшко, в то самое производственное объединение. Он меня уже ждал. Можно было говорить напрямую.

– Мне на производстве позарез нужен «Кутор», – решительно начал я после положенных приветствий. – Без него никак.

– Копия заграничной машинки? – ухмыльнулся Корнюшко.

– Ну да!

Я вопросительно посмотрел на него.

Тогда промышленные объединения так решали проблемы, покупая на Западе готовые машины и затем воссоздавая на наших заводах их точные копии.

Корнюшко стал перебирать какие-то бумаги, изредка уточняя у кого-то по телефону детали. Он напоминал мне фокусника, который показывает публике как из двух метров ткани можно сшить костюм для троих человек. По всей видимости, решать такие задачи Корнюшко было не в диковинку.

Он кого-то «подвинул», нашел еще варианты – и решил мою проблему. Я не верил своим глазам. Все, на что я замахнулся – было сделано.

Сегодня я думаю, почему Челокян тогда меня так быстро принял? Чего ждал от меня?

У Георгия Георгиевича была определенная информация обо мне как о не простой номенклатуре, которая вдруг свалилась ему на голову. Он прекрасно понимал, что меня так просто не назначили бы директором мясокомбината. В итоге назначение благословил сам Кузьмич – инструктор ЦК партии.

Соль заключалась еще и в том, что Челокян был заинтригован тем, чего от меня можно ожидать на деле? Он хотел составить обо мне собственное мнение. Тем более на базе должна была отдыхать его жена. Мог ли он на меня положиться? В полной ли мере? А главное, смогу ли я поднять то, что оказалось не по зубам и более опытным «зубрам». Есть ли во мне душевная теплота, позволяющая руководить непростым коллективом в Анапе?

А коллектив у нас был весьма разношерстный. Тертые-перетертые люди, которым палец в рот не клади. Армян много, кубанцев, татар. Нужно было понимать психологию каждого, находить подход. Справлюсь ли я, такой молодой? Не подведу ли?

В гостиницу ехал окрыленный.

Что-то сказочное было во всем этом, начиная с визита на Старую Площадь.

Деньги на капремонт я выбил, оборудование было написано, и теперь все зависело от меня: смогу ли я осуществить задуманное, продолжить начатое в таком же темпе, разрулю ли ситуацию за короткие три месяца?

На календаре был февраль. Впереди оставались только март, апрель и май. А дальше все – сезон! Надо было успеть сделать мощный рывок.

Во всем этом деле оставалось только одно темное пятно – Василий, помощник, который вылетел со мной. Вася все оплачивал сам. Материально он был обеспечен по царски, и это явно были не командировочные.

Вернувшись в Анапу, я вызвал его в кабинет и прямую спросил:

– Василий Петрович, распиши, пожалуйста, где мы что тратили и откуда эти деньги?

Он удивленно посмотрел на меня. Взгляд, его словно спрашивал: «Вы это серьезно?».

И начался спектакль. Наши траты он занижал немилосердно. Мне то и дело приходилось его возвращать к реальности:

– Что ты несешь, Василий Петрович?! Мы потратили значительно больше...

Он бледнел, краснел, разводил руками. Я – напирал.

В итоге истина открылась. Ребята – начальник колбасного цеха, начальник убойного цеха, сбыта – скинулись и профинансировали поездку. Призвали Василия и сказали: «На тебе деньги, сделай так, чтобы шефу было комфортно».

Таковы были реалии того времени.

Всегда должно быть ясное понимание – откуда деньги? Я знал – откуда...

Надо было как-то взять ситуацию под контроль.

Собрал я всех этих друзей и говорю:

– Мужики, ставлю перед вами вопрос строительства. Без него комбинату не жить. Но я требую одно: все привести в порядок.

Поразительно, но люди меня поняли.

Да, это был компромисс, я не стал раздувать огонь по поводу «черной кассы».

Но реконструкция началась. Их связи, их хватка – все было мной задействовано. Оставалось только успеть. А дни текли с неумолимой быстротой.

IV

Мне не приходилось придумывать ничего дополнительного, рассказывая Лиде о своей занятости. Ей достаточно было услышать мой голос по телефону, чтобы самой все понять.

Жить от нее в отрыве было мучительно. Междугородние звонки оставались единственным способом присутствовать в ее жизни. Комбинат, его реконструкция подчинили меня целиком. Даже в субботу, в законный выходной, я не мог вырваться.

В первой половине дня совещание. Потом обход, затем совещания с начальниками цехов для определения текущих задач – вот и день вышел.

Смотрю на часы: уже четыре. Теперь – лететь. Бросаю секретарю: «Пусть подадут машину». Сажусь и уезжаю. Никто не знал – куда...

Моя личная жизнь была моей личной жизнью. Никто про нее ничего не знал. Я старался, чтобы все пони-

мали, у каждого есть только одно – комбинат, производство, его проблемы, и ради этого надо пожертвовать всем остальным. Но субботним вечером я принадлежал только себе и машине.

Еду, а в голове только одно: как бы побыстрее быть у Лиды.

За окном – темень. Вдавливаю педаль, выжимаю из машины все, что можно.

В Кисловодск я приехал часам к трем ночи. Семьсот километров отпахал. Десять часов изматывающей дороги.

Лида спать не ложилась, ждала меня. Молоденькая девчушка, которая только вышла замуж – жила отдельно от мужа. Сейчас это звучит дико. Но иного варианта у нас тогда не было.

Я вбежал в дом. Лида сидела у окна. Окликнул ее, она обернулась, обхватила мою шею своими нежными, почти детскими руками, стала целовать в губы, в лоб, в нос.

Я обнял ее, и мы застыли.

Волна горячей крови прилила к бедрам.

Я понимал, что без нее невозможны никакие победы. Я стоял, чувствуя, как через меня текут мысли, слова, время... Ничего объяснять было не надо, она словно слышала и понимала все, о чем я думал.

Это была та близость, которую невозможно объяснить словами, которую может дать только любящее сердце женщины – девочки, отдавшей всю себя своему мужу.

Я рассказывал Лиде, что у меня произошло, как я слетал в Москву.

– Ты представляешь, мне все удалось – такого не бывает!

– Да ты что? – Лидины брови удивленно взлетели до середины лба.

Я вкратце рассказал про поездку.

Лида слушала меня то и дело вздыхая, словно ставя своими сочувствующими вздохами запятые в моей речи.

Она спрашивала, что я делаю, с кем провожу время, и где меня носит по вечерам.

Я на все отвечал. Вспоминая мельчайшие детали, смешные ситуации. Мы не могли наговориться. Потом я доставал коробку с подарками. Так бывало каждый раз.

Она краснела, принимая подарки, радовалась или, наоборот, протестовала, говоря, что ей ничего не нужно. А потом хватала меня за руку и целовала, когда я доставал что-то особенно ее восхитившее.

Имея в Анапе доступ ко всем потребкооперациям, я покупал ей лучшие на то время вещи. Эти маленькие сюрпризы радовали нас обоих.

Я привозил также и продукты, оставлял Лиде деньги, стараясь сделать так, чтобы она материально ни от кого не зависела.

Сейчас я могу сказать, что с того момента, как Лида вышла за меня замуж, она никогда не нуждалась ни в чем.

Эти полтора дня с любимой давали мне силы на всю неделю, словно в меня кто-то закачивал энергию. А в понедельник утром я был уже как штык на работе.

V

Алексей Бабаев положил трубку и в задумчивости побарабанил пальцами по столу. Молча нажал кнопку селектора и соединился с Зиняковым. Услышав в трубке до боли знакомое «Слушаю!», требовательно произнес:

– Давненько мы у меня не сиживали, Василий Степанович!

– Да как же, Леш?! – отозвался фальцетом начальник 2-го Главка Росшвейпрома. – На той неделе только отведали великолепной баранинки, прекрасно вечер провели.

– Тю-ю! Еще и про бабушку можно вспомнить. Мне свеженькой стерлядки сегодня привезли, в общем – приглашаю. Отказ приму только от заклятого врага!

На другом конце трубки звонко рассмеялись.

– Что б я, да отказался? Обижаешь... Тогда, как обычно – в семь? У тебя?

– А где ж еще!? Договорились.

Дверной звонок на улице Новаторов разрезвонился, распелся приятной мелодией. Алексей открыл дверь:

– Проходи, дорогой!

Зиняков ввалился в прихожую. Невысокий, круглолицый, да еще с редкими светлыми волосами, он напоминал колобка. Щеки его были покрасневшиеся, брови – в инее.

– Кусает, – бросил он, отдуваясь.

Зиняков снимал шубу, ловко перебрасывая портфель из руки в руку.

– Да брось ты свой портфель, что ты в него вцепился?!

– Не вцепился, а сросся! – с хитрой ухмылкой парировал Зиняков.

– Да бог с тобой, Василий Степанович, проходи.

Друзья расселись.

– Давай по маленькой, а то на худой желудок дела не делаются, – предложил Алексей.

Друзья чокнулись, опрокинули стопки с маслянистой жидкостью. Зиняков вилкой подхватил нежнейший ломтик свежей стерляди и возвел глаза к потолку.

– М-м, – процедил он. – Где ты такую берешь?!

Отец смачно сжевал свежайшую пушистую зелень, хитро поглядывая на друга:

– Сегодняшним рейсом из Кисловодска. Такого ты здесь не найдешь.

– Ты всегда знал толк в еде, – заметил Зиняков.

– Да если б только в ней! Еще я твердо знаю, что нам следует крепко подумать.

– О чем? – Зиняков был настолько поглощен едой, что казалось, это единственное, зачем он на самом деле пожаловал к Алексею Бабаеву.

– Да у нас проблема. В Грозном до сих пор не реши-
ли по поводу директора грозненского объединения. Еще
в начале месяца представление отправили, а назначение
не подписано.

– Что, отказали?! Обоснование?

– Не-е-ет, то-то и оно, что нет отказа.

– Ну, так в чем проблема, Леш?

– Первый секретарь там свою кандидатуру предложил.
Поэтому нашего человека и не утверждают.

– Да, дела... – протянул Зиняков.

Он выглядел озадаченным, но не расстроенным. «Да-
вай что-нибудь придумаем», – говорил его взгляд.

Отец снова наполнил стопки и друзья, чокнувшись,
выпили.

– Сами мы, конечно, на первого секретаря обкома ни-
как не повлияем. – заметил Василий Степанович.

– Конечно. Нужен более весомый «аргумент».

– Леш, я могу переговорить с Геной... – размышляя,
улыбнулся Зиняков.

– С Бровиным?

– Ну, конечно, – кивнул Зиняков. – Его звонок может
помочь. Он помощник Брежнева.

Алексей утвердительно кивнул.

– Но ты понимаешь, что за этот звонок придется от-
ветить?

Алексей снова кивнул.

– Я закрою этот вопрос.

– Он поможет решить, – произнес Зиняков, воодушев-
ляясь, словно шахматист, успешно отыгравший дебют
в шахматной партии. – Я смогу ему обосновать назначение
производственно-управленческой необходимостью.

– Лучше это сделать в теплой обстановке, – добавил
Алексей. – Чтобы с ним можно было поговорить по ду-
шам, донести до него, что Чечня – удаленный объект

и наша кандидатура нужна для более оптимального управления. Так будет верно. Как ты думаешь, столик в «России» подобающее место для него?

– Леш, я должен получить его добро. Я предложу ему этот вариант. Поддержит – добро. Заодно, познакомлю тебя с ним.

Алексей кивнул.

– Ну, добро, – довольно пробасил Зиняков. – Давно хотел тебе сказать, Леш – ты просто виртуоз!

– Ты о чем?

– Можешь с людьми договориться о чем угодно!

– Да, вот я сейчас тебя уговорю еще выпить, и не раз! – хмыкнул Алексей.

– Да! – расхохотался Зиняков. – Непростой случай!

– Предаваться унынию – грех! Давай еще по маленькой.

Они снова чокнулись.

Зиняков слушал и благодушно улыбался.

VI

Во второй мой приезд в феврале я заметил, что Лида ходит какая-то странная. Больше молчит.

После обеда, убирая тарелки, она смущенно, светясь улыбкой, тихо сказала:

– Игорь, я в положении...

Улыбка расплылась на моем лице, я подошел к Лиде, обнял ее, поцеловал. Слова были излишни.

Она словно почувствовала все, что происходит со мной.

– Я тоже счастлива, – прошептала она.

Наверное, это заложено генетически – космическое счастье, которое наполняет женщину, когда она беременеет. Но получить это радостное известие почти сразу после свадьбы – большая удача.

Она прижалась ко мне.

В окне стоял почти полный, в три четверти месяц. Молочный свет озарял вечернее небо.

Я почувствовал, как смертельно устал, и моментально заснул, и видел удивительный сон. Я скользил с ледяного холма, и затем взлетал – высоко вверх, и кричал счастливый, словно у меня выросли крылья.

А на следующее утро, после завтрака, Лида неожиданно сказала:

– Игорь, может быть мне лучше перейти на заочное?

– Заочное? С чего вдруг?

– Игорь, я думаю так будет лучше... Учиться как раньше я точно не смогу.

Она лукаво посмотрела на меня.

– Нужно получить диплом – это наша цель.

– Да, но теперь все усложняется...

Я стал рассуждать вслух:

– Ну, еще есть время подумать – как сделать лучше.

Ближайшую сессию в любом случае можно сдать ...

Мы еще долго обсуждали детали, но решили, что в любом случае Лиде не надо бросать учебу.

VII

В уютном зале ресторана гостиницы «Россия» можно было поговорить без шума и лишних глаз.

Геннадий Бровин, огромный, добродушный, выглядел молодцевато, подтянуто. Крепко пожал руку отца, просветив взглядом, как рентгеном. Выглядел Бровин весьма эффектно: ладно скроенный костюм, накрахмаленный воротничок, дорогие часы на запястье – все выдавало человека особого статуса, практически – небожителя. Глаза у него были темные и выразительные. От него исходило ощущение силы.

Они сели друг напротив друга, словно заядлые игроки в карты. Разговор начался с ничего не значащего трепа.

– Только что вернулись из поездки в Алма-Ату. Жара, надо сказать вам. Не захочешь – похудеешь.

Бровин рассмеялся, рассказывая про свои перелеты. Зиняков слушал, кивая.

– А у нас там – пять совещаний. И представь себе, все за четыре дня. И сразу в Ашхабад. Там местный пленум.

Алексей слушал не перебивая.

Бровин говорил красиво, внятно и четко, а главное, не быстро, создавая ощущение очень весомого, уверенного в себе человека, который знает, что хочет сказать и уверен, что может убедить собеседника.

Посторонний человек никогда бы не догадался, насколько близок этот человек к реальной власти. Бровин знал толк в акупунктуре власти. И знал, на какие места и точки надо нажимать, чтобы дело двигалось в нужную ему сторону.

– У тебя-то как дела? – спросил Бровин, добродушно поглядывая на Зинякова.

Зиняков сделал равнодушное лицо.

– Нормально. Идет процесс. Есть один вопрос... – Он выжидательно посмотрел на Бровина и переглянулся с Алексеем. – Генеральный директор швейных предприятий в Грозном... – Он откашлялся. – Есть там хороший парень, но первый секретарь поддерживает своего человека. Если можно, сделай звонок.

Бровин кивнул. Очень часто движения его головы заменяли не просто слова, но даже целые предложения.

Алексей тут же добавил.

– Геннадий Федорович, я этого парня знаю. Это действительно кандидатура, которая не подведет. Нам нужен такой хозяйственный человек. В объединении – проблемы, а это человек проверенный. Вот его анкета.

Алексей протянул Бровину лист бумаги. Тот взял, пробежал по нему глазами...

– Хороший послужной список, – заметил он между прочим и спрятал лист в карман. – Я попробую помочь.

Бровин посмотрел на Зинякова.

– Мы в долгу не останемся, – заметил Алексей.

Бровин поднял рюмку.

– Ну а в целом как?

Мужчины снова переключились на общие темы, посыпались анекдоты... За окном стемнело.

– Хорошо! – хлопнул рукой по колену Бровин, давая понять, что разговор закончен. – Рад знакомству.

Он пожал руку Алексею.

Отец, когда мы встречались или разговаривали по телефону, всегда интересовался, как идут у меня дела.

Как-то я рассказал ему, что поражен тем, как перед мной раскрываются отдельные личности на предприятии.

Оказалось, на первый взгляд обычные люди могли значить в действительности очень многое. Они играли, можно сказать, ключевую роль в жизни коллектива.

Например, экспедитор. Подумаешь, сопроводитель груза. Но нет!

Завод небольшой, однако вывозил он тогда десять тонн колбасы в сутки. У нашего старшего экспедитора Вячеслава Семиненко было две машины. Он загружал в них по пять тонн, развозил по точкам и возвращался обратно. И так каждый день.

Колбаса – товар специфический, содержит влагу. Соответственно, есть нормы естественной убыли. Вот на этой убыли, да еще на перевесе, к концу месяца набиралась приличная сумма. Работал экспедитор напрямую с розницей. Заработал приличные связи в городе. А у меня идет стройка. Все время – проблемы. Не хватает того, второго, третьего.

А он парень хваткий. Я обратил внимание на его деловые качества.

Вызвал его к себе:

– Слушай, Вячеслав, помоги... Сейчас кто-то временно повозит колбасу, а ты займись другим делом – надо достать кирпич, цемент, арматуру... Реконструкция идет,

сам понимаешь. Ты у нас все-таки мужик с коммерческой жилкой. Сам знаешь, в Анапе сейчас непросто все достать, а ты всех знаешь, тебе это по плечу.

Он молча кивает...

– Ну, хорошо...

– Поработай пока на этом участке, а потом вернешься обратно.

Вячеслав послушно согласился. Начал работать. Смотрю, нормально справляется со своими обязанностями.

– А Семиненко-то мужик толковый, – заметил я как-то зашедшему в кабинет главному инженеру. – Верно, что я с развоза перенаправил его на снабжение.

Главный инженер с сомнением посмотрел на меня, но ничего не сказал.

А через месяц Семиненко приходит ко мне в кабинет:

– Игорь Алексеевич, я на сбыте уже месяц, все уже налажено, можно любого ставить – там ничего сложного, только поддерживать налаженные связи.

– Слав, слушай, давай ты у меня в этой должности останешься?! Отдела сбыта у нас нет – мы его специально под тебя создадим, и тебя тут же на повышение. Оклад соответствующий.

Семиненко посмотрел на меня с испугом.

В тот момент я этого взгляда не понял.

Колбасу продавать – при таком дефиците – особенно ума-то не надо. А вот строительный материал достать – тут действительно его талант пригодится.

– Ну? – вопросительно посмотрел на него я.

Он как-то неопределенно кивнул и вышел.

И дальше я завертелся. Совещание за совещанием идет.

Как-то по окончании одного из совещаний главный инженер Иван Степанович Гудимов, человек глубоко порядочный, лет на шестнадцать старше меня, к которому

я с первых дней относился с огромным доверием, говорит:

– Игорь, позволь задержаться, мне надо кое-что тебе объяснить. У меня личная просьба.

Все вышли. Он ко мне подходит.

– Игорь, верни ты этого Семиненко на свое место. По моему, он неплохой парень. И о тебе отзывается очень по-доброму. Тем более что человек уже в возрасте. Поверь мне, так надо. Считай, что это моя личная просьба.

Я удивленно посмотрел на него.

– Я вас не понимаю, Иван Степанович. Кто здесь директор? Но в любом случае я вас услышал.

Он пожал плечами, мол, дело твое, и вышел.

Буквально через несколько дней – звонок. Звонил напрямую заведующий промышленным отделом горкома.

– Игорь Алексеевич, зайдите ко мне. Есть о чем поговорить.

Мы условились о времени. Я пришел. Он радостно пожимает мне руку.

– Как дела на производстве? Как протекает капремонт, когда закончите?

Вопросы за вопросами.

– Людских ресурсов не хватает, убойный цех в летний период работает на пределе мощностей... Скотину завозим со всего края. И поставки соответственно, не только в Анапу, но и в Геленджик, Туапсе, Новороссийск, Сочи... Объемы растут.

– Это замечательно, что вы так рьяно взялись за дело, Игорь Алексеевич. Замечательно.

Хозяин кабинета одобрительно покивал.

– Если какая помощь нужна со стороны горкома, обращайтесь.

Мы еще поговорили о проблемах реконструкции и разговор закончился.

Я поднялся, чтобы уйти.

– Одну минуточку, – остановил меня хозяин кабинета, – есть такая маленькая деликатная проблема. У вас там работает Вячеслав Семиненко. У меня к вам личная просьба. Если можно, верните его на прежнее место.

Я понял, что все эти разговоры о планах, о помощи – были не главным. Главным было то, что было сказано перед моим уходом.

«Да, подумал я про себя, – вспоминая разговор с главным инженером, – Иван был прав».

И когда я снова увиделся с Гудимовым, вскользь обмолвился зачем меня вызывали, он заметил:

– Игорь, я же тебе говорил... Оставь это... Вячеслав не та фигура, чтобы из-за него портить отношения с горкомом.

И я не стал упираться.

Ситуация была ясна. Этот Семиненко, в общем-то, имел вес в городе. Тем более в век, когда колбаса имела магическую силу.

Он развозил первым лицам города колбаску в виде подношений, подарков... Его знали, принимали – и не хотели видеть другого человека на его месте. К тому же, такой обычай существовал и до него...

После одного из совещаний, на котором присутствовал Семиненко, я попросил его задержаться:

– Вячеслав, я не хочу сейчас комментировать все, что происходит вокруг тебя. Сезон в разгаре, отработай его, и возвращайся на место, а сейчас мне помоги.

– Игорь Алексеевич, вы понимаете, у нас по-другому нельзя. Это же не я придумал. Я никого не просил, все само собой заведено уже давно. Люди заметили мое отсутствие.

– Хорошо. Но учти – комбинат кормит нас всех. Реконструкцию надо завершить. И пожалуйста, без моего ведома ни одного килограмма колбасы налево уходить не должно.

Гайки были прикручены. Той вольницы, которая была на комбинате раньше, больше не было.

То, что отец с малых лет вложил в меня, то трудолюбие, способность ориентироваться в ситуации, сильно мне помогло. Умение делать все от души, относиться к производству, как будто оно твое личное – все это давало мне ту энергию, которая позволяла побеждать.

Я шел на многие риски, чтобы добиться задуманного, построить там, где до меня никто не строил, взять то, что хотели многие, но могли – избранные.

Я руководствовался предчувствием удачи и шел на амбразуру без особых раздумий, ведомый отцовским благословением и юношеским азартом.

Несмотря на то, что все мои мысли были заняты реконструкцией комбината, я все время невольно думал о Лиде. Что она поделывает? Как переживает разлуку? Чувствует ли, что я думаю о ней именно в эту секунду?

Лицо Лиды то и дело возникало у меня перед глазами. В темноте я видел ее так ясно, словно она находилась рядом – ее высокий чистый лоб, изящный небольшой носик, губы, изогнутые в легкой улыбке, большие миндалевидные глаза. Я приближался к ней, чувствовал ее взаимность и преданность.

Такие мысли давали мне силы, взрыв эмоций. Вместе с ней мне улыбались и согревали нежностью все самые лучшие мгновения нашей жизни.

Я испытывал сильные чувства – меня тянуло к ней. Но по сей день иногда у меня возникает ощущение, что она любила меня сильнее, чем я ее. Ее душевная теплота превосходила мою во много раз.

Так получалось, что когда я приезжал в Кисловодск, то на Катыхина, в родительском доме, уже не ночевал – а ночевал на Гоголя, у Михайловых. Меня как бы своро-

вали у Бабаевых. Это было смешно, но так получилось: не жена ко мне переехала, а муж к ней перебрался.

Надо отдать должное: у Михайловых мне было комфортнее.

VIII

Ну, рассказывай, как дела? – начал отец. В тот его приезд на Кубань я заглянул к нему в гостиничный номер. Он был в особенно приподнятом настроении. Шутил, на столе стояла закуска. Алексей Наумович ждал посетителей. Мы сели, болтая, и делись новостями.

Я рассмеялся.

– Начну рассказывать – не смогу закончить. В жизни не мог бы придумать, что такое возможно...

Отец с интересом посмотрел на меня. Он всегда пристально следил за тем, как идут у меня дела.

– Ты о чем?

– Если вспомнить, чему меня учили в институте эти теоретики-болтуны о специфике предприятий, то окажется, что знают они о ней ровно столько, сколько я – о Луне.

– А откуда им знать-то? – согласился отец. – Они же с утра до ночи торчат на своих кафедрах. Никак не договорятся, кто из них самый умный. Так, что там было?

– Да у меня недавно приключилось... Знаешь, я как-то приметил среди наших обвальщиц одну девчущку... Высокая, стройная, статная...

– Узнаю породу, – улыбнулся отец.

Я подцепил кусочек селедочки, отправил в рот, помолчал.

– И что? – заинтересованно спросил отец. Взгляд его загорелся.

– А то, что я тут иду с нашим главным инженером Гудимовым по комбинату и вижу – она идет мне навстречу. Глазами в мою сторону так и стреляет. Ну, идет и идет. А я, понимаешь ли, глаз не могу отвести от ее груди – еще недавно была нормальная, а тут – что-то невероятное. Я возвращаюсь из убойного цеха, он у нас располагается отдельно – на окраине города. Прохожу мимо нее, ничего понять не могу. Сказал охране: «Мужики, посмотрите, что там с девушкой? Что-то не то. Посмотрите», – и пошел дальше.

В глазах отца заплясали веселые огоньки.

– Обошел производство, поговорил с замами, начальниками цехов. Назад иду, на проходной какой-то хаос – охрана сгрудилась вокруг стола, а на стуле воле него сидит эта Леночка, ревет и что-то пишет. «Что тут у вас?» – спрашиваю. «Да вот, шестнадцать килограмм мяса пыталась пронести на груди. Обложила всю себя вокруг». Я изумленно смотрю на эту красавицу. Пап, а у нас мясо из холодильника – это чистый лед! Я слов не нахожу. Это что же за пытку она такую над собой учинила! «Господи, Леночка, – говорю, – что же ты делаешь?! Ты же себя угробишь!» Представляешь, – я со смехом посмотрел на отца.

– А что она?

– Велел разобраться с ней, хорошенько пропесочить, но не увольнять. Не надо.

– Эх, Игорь!

– Уж больно красивая она у нас. Будь на ее месте мужик, уволил бы не глядя.

Отец захохотал во все горло.

Вообще-то, мы безоговорочно увольняли всех воришек. На комбинате периодически устраивались рейды народного контроля, работала ОБХСС – правда, это мало помогало, люди продолжали по мелкому подворовывать, я наказывал нещадно. Но бывали и такие исключения.

Я отдавал себе отчет в том, что как бы кардинально я не пытался все поменять на комбинате, он не был оазисом в пустыне. Вся его жизнь была встроена в общую систему социалистической экономики. И ее искривленные законы то и дело, и всегда внезапно, обнажали порой такие моменты, в которые ты сам, пока с ними не столкнешься, не поверишь. Обходишь предприятие, смотришь, как идет работа, сталкиваешься с обычными человеческими судьбами и начинаешь понимать жизнь.

Как-то в начале июня Лида позвонила мне.

– Я сдала все экзамены, – выпалила она.

Если новости хорошие, то и всем хорошо. Я расплылся в улыбке.

– Поздравляю.

Лида выдержала выжидательную паузу.

– Игорь!

– Что такое?

– Игорь, ты меня вообще не слышишь, да? Я не для того выходила замуж, чтобы жить вдали от мужа. Я хочу жить со своим мужем. Мы одна семья, скоро родится наш ребенок, нам нужно быть вместе.

– Но ты же знаешь – условия... В квартире еще идет ремонт.

– Ты опять про этот ремонт? – В ее голосе зрел протест.

Казалось, она вот-вот заплачет.

– Но у меня здесь нет никаких условий.

– Меня устроит все, что ты предложишь.

– «Предложить» я еще ничего особенного не могу.

– Это все ерунда! Я переезжаю к тебе.

Она положила трубку. Гудки отбоя прозвучали в моем мозгу как трехкратное «ура» ее победы.

– Скоро жена приезжает, – обмолвился я тем же вечером Гудимову. – Надо подготовиться к ее приезду.

– Если надо чем-то помочь, вы только скажите, Игорь Алексеевич!

– Да ничего не надо. Все уже подготовил. Вы чего так хитро улыбаетесь, Гудимов?

– Да так, ничего, Игорь Алексеевич. Думаю, вашей соломённой вольнице пришел конец.

При мясокомбинате у моря, на Бимлюке, была база отдыха. Около тридцати небольших домиков, которые «стояли» на балансе Министерства мясной и молочной промышленности.

Поселись мы в одном из них – без особых удобств: в углу – плитка, на которой Лида готовила, в комнате – духота, туалет – во дворе, душ – общий.

– Вот, Лидочка, – сказал я, вводя Лиду в комнату, – это наше с тобой жилище. Будешь вить гнездо здесь.

Лида изменилась, пополнела, лицо ее светилось. Мы были вместе, а больше ей ничего не надо было. Каждый вечер она ждала меня с работы. На столе всегда стоял готовый ужин...

Она была в своей стихии – хранительницы очага. Все это в сочетании с ее восемнадцатью годами делало ее неотразимой.

Мы довольно часто говорили о нашем будущем. Серьезные решения Лида всегда обдумывала обстоятельно.

В то утро я только село за стол, как Лида сказала:

– Игорь, нам надо поговорить.

Я с любопытством посмотрел на нее.

– Я тут подумала насчет учебы... Надо переводиться на заочное отделение.

– А в чем проблема? Бери документы, переводись.

– Надо понять, куда переводиться, как лучше это сделать.

Дело в том, что единственный заочный институт фармакологии был только в Перми.

– Попасть туда, наверное, непросто, – сказал я, как бы раздумывая вслух, – но дело даже не в этом. Где мы, а где Пермь!? Представляешь?

– А что такого? – удивилась Лида.

– Как ты будешь туда ездить?

– Но это же всегда два раза в год. И потом, самолеты летают.

– Но летать-то тебе, – я показал глазами на Лидин живот.

– Значит, буду, – упрямо возразила она. – Соберу документы и полечу. Ты мне поможешь?

Вместо ответа я встал, подошел к ней...

От ее волос пахло морем. Я торопился, но все равно – помимо воли – дотронулся до нее, и по моему телу словно пробежал разряд электрического тока.

– Не беспокойся. Я обо всем позабочусь.

– Я знала, я знала, что так и будет! – воскликнула она.

– Хорошо, – я посмотрел на часы. – А сейчас мне пора бежать.

Начался летний сезон, и я должен был безвылазно торчать на комбинате.

– Лидуся, поехать с тобой я не смогу, – сказал я ей через пару дней.

- Это почему?
 - Потому что работа! Но я обо всем позаботился.
 - Рассказывай! – глаза Лиды загорелись.
 - Я позвонил Челокину, объяснил ситуацию, попросил совета, он сказал, что поможет. Можешь не волноваться.
 - А что делать?
 - Он дал мне все адреса и телефоны. – Я победно улыбнулся.
 - Значит, все решено? – спросила Лидочка.
 - Я радостно кивнул.
 - Формальности улажены. Ты можешь ехать.
 - Лида бросилась мне на шею, на лице ее отразился испуг.
 - Игорь, а вдруг я им не подойду?
 - Что за глупости? Я же сказал, все будет решено.
 - Ну да, решено! А вдруг что не так? Ты же знаешь, какие гримзы сидят в деканатах.
 - Ты их очаруешь, – прошептал я, целуя ее.
- Мы были одни. За окном шумело море. Ветер вздымал легкую рябь. Только по утрам мир бывает таким невыразимо прекрасным, наполненным ожиданием счастья, которое берется неизвестно откуда.

IX

Часы на стене пробили двенадцать одновременно вместе с резким звонком телефона. Хозяин кабинета невольно вздрогнул. Звонок был властный, решительный. Он поднял трубку. Секретарша, волнуясь, сообщила:

– Василий Степанович, с Вами хочет поговорить первый секретарь грозненского обкома.

Зиняков даже привстал со своего кресла.

– Соединяй.

В трубке зашуршало, потом откуда-то издалека послышался глухой, неэмоциональный голос.

– Василий Степанович, здравствуйте.

– Приветствую вас, Александр Иванович, – голос Зинякова зазвучал предупредительно.

– Мы рассмотрели Вашу кандидатуру, нас она устраивает. – Спасибо Вам за инициативу, – голос первого секретаря оставался по-прежнему бесстрастным.

– Спасибо. Мне кажется, это очень важный шаг для отрасли. Толчок к развитию предприятия. Признателен, что вы поняли нашу позицию в этом вопросе.

– Да, всех благ, – голос первого секретаря был сух. – До свидания.

Положив трубку, сияющий Зиняков тут же нажал кнопку селектора:

– Алексей!

– Слушаю.

– Леш, только что звонил первый секретарь из Грозного. Там дали зеленый свет.

– Вот это новость. Магический звонок нашего друга?!

– Да. Завтра там состоится встреча с нашим человеком. Будут представлять его коллективу. Все сделано, Леш!

– Наш Гена – чудотворец. Слава богу, что все гладко прошло.

– И ты, Леш, такой же. – Голос Зинякова потеплел. – Люди для тебя готовы сделать абсолютно все.

– Все – не все, но это дело надо как следует отметить!

Зиняков улыбнулся. Когда за дело брался Алексей, все катилось туда, куда нужно, и не было лишней головной боли.

В аэропорт Краснодара я отвез Лиду сам. За окном мелькали бескрайние поля, наполненные солнечным светом. Все казалось таким чистым, хрупким, неповторимым.

Вещей у нее с собой практически не было. Перед контрольным пунктом я остановился, обнял ее. Она прижалась ко мне всем телом, уткнулась в щеку:

– Небритый.

– На этой работе обо всем забудешь. Ну, ты чего? – обнял я ее. – Тебя что, знобит?

– Страшно немного.

Лиду била легкая дрожь.

Я обнял ее, прижал к себе. Почувствовал, что забываю обо всем на свете. Так иголку тянет к магниту.

– Колешься, – сказала она.

– Подожди. – Я сделал серьезное выражение лица. – Ты все запомнила? К кому обратиться, что сказать?

– Да знаю я, знаю...

Я открыл было рот, чтобы еще раз все повторить, но служащая аэропорта начала нас торопить. Я поцеловал Лидочку.

– Ну давай, в добрый путь.

Она повернулась. Ее густые пышные волосы взметнулись веером.

Я следил, как она проходит досмотр, потом входит в зал, где толпились вылетающие пассажиры. В своем легком ситцевом платье, с наметившемся животиком, она напоминала Мадонну.

Какое-то время я стоял, задумавшись о ней, о себе. Зал вылета опустел. Я очнулся, посмотрел по сторонам, улыбнулся.

У автомобильной стоянки я остановился, запрокинул голову – в небо взлетал самолет – может быть, с моей Лидочкой. Его серебряная полоска становилась все меньше, пока совсем не растаяла.

Над головой снова было только бескрайнее голубое небо. Небо, в котором не было ни следа от нашей земной жизни, лишенное времени, боли, грусти.

Наполненное одной бесконечностью.

Мир вокруг казался удивительно прозрачным, легким и радостным, словно готовившимся распахнуть объятия тому удивительному комочку света, который находился в животе у Лиды.

Когда я вернулся в Анапу, город показался мне бесконечно пустым.

Уже позже Лида рассказала мне, какое впечатление произвел на нее город. В воздухе витал неистребимый запах гари. Даже ветер, который должен был нести свежесть, казалось, был пропитан гарью.

В Перми действовал знаменитый нефтеперерабатывающий завод.

Дорога от аэропорта шла мимо него.

Лица уральцев несли на себе отпечаток испытаний, выпавших на долю их предков-переселенцев, бежавших на эту окраину мира в силу разных, чаще всего не самых лучших, обстоятельств из благополучной европейской части России.

В глазах девушек не было того огонька, который отличал всех без исключения жительниц благодатной Кубани.

На щеках не играл алый румянец, густые ресницы не хлопали, пробуждая томление в мужской душе, кос, толщиной в руку – не наблюдалось.

Таким был город, в котором предстояло Лиде учиться.

Здание института располагалось в бывшем купеческом доме. К парадному подъезду вела высокая лестница со стертыми ступенями.

Стены были выпачканы и заляпаны дурацкими надписями.

Лида, в своем красивом платье, живая, непосредственная, смотрелась в этом антураже как иностранка. Страшно смущаясь, она зашла в ректорат.

– Здравствуйте, я Лидия Бабаева, – сидящие там женщины удивленно подняли головы. – Я по поводу перевода. Вот мои документы.

– Подойдите сюда, – окликнула Лиду пожилая женщина, сидевшая у самого окна.

– Вам должны были звонить, – робко произнесла Лида. – Я Бабаева.

Секретарша изучающее посмотрела на Лиду, потом задумчиво кивнула.

– Да, нас предупреждали. – Она тяжело поднялась. Видно было, что у нее больные ноги. – Идите за мной, – велела она.

Лиду провели в деканат.

– Давайте ваши документы, – обратилась к ней помощница декана.

– Вот, пожалуйста, – Лида послушно раскрыла портфель и начала доставать оттуда бумаги.

– Ведомость, зачетку, институтские бумаги. Да вы не торопитесь. Все успеете. – Женщина мило улыбалась.

– Вы откуда? – она участливо посмотрела на Лидин живот.

– Из Пятигорска. То есть Кисловодска. А в Пятигорске я училась, но вот, видите... Мы с мужем решили, что лучше перевестись на заочный.

– Правильно, правильно, – откликнулась помощница декана. – Вот увидите сами. Педагоги у нас замечательные. Вам все пришлют, все задания, все объяснят... Не переживайте.

Лида кивнула.

– Уверяю вас, проблем с учебой – не будет. Вот здесь распишитесь и можете идти.

Лида расписалась.

– А вы кем приходитесь нашему директору?

– Какому директору?

– Да нашего мясокомбината. Он за вас звонил, хлопотал.

Лида удивленно посмотрела на помощницу декана.

– Ну ладно, – прервала женщина молчаливую паузу и положила Лидины бумаги в папку.

– Все.

– Как все?

– Так, – женщина ласково улыбнулась. – Все в порядке. Заявление вы подписали. Можете ехать обратно. Если, конечно, не хотите у нас остаться.

В глазах Лиды отразилось изумление.

– О сессии мы вас известим специально. Можете не волноваться.

– Спасибо вам большое. Вы просто.... – Лида не нашла слов благодарности. – Еще раз огромное спасибо.

Лицо ее светилось от счастья.

– Игорь, я все сделала!

Волны радости нахлынули на меня, когда на другом конце трубки я услышал родной голос:

– Ты откуда звонишь?

– Из аэропорта.

– Что ты там делаешь?

– Лечу обратно.

– Как, что случилось?

– Ничего. Меня перевели. В деканате все такие любезные.

– Я же тебе говорил, а ты боялась!

– Скажи, а кто такой директор местного мясокомбината? Меня в деканате спросили, кем он мне приходится.

Я на секунду задумался.

– Ах, ты об этом... – Я рассмеялся. – Да это Челокян ему звонил, просил, чтобы тот похлопотал за тебя в институте. Не бери в голову.

– Ох, как здорово! – восхищенно произнесла Лида. – Спасибо тебе. Теперь просто осталось дожидаться рейса.

– Когда он?

– Через семь часов.

– Ты с ума сошла! Поезжай в гостиницу. Зачем ночь сидеть в аэропорту?

– Не хочу! Город – ужасный! Этот дым повсюду. Я там просто задыхаюсь. Уж лучше здесь.

– Ну как знаешь. Если хочешь, я прямо сейчас закажу тебе гостиницу.

– Не надо. Я знаю – ты все можешь. Но лучше я посижу здесь, нежели ночевать в какой-то ужасной гостинице.

Милый голос звучал как ручеек.

– Ты по мне скучал?

– Лидуся! Я скучал по тебе и безумно волновался.

– Так вот знай, теперь волноваться нечего.

– Как твое самочувствие? Животик?

– Все в порядке.

Мы закончили разговор. Я пребывал в благодушном настроении из-за того, как замечательно разрешилась ситуация с Пермью.

Х

Июнь был в самом разгаре. Я мотался между комбинатом, базой отдыха на Бимлюке, аэропортом и вокзалом как заведенный.

Летом на юг приезжали толпы гостей, в том числе «особые гости» – влиятельные люди, многих из которых надо было лично встречать. Пустить это дело на самотек было равносильно самоубийству.

Люди, какими бы ни было их социальное положение, все равно остаются людьми. Все хотят уважения. Если ты успел расположить человека к себе – когда-нибудь тебе это воздастся. Надо было сделать так, чтобы они заметили не то, сколько ты для них сделал, а то, что они тебе небезразличны.

Это была азбука, усвоенная мной от отца.

– Вон, бог поехал, – шутили шоферы, встречающие моих гостей у аэропорта.

– Где? Какой?

– Да вон тот, толстый...

– Это который? Лысый, что ли?

– Дурак ты! Лысый – это просто зав отделом. А вон тот – низенький, коротконогий.

– Да поди ж ты? Кто сказал?

– Я тебе говорю. Смотри у него такая книжница в кармане лежит. Старая Площадь – адрес написан. Понимаешь?

Молодой шофер кивал в ответ.

Конечно, глядя на своих гостей, я думал не о том, хорошие они или плохие, а о том, достаточно ли тепла они получили? Всем ли довольны? «Гудел» я с ними, как говорится, и «днем и ночью», не вспоминая ни про субботу, ни про отдых. Успех предприятия, а значит и твой личный, в век дефицита во многом зависел от твоей способности наладить с людьми правильные отношения.

Летняя жара была нестерпимой. Даже море не приносило ожидаемой прохлады.

Я сидел у себя в кабинете, в крови у меня кипел заряд адреналина. С раздражением отбросил в сторону липовый отчет заведующего холодильным цехом, которого только что прогнал. Когда работаешь на производстве лишний раз убеждаешься в том, что люди чаще всего понимают только грубую силу.

– Игорь Алексеевич, извините, на проводе Москва. Корнюшко, – почти беззвучно прошептала секретарша, просовывая голову.

Я кивнул и поднял трубку.

– Приветствую! Я вас внимательно слушаю.

– Здравствуй, Игорек! Надеюсь, у тебя все хорошо!? Слушай, тут такое дело – в Анапу моя жена собирается приехать. Она каждый год ездит, – голос моего собеседника стал очень серьезным. – Можешь устроить?

– О чем разговор?! Все будет сделано по высшему разряду. Не волнуйтесь.

– Ты знаешь, она любит, где потише.

– Конечно, конечно!

– Тогда могу не волноваться. Игорь, если тебе нужно что-то еще кроме «куттеров» для ремонта – звони, будем думать, как тебе помочь.

– Да пока всего хватает.

– Ну и замечательно, повторяю, если что надо, звони, не стесняйся.

Я тепло простился, положил трубку.

На базе отдыха в период сезона было очень много гостей. Каждый нуждался в персональном внимании. И это было непросто.

Как бы поздно я ни задерживался, каждый раз, завидев меня, мои гости считали своим долгом окликнуть:

– Игорь Алексеевич, давайте к нашему столу.

– Игорь Алексеевич, – тут же раздавалось с другого конца, – нас не забывай! Хватит только о работе думать.

И так со всех сторон.

– Давай к нам!

– Вы посмотрите, какой вечер. Просто именины сердца, а не вечер.

– А воздух, – тут же вторил голос жены какого-нибудь важного московского чиновника.

Отдых этих людей был частью моей работы, которую я выполнял от всей души.

Как-то однажды ко мне приехал мой товарищ Валера Баранов.

Директор базы Мосмясомолпрома, он занимался поставками материалов, оборудования, связанного с колбасным производством. Компанейский парень, любитель женщин, который каждый год приезжал ко мне на юг со своей подругой, но в тот раз почему-то был один.

Я организовал пикник. Пригласил Валеру, жену Корнюшко... Все люди примерно одного круга – вот и подумал, что неплохо собрать всех вместе.

Мы отъехали довольно далеко от города, туда, где кончалась всякая цивилизация и царила природа в ее первозданной дикости.

Живописнейшее место... Первая линия от моря. Необжитая часть морского побережья. Крутые отвесные скалы, огромными уступами спускающиеся к самому берегу. Тишина и покой.

В тени деревьев уже были накрыты столы, в мангалах тлели дрова – шашлык мариновался в луке.

– О-о-о! Ничего себе приемчик! Да, добро пожаловать в ресторан «Канава», – раздались голоса гостей.

Все рассмеялись.

– Тогда я готов прописаться в этой самой канаве, и провести здесь все время, что мне осталось.

– Тогда ты не доживешь до следующего года – лопнешь к концу лета!

Шутки доносились со всех сторон, все веселились, отдыхая от напряженной работы. Кроме меня.

Но я любил эти моменты... Во мне просыпалось что-то первобытное, связанное с огнем и мясом, с жизнью и ее могучими проявлениями.

Мы сели за стол, принялись за закуски. От маринованного мяса, что крутилось на мангале, шел дразнящий аромат. Боже, запахи стояли невообразимые. Смех, шутки. Жизнь казалась такой прекрасной.

– Я хочу выпить! Поддерживаю это начинание. Давайте за женщин! – раздались мужские голоса.

– А мы за мужчин! – В тон ответили женские.

Мы подняли бокалы.

Так бывает только когда молод, когда жизнь кажется прекрасной, и впереди нет ничего кроме спокойного ровного счастья. Во всех нас словно бес вселился.

Ах, как же хорошо тогда было... Гости болтали, смеялись...

– Слушайте анекдот, – начал кто-то...

И пошло – поехало. Шутки, смех, перчик в словах и на шампурах...

– Значит, приходит Петька к Чапаеву и спрашивает... – конец рассказа потонул в хохоте.

– А вы, сударыня, что пить будете? – обратился Валера к жене Корнюшко.

Она выделялась из всей женской половины нашей компании. Блондинка лет тридцати пяти, эффектная. Ее лицо можно было назвать практически безупречным, из разряда тех, что вполне могли украсить собой обложку модного журнала, тонкие черты лица, чуть вздернутый носик и бездонная синева огромных глаз с восточным разрезом.

В ней был какой-то особый налет шика, который свойственен женщинам из высшего общества, привыкшим к вниманию мужчин. А еще какая-то особая аура – легкая, нежная, вызывающая к восхищению. Она со скучающим видом аристократки слушала мужские анекдоты, не лишённые сальности, никак на них не реагируя. Изредка она обращала на меня свой взгляд – взгляд наивной школьницы, верящей в Деда Мороза, словно спрашивая, а что будет еще интересного?

Она даже сразу не поняла, что Валера к ней обращается.

Посмотрела на него как на пустое место и слегка улыбнулась.

– Спасибо, я не пью.

– Нет, нет, так не годится, вы чего, мадемуазель? Вы отдыхать приехали или что? – глаза Валеры азартно заблестели.

– Эй, эй, Валера, – осадил я его, – ты повежливей там!

Он заговорщически подмигнул мне, мол, старик, не волнуйся.

Я неободрительно покачал головой.

Улучив момент, когда все были заняты очередным анекдотом, отвел его в сторонку.

– Ты чего глазки этой девахе строишь?

– Игорь, ты чего? – Валера удивленно пссмотрел на меня.

– Это не я «чего», а ты – «чего»? Ты знаешь, чья это жена?

– А что такого? Я же не жениться ей предлагаю.

– Слушай, это все-таки жена Корнюшко. Не смей этого больше делать.

Порыв ветра растрепал мои волосы. Валера сделал обиженное лицо.

– Ты мне эти шуточки здесь вообще брось, – вспылил я. – Я тебе серьезно говорю, допрыгаешься.

– Игорь, ну ты чего?

– Значит так, прекрати это немедленно. Мы с тобой не по бабам приехали, – отдернул его я. – Ты понял?!

– Да понял я, понял...

Валера что-то еще пробурчал и пять минут вел себя деликатно. Однако вечер только начался, и тормозить никто не собирался. Вижу, парень снова раздухарился.

– Мадмузель, а вы вот что больше любите, – начал он снова приставать к бедной женщине, – три звезды или четыре звезды?

Валера, довольный, загоготал.

– Это я, между прочим, про Большую Медведицу, а не про коньяк.

И он снова загоготал. Моя гостья кисло улыбнулась и растерянно посмотрела в мою сторону. Но меня в этот момент отвлекли другие гости, и я забыл и про Валеру, и про жену Корнюшко.

Наступил вечер. Солнце в одно мгновение упало в море, а градус нашего веселья еще немного вырос.

Ночь все дальше выползала на побережье из темноты морских глубин. Мы начали собираться.

– Чего-то не хватает, – подумал я.

Задумчиво огляделся. Валеры нигде не было видно. Впрочем, как и жены Корнюшко.

– Хм... Странно что-то, – подумал я.

Взгляд невольно начал обшаривать прибрежные скалы. Многие из них были отвесными.

– Вы не видели, где Валера? – спросил я у кого-то из нашей компании.

– Да тут вроде крутился.

– Черт... Ладно, сидите. Сам найду. – Я пошел осматривать окрестности.

– Где Света? Ну эта – жена Корнюшко, – спросил я девушку, что сидела рядом с ней.

– Да вроде тут была, не знаю, – ответила та пьяно.

– Вроде, вроде... Куда ж она запропастилась?!

Я поймал еще кого-то из нашей компании.

– Слушай, ты Свету, жену Корнюшко, не видел?

– Кого? – человек с глупейшей улыбкой посмотрел на меня, как будто я спросил его есть ли жизнь на Марсе.

Понятно.

Я отошел. Многим из нашей компании было уже настолько хорошо, что остальное стало по барабану.

А мне было не по себе.

– Где Валера? Найдите его! – закричал я.

На меня удивлено посмотрела шумная компания.

– Ты чего, Игорь?

– Он что, маленький?

– Да черт с ним!

– Где мы его найдем? Валера, ау?

– Да ну вас! – Я побежал вдоль берега.

– Игорь! – донеслось мне вслед. – Ну, чего ты, в самом деле! Мы же ему не няньки!

И тут услышал:

– Да вон он, идет!

– Где?

– Да вон!

Гости указывали куда-то в противоположном от меня направлении. Я присмотрелся. Из темноты возникла грузная фигура Валеры. Шатаясь, он брел к костру. Я бросился к нему.

– Где эта? – от волнения у меня выпало из памяти имя моей гостьи.

– Я откуда знаю?

– Как не знаешь, ты вроде к ней весь вечер клинья подбивал.

– Я просто разговаривал. А потом она исчезла.

– То есть, как исчезла? Куда?

– Вот так... Растворилась.

– Что за чушь? Может она купаться пошла?

– Да нет, куда-то туда она побежала, – заметила одна дама из нашей компании, махая рукой вдаль.

Я побежал вдоль берега. Естественно, никого не нашел.

– Черт с тобой!! – в сердцах подумал я. – Все равно явишься. Куда денешься?

Мы решили выпить еще по одной. Посмотрел на часы.

– Что? Уже полночь!

– Давайте еще по маленькой!

– А послушайте анекдот... – Веселье не унималось.

Кто-то дотронулся до моей руки, я резко обернулся. Это был один из гостей.

– Ты чего такой нервный? – спросил он меня.

– Где жена Корнюшко? – заорал я.

– Откуда мы знаем. Не маленькая. Вернется.

– Слушай, Валера! – я снова бросился к приятелю.

– Скажи мне честно, где твоя дамочка?

– Она – не моя. И я ее не видел, – пьяно икая, пробормотал Валера, а сам в глаза не смотрит.

– Лучше говори по-хорошему, – заорал я на него.

– Может быть, она пошла гулять и заблудилась?

– Такая заблудится. Да сейчас явится. Куда денется... – предположил кто-то.

Мы походили по берегу, покричали минут двадцать – женщины нигде не было.

Я стал смотреть на скалы, и в голову полезли нехорошие мысли. А вдруг она упала? Полезла на скалы и оступилась. А вдруг что-то еще. Миллион «вдруг».

Я с тревогой оглядываю холодные каменистые уступы. Мысли о смерти отрезвляют.

– Игорь, ты чего такой перекошенный? – спросил кто-то.

– Да нормально все, – отвечаю я, а сам не знаю, что и думать. Четыре часа утра. Где моя гостья?

Мы почти совершенно протрезвели от поисков.

– Давайте уже уезжать, – заканючил кто-то.

– Как можно без человека уезжать?!

– Ну, поехали!

Я не знаю, что делать.

Вдруг неподалеку от костра зашевелились кусты и оттуда вылезла... она – жена Корнюшко. Это было как чудо. Я так обрадовался, что в первую секунду чуть не бросился к ней на шею, правда, во вторую – в моих жилах стала закипать бабаевская кровь.

Я в ярости подскочил к ней... Сейчас, думаю, как звездану, чтобы мало не показалось.

Она бледная, увидела мое перекошенное лицо, испугалась, что-то залопотала.

– Поехали! – заорал я на нее.

Мы расселись по машинам. Всю дорогу «прекрасная мадмуазель» молчала.

Когда мы добрались до Анапы, она отвела меня в сторону и прошептала.

– Я должна перед вами извиниться. Я вчера так испугалась. Этот ваш друг... – она замялась. – Он был так настойчив в своих ухаживаниях...

– Валера?

– ...что я просто спряталась от греха подальше.

На том та история и закончилась. Дама улетела домой, увозя свои впечатления о теплом приеме на юге.

Я порой не находил себе места при одной мысли о том, что она от обиды может рассказать мужу. Даже не представлял, какой скандал мог разразиться.

Через какое-то время мне позвонил Корнюшко, поблагодарил за помощь супруге, сказал, что жена всем очень довольна. Я был изумлен. Что за женщина! Лишнего рассказывать даже родному мужу не стала.

И все-таки жизнь в ту пору была как один непрерывный фестиваль. Ялта, Анапа, Сочи – это были города-праздники. И истории, которые там с нами происходили, – такими же.

Иногда мне приходилось возвращаться домой в крепком подпитии после посиделок с каким-нибудь отдыхающим чиновником из Москвы.

– Твоя работа тебя убьет, Игорь – горько вздыхала тогда Лида.

Однажды она встретила меня вопросом.

– Игорь, как ты думаешь, кто у нас будет?

– Либо мальчик, либо – девочка.

Она рассмеялась.

– Да ну тебя... Я серьезно.

– Не мучай себя напрасными вопросами... Просто будем ждать.

Никаких УЗИ тогда не было и в помине, и пол ребенка оставался тайной.

Лида была уже на шестом месяце. Но будущее все время маячило перед нами.

– Я уже придумала, как мы обставим детскую в нашей новой квартире! Знаешь, купим вот такой буфет. Я его видела – у такого-то... – она назвала фамилию моего знакомого... – Ты узнавал, скоро ремонт закончат?

– Каждый день докладывают. Скоро закончат.

Лида пустилась мечтать о будущем.

Иногда она, замечая, что я долго молчу, все пыталась узнать, о чем?

– Признавайся, о чем ты думаешь?

– С тобой на неделю остаться, и чтобы больше ничего не делать.

– Здорово было бы.

– Слушай, что это за сумка стоит там?

– Это я на рынок ходила.

– Ты с ума сошла? – я поднял пакет, взвешивая в руке. – Таскать такие тяжести! Тебе же нельзя.

– Да это не страшно. Я – сильная.

– Нет, ты это брось.

Лида слушала и одновременно красила ресницы.

Я был уверен, что она не обратила на мое замечание ни малейшего внимания, как вдруг через секунду она сказала:

– Ну хорошо, больше на рынок сама ходить не буду.

Я иногда наблюдал за лицом Лиды, когда она не видела, что я смотрю, и был поражен, насколько очаровательно она всегда выглядела, ничего специально для этого не делая, не стараясь – и это вызывало во мне глубокие чувства, которые я не умел выразить.

– Ты что, хочешь в Анапе рожать? Плохая идея.

– А какая хорошая?

– Лучше всего рожать дома. Рядом с матерью. И помощь будет... И уход. Здесь нет никаких условий.

– Хорошо.

Она кивнула.

– Я умираю от жары. Давай двери держать открытыми.

То лето было очень жарким. Что такое кондиционер, по-моему, тогда никто не знал.

– Пошли на море. Искупаемся, – предложила Лиди.

– И так из него не вылезает.

– Ну, пошли.

Мы встали одновременно, чуть не стукнувшись лбами, рассмеялись и побежали на пляж.

Лиди подошла к воде. Села на карточки. Зачерпнула горстью воду, умыла лицо.

– Полезли купаться?

– А тебе можно?

– От жары только в воду и прятаться.

Лиди стала брать в руки камешки и бросать их в воду.

– Хочу арбуз.

– Вечером куплю.

– Я сейчас хочу.

– На вот, замена...

Я насыпал ей в руку семечек.

– Хочу, чтобы у меня было столько алмазов, – рассмеялась Лиди.

– Потерпи. Родишь, – подарками закидают.

Незаметно на пляж опустились сумерки. Солнце исчезло. От воды тянулся освежающий ветерок, воздух был свеж и прозрачен.

Мы взялись за руки и вместе зашли в темную воду. После жаркого воздуха, она казалось холодной.

– А-а-а! – закричала Лиди, ежась.

– Что, холодно? – засмеялся я.

Мы медленно опустились по самые плечи и плавно поплыли.

Усталость сразу как рукой сняло. Мне казалось, что вместе с водой в нашу душу приносится что-то более

важное – чистота, в которой я иногда так нуждался, чтобы смыть с себя все эти встречи, проводы, застолья – неизбежные атрибуты моей работы.

XI

После очередного совещания, пропесочив нерадивых работников прямо в производственном зале, я возвращался к себе в кабинет. Только перевел дух, посидев в кресле, как затрещал селектор:

– Игорь Алексеевич, с вами хочет поговорить Георгий Георгиевич Челокян!

– Переведи на меня.

Через секунду в трубке послышался глуховатый, но мягкий, сердечный голос Челокяна.

– Игорь, здравствуй. Как там у вас дела?

– Нормально, Георгий Георгиевич.

– Слышу по голосу – разгар сезона.

Я улыбнулся.

– Есть немного... Но все под контролем.

– Слушай, есть к тебе небольшая просьба. Прими на отдых, пожалуйста, одного человека – генерального директора Мосмяса Солдатова.

- Вопросов нет. Встречу лично.
- Он нормальный мужик, некапризный, помощи отдохнуть, расслабиться.
- Георгий Георгиевич, можете не волноваться.
- Игорь – повнимательнее, – предупредил Челокян. – Это очень хороший человек. В последнее время так закручен по делам, что я даже за него волнуюсь. Ему реально нужен отдых, чтоб не вспоминал о работе. Это тот случай, когда надо вернуть человека в рабочее состояние.
- Все сделаем в лучшем виде! – заверил я Челокяна.
- Тот добродушно пожелал мне вытерпеть все капризы моих гостей, и мы тепло простились.

Я лично поехал встречать Солдатова в аэропорт. Стою в зале прилета. Люди выходят и выходят. Самые разные. Худые, толстые, кто с огоньком в глазах, кто – усталый, но все в ожидании праздника.

Вдруг замечаю крупного мужика. Взгляд потухший, ни на кого не обращает внимания. Несмотря на жару, одет официально – в пиджаке, в галстук, с портфелем.

Пытаюсь составить его психологический портрет, угадать характер. Внешне он произвел впечатление значимого, уверенного себе. А каким окажется на самом деле?

Я подошел к нему.

– Юрий Иванович! – обращаюсь к нему по имени-отчеству, – здравствуйте, я Игорь Бабаев.

Он по-доброму улыбнулся.

– Юрий Солдатов, – протянул он мне руку, на которой тускло поблескивал браслет дорогих часов.

Я огляделся. Обычно на юг приезжают парами – с женами, с любовницами, а тут...

– Вы один?! Или кого-то еще ждем?

– Нет-нет, я один, – буркнул он.

– Тогда поехали.

Мы сели в машину. Я мимоходом подумал, ну понятно, на юг со своим самоваром не ездят. Надо мужику устроить отдых. Знаю какой.

Краем глаза его разглядываю – крутой. Но по сторонам почти не смотрит. Замкнутый.

– Мы приехали, – говорю.

– А у вас тут неплохо, – он первый раз огляделся.

– Освойтесь, еще больше понравится. Вы пока располагайтесь, а ближе к вечеру я за вами заеду.

– Спасибо. – Он опять тепло пожал мне руку.

– Как тебе гость наш? – спросил я водителя, когда мы возвращались на комбинат.

– Сильный мужик. Видно сразу, – откликнулся водитель.

– Сильный, – подумал я. – Точное слово.

Тем же вечером я устроил в ресторане ужин. Отметить приезд, так сказать. Солдатов сидел на почетном месте. Мы выпивали, много разговаривали – о производстве, о том, как идут дела.

– Ну как у тебя здесь все? Налаживается? – спросил меня доверительно Солдатов, когда с формальностями было покончено и вечер зажег в небе волшебный фонарь луны.

Я пожал плечами.

– Иной раз чувствую себя волшебником, который забыл, в какой цилиндр надо опустить руку, чтобы вытащить оттуда зайца, а из какого – фигу, – хохотнул я.

Моя шутка понравилась.

Солдатов тут же начал рассказывать в ответ свой анекдот.

Беседа стала непринужденной.

– Ну, как твой эксперимент? – спросил он через какое-то время, – понял, что все не так, как думал?!

Я покачал головой.

– Знал, что комбинат – сложный, когда принимал дела, но настолько?!

Мы оба расхохотались.

– Много сил потребуется, чтобы тут все поднять. Тебе это дело и выпало, – мягко улыбаясь, сказал Солдатов, цепляя вилкой тончайший ароматный ломтик семги.

Я не любил обсуждать то, что было до меня, поэтому молча кивнул.

– Понятно, что тебе досталось, – гнул свое Солдатов.

– Но это же Анапа, – не удержался я. – Черное море. Здесь можно развернуться. Я когда это понял, не смог отказать. Это был вызов – я его принял.

Мне хотелось, чтобы Солдатов понял мой порыв. И он, как показалось, на него откликнулся.

«Поддержка – это большое дело», – думал я, провожая его до номера.

Незаметно пролетело несколько дней.

Я показывал гостю комбинат. Он побывал почти во всех цехах.

Мы ездили на природу, жарили шашлыки, смеялись, разговаривали. Оба чувствовали себя как мальчишки, сбежавшие с уроков.

Впервые я видел, как беззаботно, совсем по-детски, он смеется, словно не ощущая груза прожитого, ответственности, забот.

Он все хлопал меня по спине. Рассказывал анекдоты.

Отдохнувшие, немного навеселе, возвращались мы в гостиницу. Я пошел провожать своего гостя до номера.

– Юр, там в номере девочки... отдохни, – сказал я ему на прощание и поехал домой.

Через день ко мне в кабинет зашел Василий, который привез этих двух девчонок.

– Здорово, Игорь. Вот, проезжал мимо – решил заскочить. Сегодня теща приезжает, надо ей подкинуть на отдых колбаски. Помоги.

– Да конечно, Вась. Кстати, там все в порядке было позавчера?

– А-а-а... Ну, если это можно назвать «в порядке».

– В смысле?

– Да девчонки сказали, что он пришел и завалился спать. И все.

– Во дела... Наверное, перебрал все же.

День на четвертый пребывания Солдатов в Анапе я сказал ему:

– Юрий Иванович, пойдем в баню, попаримся.

Баня в то время была почти ритуальным местом для важных встреч.

Любезно общаясь и сохраняя немногословность (качество, которое явно импонировало сильным мира сего), можно было уладить многие дела.

Мужики расслаблялись и становились по-особому радужны, купаясь в облаках пара.

После бани я проводил Юрия Ивановича до номера, он казался чуть перебравшим.

– Давай выпьем вдвоем, Игорь. Такое настроение...

Мы уселись в номере, выпили, закусили фруктами, начали трепаться ни о чем.

В какой-то момент я почувствовал, что на мое колено легла его рука.

Есть разные прикосновения. Я могу кому-то руку положить на колено, это будет просто экспансивный жест. Но от его прикосновения меня как будто кипятком ошпарили. Я подскочил.

Что это было?!

Солдатов сидел молча, как будто ничего не произошло. Я вылетел из его номера.

На следующий день, когда мы встретились, я заметил смущение, которое скользнуло по его лицу, но ничего не сказал.

Я показывал ему комбинат. Рассказал, что было, как стало, пояснил, что планирую переделать.

Солдатов на меня смотрел с интересом. Вижу, мои идеи его заинтересовали.

По окончании обхода я накрыл стол прямо у себя в кабинете.

Немного выпили. Солдатов расслабился.

– Скажите, Игорь, вы боитесь совершать ошибки?

Я на секунду остолбенел.

– Если честно, я об этом стараюсь не думать.

– Я тоже начинал так, как вы, – усмехнулся Солдатов. – Одна часть души шептала: «Делай все, что хочешь, парень! Жизнь любит смелых». А другая твердила: «Будь осмотрителен!» Мне кажется, я узнаю в вас себя.

– Если я на кого-то и равняюсь, – признался я честно, – то в большей степени на отца.

– А как насчет того, чтобы однажды не задохнуться от работы?

– Знаете, я этого не боюсь. Что мы такое без своих дел? Солдатов одобритительно покивал.

– Да-да, нам иногда свойственно гнаться за чем-то надуманным, обольщаться. И вдруг горький опыт ошибок наступает нам на горло, а нам и сказать нечего. Из этого и состоит жизнь.

Он помолчал.

– Если бы я с вами не познакомился, мне бы в голову не пришло, что тут можно что-то исправить. Но я верю, у вас все получится. У ваших предшественников не было такого спортивного азарта.

Он усмехнулся. Когда мы уже прощались, он сказал мне, пожимая руку:

– Нужна будет помощь – обращайтесь, поможем.

Надо признаться, что он оказывался человеком слова. У нас сложились неплохие деловые отношения. А в связи

с реконструкцией мясокомбината для меня это было очень важно.

Впоследствии я к нему частенько обращался за помощью. Когда было надо – звонил, объяснял суть проблемы. Он всегда помогал: техникой, оборудованием... За это я ему всегда буду благодарен.

XII

Расширяя географию сбыта продукции анапского комбината, я как капитан точно рассчитывал каждый свой шаг, поворачивая руль то в одну, то в другую сторону, не боясь сесть на мель.

Как-то ко мне зашел наш снабженец, дельный мужик, с чутьем, пробивной. Вид у него был невеселый.

– Что случилось, Василий Петрович?

– Игорь Алексеевич, выручайте.

– Что такое?

– В Геленджике забраковали партию. Бумага на возврат пришла. Нужно отправлять машину и забирать.

– Да ты офонарел? Десять тонн! Там сроки все выйдут, пока мы катать ее будем. Кто забраковал?

– Я обратился в местный трест столовых и ресторанов. А там баба – начальница – просто зверь. Самодурка, каких поискать.

– Что за баба?

- Ну как? Это же Белла!
- Какая еще Белла? – не понял я, раздражаясь.
- «Железная». Вы не смейтесь. Ее так зовут. Начинала с простой подавальщицы, а в итоге поднялась.
- Что она, семи пядей во лбу?
- Семи связей! Говорят, знакома с некоторыми товарищами из Политбюро.
- Да ладно, брось...
- Я вам точно говорю. Про нее все это знают. Ей все хотят поставлять.
- С этим я не мог не согласиться.
- Железная – не железная, а я поеду с ней разговаривать.
- Я только хотел вас предупредить, поосторожнее с ней.

Обычная приемная – советская мебель, вдоль стен – дерматиновые диваны. На стене – часы.

Мне указали на стул.

– Подождите немного. Берта Наумовна занята, – вежливо пропищала секретарша.

Я молча кивнул. Развернул газету «Кубанская правда».

– Черт тебя возьми, – мысленно пожелал я Железной Белле и посмотрел на часы. Было ровно три.

– Что вы сказали? – спросила секретарша.

– Нет, ничего, – пробурчал я. – Все отлично.

Ожидание продолжилось.

В четыре я все еще сидел в ее приемной.

– Слушайте, сколько можно ждать?! – обратился я к секретарше, закипая. – Скажите Берте Наумовне, что ее ждут.

Секретарша скептически посмотрела на меня, и в этот момент дверь распахнулась и из кабинета вышла огромная, невероятной энергии женщина.

Я поднялся.

В меня стрельнула пара глаз.

– Берта Наумовна...

– Что Берта Наумовна?

Меня будто огнем обожгло от такого тона.

– Я Берта Наумовна! Вас кто прислал?

– Я из Анапы... С вами договаривалась, Игорь Бабаев.

– Какой Бабаев? Не знаю никакого Бабаева! Кто вас прислал? Колбасой своей травить нас собрались? Нам такой товар не нужен.

– Погодите, я вам сейчас объясню.

– Какие могут быть объяснения, если от вас привозят порченный товар? Я тухлятиной должна людей кормить по-вашему?!

– Может, здесь какая-то ошибка? Давайте разберемся в ситуации.

– Разбираться нечего! Забирайте все, что привезли!

Никогда со мной так еще не разговаривали. Я выскочил из ее приемной как ошпаренный.

– Хамка! Обычная хамка! – стучало в ушах.

Даже не выслушала. Такие бабы разве бывают? Воистину – железная.

Славу Богу, больше я с ней не встречался.

Вернувшись, я с порога заявил заму:

– Ради бога, быстрее верните все. Забирайте как угодно списывайте, только нужно все быстрее сделать. Она не пробиваема.

Все это было обычно, для той ситуации, где человек, волею судьбы, оказывался причастен к дефициту, особенно такому, как колбаса.

Воскресные дни, которые мы проводили вместе с Лидой, были самыми любимыми. Мы не делали ничего особенного, просто веселились, ходили по ресторанам,

сидели на пляже, болтали. Мы могли погулять в парке или отправиться в кино, или в свое удовольствие побродить по берегу моря.

Мы были просто счастливы.

Тем не менее меня трудно было назвать идеальным в те жаркие в прямом и переносном смысле дни. Сам стиль моей работы, ее смысл, складывался из общения с таким количеством разных людей, что закончить треволнения дня можно было только возлияниями в лучших ресторанах Анапы.

Каждый раз, когда я возвращался домой уставшим и не очень трезвым, Лиди горько вздыхала.

– Работа тебя погубит, Игорь!

– Виноват. Были очень важные люди.

– А я, по-твоему, не важная?

– Ну, Лидочка...

Я неловко поцеловал ее.

– Я весь вечер тебя ждала...

– Я предупреждал.

В бархатистый голос Лиды вкрались сердитые нотки.

Я сделал шаг навстречу, обнял ее. Пол и потолок плыли у меня перед глазами.

– Эти рестораны кого хочешь вымотают, – пробормотал я.

Лиди вырвалась из моих объятий. Я буквально упал на стул.

– Попробуй поесть, – Лиди поставила передо мной тарелку.

– Мне завтра рано вставать, – пробормотал я. – Пойду спать. И ты ложись. Завтра из Москвы важные люди приезжают. Из Главка.

Лиди расстроено покачала головой.

– Твоему комбинату грозит катастрофа, если ты каждый вечер будешь так о нем заботиться.

– Перестань, Лидочка! Это работа. Все хотят ощутить курортные прелести на своей шкуре. Всем нужны пляж, шашлыки. Ничего со мной не будет.

Я покрутил головой – боль усилилась. Я с трудом поднялся.

– Спасибо тебе, я пойду спать.

– Иди, отдыхай, – Лида начала убирать посуду.

– Нет, ты меня послушай...

Я отчего-то разошелся.

– Хочешь узнать, почему я так поздно прихожу домой? Потому что эти встречи отнимают все мои... – я не договорил.

Кресло ушло из-под , и я грохнулся на пол:

– Ой!

– Ты пьян, иди спать! – воскликнула, смеясь, Лида.

Я с трудом поднялся.

– Зыбко тут у нас. Как во время шторма.

– Ты мой пьяница, – произнесла она почти нежно.

– Тут к нам приходили... – начал я.

– Не хочу ничего слышать! Иди спать!

– Нет, нет, ты дослушай. Тарада приезжал. Крохотный комбинат на Анапе обслуживает все детские санатории. Представляешь!? И я справляюсь.

Лида молча проводила меня до кровати.

Я неловко прикоснулся к ее устам...

XII

Игорь!

Я проснулся и не сразу понял, сколько времени прошло. Как будто только на секунду прикрыл глаза.

– Игорь!!! – Голос Лиды доносился как сквозь туман.

– Что случилось? – Я приподнялся, осовело глядя по сторонам, винные пары еще толком из меня не вышли.

Лида лежала рядом, схватившись за живот. Лицо ее было искажено гримасой боли.

– Что случилось? – спросил я, с трудом понимая, где я и что.

– Мне больно. Внизу живота. Вот здесь.

Она показала пальцами на живот так осторожно, словно одна только мысль о месте боли ранила ее.

Я приподнялся.

– Надо в больницу? Ну, тогда поехали!

Лида попробовала встать и тут же закусила губу.

– Там мокро, – сказала она испуганно.

Я, не понимая, посмотрел на нее.

– Давай помогу.

Я подставил Лиде плечо и стал помогать спускаться вниз. С каждой секундой ее тело все больше и больше тяжело.

Машина как назло не заводилась. Прошла, как мне показалось, целая вечность, прежде чем мы смогли отъехать. Лидино лицо было в испарине, глаза полузакрыты.

В дороге я о чем-то ее спрашивал, она не отвечала, взгляд ее был где-то далеко, блуждающий и испуганный.

– С моей женой что-то происходит, – пробормотал я, вводя Лиду в приемный покой.

– На каком вы месяце? – спросила санитарка.

– На шестом, – прошептала Лида.

Санитарка безучастно посмотрела на нее, потом на меня, и молча удалилась.

Из приемного покоя вышли люди в белых халатах. Лиду уложили на каталку и куда-то повезли. Я попробовал сунуться за ней, но меня не пустили.

Я сидел в приемном отделении совершенно один, не зная, что делать, пока не вышла медсестра. Она равнодушно взглянула на меня и сказала:

– Можете ехать домой.

– Что с моей женой?

Медсестра ничего не ответила. Я глупо постоял, не зная, что делать. Я был как в тумане. Потом послушно повернулся и уехал.

В те дни стояла страшная духота. Воздух, казалось, превратился в стоячее болото. Дышать было нечем. Я ехал и пытался понять, что там с Лидой.

На следующее утро, едва переступив порог кабинета, я попросил связать меня с роддомом, выслушал невнятные бормотания справочной и все же дождался дежурного врача.

– К вам сегодня ночью поступила моя жена. Я хочу поговорить с доктором.

Я представился. Назвал фамилию.

– Подождите, – попросила дежурная и положила трубку.

Ждать пришлось минут десять. Я снова нетерпеливо начал:

– Моя жена Лидия Бабаева вчера поступила к вам.

Врач на другом конце провода замолчал. Потом каким-то бесцветным голосом произнес:

– У нее был выкидыш. Но с вашей женой все в порядке: она жива.

– Что? – я на секунду перестал что-либо понимать.

– У вашей жены был выкидыш. Двойня, – повторил равнодушный голос.

Передо мной как будто разверзлась пропасть.

Я был не в силах вымолвить ни слова, словно у меня перехватило дыхание. Я почувствовал физическую боль, а потом, как мне показалось, и вовсе утратил способность что-либо чувствовать. Я слушал, что мне говорит доктор, и ничего не понимал. Мне казалось, что меня ведут на казнь. Или она уже свершилась, а я почему-то жив, и это жуткое ощущение вдруг принесло холодное смирение. Главное, Лида жива. Теперь надо было спасти ее.

Я больше не ощущал себя беспомощным.

– Я могу увидеть жену? – спросил я врача, словно воспрянув.

– Пока еще рано, – тихо ответил тот. – Может быть завтра. Можете не волноваться. Мы делаем все, что надо.

Уже позже я узнал, что врач, который принимал Лиду, кричал ей: «Где ты раньше была? Почему так поздно приехала?».

«Поздно» – это роковое слово еще долгое время отдавалось в моих ушах. Разве мы знали, что надо было «раньше»?

Я был просто пьян. Ничего не соображал. Возможно, я что-то сделал в этом состоянии не так, и с Лидой это произошло.

А дальше все понятно.

Я не сказал, чья она жена. Ее просто привезли, как привозят десятки других женщин, которые проходят через руки акушеров и гинекологов. Ее, наверное, просто бросили на операционный стол, предоставив врачам самим решать, надо им бороться за эту женщину или пусть все идет, как идет.

Все самое никчемное, случайное и низкое в моей судьбе – моя неосторожность, гости, последствия возлияний – сошлось воедино, умножившись на нашу молодость, неопытность и незнание, отсутствие нормальных условий и низкий уровень медицины.

Я покорно, словно сейчас эта была моя высшая добродетель, осторожно положил трубку на место и подошел к окну. Внизу сновали, делали свои дела люди, выполняли чьи-то приказы, отдавали свои. Но что-то безвозвратно изменилось.

Ничего экстраординарного не происходило – неподалеку шумело море, и люди влюблялись и ссорились, уходили на работу и возвращались с нее. И я стоял у окна: такой успешный, благополучный...

В тот момент мне почудилось, что в моем теле обитает кто-то иной – некое демоническое существо, которое изредка напоминает о себе. Но сейчас его присутствие ощущалось под кожей сполна. Я понял, что случилось что-то страшное и надежды на спасение нет. Но было уже поздно что-либо исправлять.

Это была трагедия, оставшаяся с нами навсегда. Лидочка была убита горем, не могла себе простить, что мы даже не похоронили детей. Она плакала не переставая, и все время молчала.

Первой к дочери примчалась Анна Григорьевна.

Я пропадал на комбинате.

Анна Григорьевна находилась с дочерью неотлучно, отдавая все свои силы и любовь, пробуя восполнить невосполнимое. Иногда, глядя на Лидино задумчивое, полное тоски лицо, я думал, что ее сознание перекочевало в какое-то другое место, где жили печаль и скорбь, которые мне предстояло выкорчевывать и выкорчевывать... Она очень изменилась.

Правда, время и молодость брали свое. Лиду продержали в больнице недели две.

Забирали ее мы со Славой. Лида вышла поддерживаемая Анной Григорьевной. И совсем не такой, какой поступила – прежнее веселье словно навсегда покинуло ее. Она сильно изменилась, как будто что-то перевернулось в ее мировоззрении.

Она выглядела растерянной, потухшей, шла, ни на кого не глядя. Похудевшая – только одни огромные глаза сияли на ее лице. Она подняла их и встретилась со мной взглядом. Губы ее дрогнули и она зарыдала.

Она держала руки на животе, словно боясь что-то выронить.

Анна Григорьевна начала ее успокаивать. Я бережно усадил Лиду на заднее сиденье, и мы поехали в Кисловодск.

Всю дорогу Лида молчала, лицо ее становилось все бледнее, и я боялся, как бы ей не стало снова плохо.

По пути только заехали к Славику, чтобы пообедать. Дорога получилась длинной и муторной, но в конце пути ждали дом и целительный уход.

Анна Григорьевна договорилась с врачами.

Лиду начали восстанавливать. Ее мучили уколами, стараясь как можно быстрее избавить от постоянных болей. Анна Григорьевна всегда была рядом. Вскоре Лида пошла на поправку.

И однажды врачи обнадежили нас сообщением, что она сможет стать матерью.

Наступила осень. Леса омылись желтым и красным цветом увядания. От деревьев, небес, земли и воды исходил аромат усталости. Все живое готовилось к поединку с холодом и одиночеством.

Я опять стал жить на два города, приезжая к Лиде по выходным.

Лида уже жила надежами на лучшее.

К моменту ее выздоровления я успел закончить ремонт в нашей новой анапской квартире в центре города.

Помню, как я позвонил Лиде в Кисловодск и радостно сообщил:

– Лидочка, можешь собираться. Все готово для твоего приезда.

– Да? – Она не поверила.

– Значит, все хорошо? Я могу снова быть с тобой? – В ее голосе зазвучала надежда.

– Ты только не торопись. Главное, чтобы врачи сказали, что тебе можно ехать.

– Ну конечно, можно. Какие глупости, Игорь. Я совершенно здорова.

– Как освобожусь заеду за тобой, – сказал я нежно.

Лида приехала в Анапу через две недели.

Я привез ее сам. Она впервые переступила порог первого нашего дома. Это была скромная, но очень уютная квартира.

Ласка и нежность сопровождали наши отношения. Случившееся изменило Лиду. Она стала более женственной. Она даже обнимала меня с каким-то другим трепетом и теплотой.

Я обещал делать для нее все, что она пожелает. Подробности и милые детали быта той поры канули в про-

шное, но я хорошо помню нежность и заботу, которыми были пропитаны наши отношения.

Иногда она задумчиво смотрела на меня.

– Игорь, боюсь, я не смогу окончить институт. Тут на днях взяла в руки учебник по фармакологии, представь себе – прочитала и ничего не поняла. Все позабыла. Как я смогу все это сдать?

Она виновато улыбнулась. В ее взгляде сквозила растерянность.

– Не волнуйся, милая, все наверстаешь. Все через это проходят. Получишь диплом. Вот увидишь.

– Нет, Игорь, не будет из меня фармацевта, – сказала Лиди серьезно.

Однажды, когда я пришел после работы, она встретила какая-то загадочная, а потом посмотрела на меня и произнесла:

– Игорь, я беременна.

Ошеломляющая новость давала новую надежду.

– Я тебе обещаю, все будет хорошо, – сказал я серьезно, обнимая ее.

– Мы постараемся, – почти беззвучно произнесла она.

– «Все разбитые надежды будут заново склеены. Все радости воскрешены». Я это где-то недавно прочитала. – Она улыбнулась. – Точно про нас.

Мы еще долго о чем-то говорили, не в силах оторваться друг от друга, пока усталость не сковала нас. Я взял ее на руки и уложил в постель.

– Теперь все будет по-другому, я тебе обещаю, – повторил я тихо-тихо.

– Только ты меня не оставляй одну надолго, обещаешь?

Я кивнул. И мы, счастливые, заснули.

На следующее утро я проснулся с готовым решением.

– Лиди, я думаю, тебе стоит вернуться в Кисловодск! – заявил я, как только мы позавтракали. – Я не хочу больше рисковать.

Лида согласно кивнула.

– Я всю ночь думала о том же.

– Мне казалось, ты спала.

Лида не откликнулась. Лицо ее было задумчиво.

– Дома все-таки спокойнее, мама рядом, и по хозяйству не надо бегать.

– Значит, решено, возвращаем тебя домой, – улыбнулся я.

– Только прошу тебя, давай что-то решим с Пермью. Я не могу туда больше ездить, но и бросать все не хочу.

– Значит, переведешься в Краснодар или еще что-нибудь придумаем. Дальше – срок будет больше, и ты не сможешь никуда ездить.

Лида кивнула.

– Ох! Не люблю я этот город:

– Лидочка, завтра едем в Кисловодск. Ты останешься там, а я один съезжу в Пермь и все улажу.

XIV

Нависшие над городом тучи, низкое небо – такой встретила меня Пермь. Я вышел из здания аэропорта – огляделся. Мимо спешили пассажиры. Ни радости, ни азарта в глазах, не то, что у нас в Анапе.

Меня уже поджидала машина, присланная за мной директором местного мясокомбината.

– Куда? – равнодушно спросил водитель.

– В фармацевтический институт.

Машина плавно тронулась. Я с интересом смотрел на окружавшие меня виды.

– У вас всегда так? – спросил я водителя, указывая на черный дым, что валил из труб.

– Это еще ничего, – буркнул водитель. – Считай, что чисто.

Я понял, за что Лида так невзлюбила этот город. Серый, угрюмый, солнца не видно.

– Клоака, – прошептал я.

В голове невольно завертелись мысли: «Зачем Лида сюда летала? Зачем все эти хлопоты? Чтобы дышать этой дрянью?»

Наверное, я что-то пробормотал вслух, потому что водитель глянул на меня:

– Что вы сказали?

– Ничего.

«Зачем было мотаться в эту дыру?!, – продолжал думать я. – Надо перевести ее отсюда».

Ректорат располагался на третьем этаже.

– Здравствуйте! – произнес я, входя в приемную. – Я Игорь Бабаев.

Секретарша мило улыбнулась. Директор местного колбасного комбината успел уже обо всем договориться.

– Прошу вас, – секретарша любезно распахнула перед мной дверь. – Вадим Евгеньевич ждет вас.

Я вошел в кабинет.

Это было огромное помещение, в глубине которого, у окна, стоял массивный, заваленный бумагами стол.

Передо мной сидел тучный мужчина, в роговых очках.

– Добрый день! – произнес он, вставая и протягивая мне руку.

– Бабаев, – представился я.

– Знаю, знаю, – приветствовал он меня, расплываясь в официальной улыбке. – Да вы садитесь, – он указал на кресло. – Может быть, чаю?

– Нет, спасибо. Знаете, у нас такая ситуация... Мы должны перевестись. Моя жена больше не может здесь учиться.

– Как так? – Брови ректора удивленно поползли вверх. – Вы же сами недавно просили перевести на заочное? И года не прошло.

Ректор заглянул в какие-то бумаги.

– Да, – я нетерпеливо покачал головой, – но сюда ездить у жены больше нет никакой возможности. Это не блажь. Она в положении, и мотаться туда-сюда ей не разрешат врачи.

Ректор понимающе закивал.

– Ну что ж, понимаю. Может, тогда возьмете академический отпуск? Потом, когда все устроится, продолжите учебу. Зачем сгоряча все рубить?

– К сожалению, так тоже не получается.

Ректор развел руками.

– Мы бы создали щадящий режим.

Я протестующее покачал головой.

– У меня нет никаких возражений против учебы здесь, но по состоянию здоровья она у вас учиться не сможет. Только одна просьба – сделайте, пожалуйста, перевод в Краснодарский политехнический. Это ближе к дому.

– Мы не делаем переводы, – заметил ректор, смущенно. – Я просто этого не могу. – В Краснодаре нет фармацевтического факультета.

– Тогда отчислите ее, пожалуйста! – воскликнул я.

Ректор ошеломленно замер.

– Как – отчислить? Она хорошая студентка, оснований нет.

– Отчисляйте, и все, – твердо повторил я.

Я уже знал, как мы поступим.

Я позвонил Якову Дмитриевичу Рудакову – ректору нашего политеха, и сделал так, что Лиду зачислили в Краснодарский политехнический, где некогда учились и я со Славой.

Так эта проблема была решена.

XV

С о дня трагедии, когда мы потеряли близнецов, прошло не так много времени. Иногда бывшие страхи на время оживали во мне. Несмотря на опасения, беременность протекала спокойно, без осложнений. Я заботился о Лиде.

Лида жила в Кисловодске, там за ней наблюдал очень хороший доктор, которого Anne Григорьевне посоветовали родственники.

Я углубился в изучение отчетов, которые передал мне Гудимов. Солдатов помог получить нам то, в чем нуждался комбинат. Теперь было понятно: реконструкцию мы точно закончим в намеченный срок, комбинат уже начал выходить на новые показатели. Что же – мои усилия не пропали даром. Отцу за меня краснеть не придется.

Я почему-то вспомнил о нем, когда зазвонил селектор. Секретарша деловито сообщила.

– Вас, из Главка.

– Переключи.

Я поднял трубку.

– Слушаю.

– Здорово, Игорь, – послушался глуховатый голос Альбина, с которым мы успели стать хороши друзьями.

Я улыбнулся.

– Привет-привет! Неужто опять к нам собираешься?

– Не дождетесь. Рановато пока. Дел много. Как там у тебя с ремонтом, по последнему переводу есть пара вопросов в бумагах – ты скажи бухгалтеру – пусть нам вышлет копии финотчета – мы все поправим.

– Хорошо, сделаем. А вообще – спасибо. Закупили технику, сейчас отладка идет. И все – не прекращая производства. Развоз – процесс непрерывный.

– Понятно, – Альбин похмыкал. Затем сделал паузу. – Слушал новость?

– Какую?

– Юра Солдатов умер.

– Как умер? – не поверил я. – Только сегодня его вспоминал. Он что, чем-то болел?

– Да нет. Не своей смертью...

Альбин замолчал, а потом понизив голос, начал рассказывать. Оказалось, Солдатова убили на бытовой почве. Он был «голубой», и кто-то из его ревнивых любовников с ним свел счеты. В моей памяти всплыл тот странный случай – у Солдатова в номере, когда он положил мне руку на колено.

Все это вихрем пронеслось в моей голове, пока мы говорили с Альбином.

Мы тепло простились с ним, а у меня из головы не выходил Солдатов.

Какой финал жизни!?

Хоронили Солдатова – большого начальника из Мос-
меса, трудягу и просто хорошего профессионала – как

изгоя. На похороны никто из руководства не явился. Распорядились так, чтобы официальных лиц на церемонии прощания не было.

Тот случай открыл мне тогда глаза на природу человеческого естества: сложного и противоречивого, с которым не всякий может сладить, но повторяю, сегодня, в моих воспоминаниях, я хочу отдать должное этому человеку. Это был большой профессионал, у которого можно было многому научиться.

Алексей Бабаев посмотрел на часы: на сегодня все дела были завершены. Как странно устроена жизнь? И, с другой стороны, как легко! Вот она – вся как на ладони. Главное иметь цель, и все у тебя будет.

Алексей Наумович нажал кнопку селектора и попросил соединить его с Тарадой.

– Он на совещании, – ответила секретарша Тарады.

– Передайте, что Бабаев звонил, – бодро бросил отец.

– Хорошо, – вежливо прошелестел голос.

Алексей на следующий день решил набрать еще раз.

– Он уехал с Медуновым, – так же безучастно ответила дама на том конце провода.

Прошли сутки. Ответного звонка не последовало. Это было необычно, поскольку Тарада всегда был рад звонкам Алексея и сразу или с запозданием, но обязательно перезванивал.

Отец не понимал, что происходит, и набрал Боднева.

– Леня, приветствую!

– Здравствуй, Леша, рад слышать!

– Слушай, как там у вас, все нормально?

– Да, все хорошо.

– А что это я Анатолию не могу дозвониться?

– Да? Странно, я с ним вчера общался.

– Вот и я думаю, почему это он меня так старательно обходит?

Собеседник на другом конце трубки задумался.

– Леш, я попробую что-то узнать. Завтра большое застолье будет. Упомяну о тебе. Посмотрим на его реакцию.

– Ладно, жду звонка.

Отец молча положил трубку. Так или иначе, раз, а то и два в месяц ему приходилось ездить по делам на Кубань. До отлета в Краснодар оставалось недолго. Ждать он не любил, но тут выбирать не приходилось.

Следующий день выдался хлопотным. С самого утра к Бодневу заявила массажистка.

Она приходила к нему и к его жене три раза в неделю.

– Что-то вы сегодня, Леонид Аркадьевич, малость нервничаете, – говорила она, теребя с разных сторон Леню. – Я смотрю, тонуса никакого.

– Работа нервная, Леночка.

– А вы бросайте такую работу к чертям. Переходите к нам, в поликлинику. Никаких нервов не будет.

Леня только усмехнулся.

– К вам, Леночка, мне не интересно. Лучше вы, Леночка, перебирайтесь ко мне.

Массажистка закончила его мучить и стала собираться.

Она ушла бесшумно, оставив после себя шлейф чего-то неуловимо победного. Словно само присутствие этой массажистки в жизни Лени Боднева свидетельствовало о том, словно она, его жизнь, безусловно удалась.

Он стал собираться – впереди была важная встреча.

Во дворе Леня посмотрел на небо – ему показалось, что собирается дождь, и пошел к своей машине. Он шел по-царски, степенно.

Вокруг бегали мальчишки. Дворник мел улицу. Леня прорешествовал мимо, ни на кого не глядя.

– Вот любит человек жизнь, – пробормотал дворник вслед.

– Ты о чем? – спросила его соседка, что сидела на лавочке, грызя семечки.

– Да вон, пошел!

– Кто?

– Жилец наш. Видела, какая у него машина?

Дворник показал на бордовую сверкающую «Волгу», которая поджидала хозяина.

– И че? – спросила женщина.

– А то, что живут же люди. Ты думаешь, где работает этот товарищ?

– Я откудава знаю? – удивилась женщина.

– Часовщик. А «Волга» у него, как у секретаря райкома. Понимаешь?

– Нет.

– Сначала у него «двадцать первая» тут стояла, – продолжал дворник. – Вон тут, – дворник указал на ряд гаражей, теснившихся во дворе. – Ну, фигура оленя там на капоте была. Потом 24-я модель появилась. А теперича вот эта...

– И?

– Вот тебе и «и»! Большой человек ходит, даром, что часовщик.

– Вот же люди могут, – снова ахнула собеседница дворника.

А дворник опять принялся мести. Леня Боднев отправился на рынок.

Одной из самых привычных и теплых форм препровождения времени в ту пору было, конечно, застолье. Каждый из нас по-своему умел и ценил культуру застолья. Если с алкоголем все было более-менее просто, выбор небольшой: водка, вино, коньяк и шампанское, то еда представляла собой поле, где можно было развернуться.

Леня Боднев любил принимать гостей и понимал толк в том, что подать на стол.

Он принадлежал к разряду тех мужчин, кто предпочитал покупать продукты сам. Это делалось не столько для того, чтобы облегчить участь жены, сколько говорило о том, насколько Боднев трепетно относился к тому, что создавало понятие «вкус жизни» и прием гостей.

Леня появился на рынке, словно бог, и начал медленно обходить ряды. Десятки рук торговок и торговцев тут же потянулись к нему, как нежная трава тянется к солнцу, желая заполучить его к своему товару.

– Слушай, дорогой, – донеслось с рядов, где стояли торговки виноградом, – попробуй ягоду, настоящий хмель, а не ягода. – Глаза их озорно блестели. – Мандарины! Мандарины! Золото, а не мандарины, – завопила тетка со сплошным рядом золотых зубов и еле заметной полоской усов. Леня мужественно все выслушал. Он знал, что на это нельзя покупать. – Помидоры, помидоры... Слышь, мужчина, посмотри на помидоры. Или ты не мужчина! Это же кровь, а не помидоры. Ты посмотри, какой красный! Леня и тут не откликнулся. Десятки глаз – черных, блестящих как маслины или тусклых как агат, провожали взглядом Ленину фигуру. А вот сахар, сахар, а не инжир! Подойди, дорогой! – донеслось слева. Леня замер, недоверчиво обернулся. Смуглая как изюм и такая же сморщенная женщина протягивала ему сочные южные плоды. – Покажи инжир. – Да ты что?! – словно Леня уже в чем-то сомневался, заорала торговка, – смотри, какой инжир! Крем-бруле, а не инжир! – Она как цветок раскрыла лиловый плод и поднесла к Лениным губам. Горчит, – брезгливо поморщился Леня. – Где же горки!? Ты посмотри, как сахар сладкий инжир. Пусть небо меня покарает, если я вру. Да, дождешься, тебя покарает. Инжир быстрее в дерево превратится. – Да чтоб меня скрутило. Бери, не пожалеешь. Уступаю. – Ладно, потом, – Леня

махнул рукой и пошел дальше. – Мужчина, слива не желаете!? Свежайший. Попробуйте! – Леня прошел мимо. Этот голос у него доверия не вызвал.

Бабы сидели или стояли рядом, и блеск их глаз мог поспорить с блеском драгоценных камней.

– Мужчина, – скороговоркой выстрелила в него следующая, – попробуйте мои яблочки. Шампанские яблочки, таких на всем рынке ни у кого не сыщешь. – Бери, бери, – яростно закричала ее соседка и стала совать прямо в руки Лене мушмулу, – дешевле отдам. – Пятая просто молча схватила его за рукав и не отпустила, пока Леня не откусил от ее груши:– Ну как? Берешь?

Леня мужественно покачал головой. Он прошел мимо всех них, бросив лишь мимолетный взгляд на ту, что пела о своем товаре нараспев, как муэдзин. Он всегда шел к своим: двум-трем проверенным, которых знал по именам и которые специально придерживали для него самый лучший товар. Отдавали они его по весьма приличным ценам, но Леня не скупился. Он знал, что черная икра, которую ему отвесили, была самого отменного качества. Красный рыбец – самого нежнейшего посола. Огурчики – такого зеленого цвета, который можно было увидеть только во сне, а пупырышки – мельчайшие, словно зубчики младенца. Помидорчики, что он выбрал, грозили вот-вот треснуть от силы солнца, которую они накопили, специально дожидаясь его взгляда. Затем ему взвесили барашка, который, казалось, еще бегая по лугам, сам мечтал об огне, на котором его поджарят. Этот поход на рынок был своеобразным маршем победы Лени Боднева, который свидетельствовал о его реальном положении в городе. Вообще, наш кубанский рынок был уникальным явлением – полная противоположность планового хозяйства. Если магазины оживали только тогда, когда в них завозили дефицит, то на рынке всегда было все, что только можно было

себе вообразить: мясо самого аппетитного вида, молоко с одуряющим ароматом, сметана, в которой стояла ложка, икра, словно сама просящаяся на язык. Да, это стоило немалых денег... Но это было. И рынок был тем местом, которым Краснодар мог гордиться. Потому что там даже в голову не могла закрасться мысль о каком-то загнивании эпохи, так все там цвело и пахло в прямом и переносном смысле – в этом оазисе частной торговли. Там же прямо на рынке варили целые котлы капусты, которую затем пускали в пирожки, что продавались по пять копеек. В памяти моей навсегда остались ливерные пирожки по четыре копейки за штуку. Всегда можно было купить за двадцать копеек пять пирожков и наесться вдоволь. Один огурец, кружка пива – и жизнь казалась самой счастливой штукой на свете. А теперь прибавьте к этому красивых женщин, которые ходили на этот рынок, и вы поймете, что иногда там был действительно филиал рая. Жизнь кипела и играла. Глядя на нее со стороны можно было всерьез поверить, что в СССР смогли наконец построить счастливое общество.

К середине дня солнце нещадно затопило Краснодар зноем. Но в огромной квартире Боднева в самом центре города было прохладно. Шторы из китайского шелка создавали уютный полумрак, рассеивая яркий солнечный свет. Сам хозяин лениво подремывал, когда раздался звонок в дверь.

Нина, его жена, пошла открывать.

– Анатолий Георгиевич! – услышал Боднев ее восторженный голос. – Ленья, Ленья, посмотри, кто к нам пришел!

Ленья вскочил с кресла, помчался в переднюю. Там, в полумраке прихожей, возвышался его сановный друг.

– О-о! Анатолий! Здравствуй! – Ленья распахнул руки для объятия. – Проходи, дорогой.

– У-у, как у тебя вкусно пахнет. – Тарада шумно потянул носом. – Проголодался, если честно.

– Я сейчас, сейчас... Вы проходите пока, пожалуйста, – затараторила Ленина жена и тут же принялась подавать на стол все то, было приготовлено для важного гостя: закуски, рыбу, икру, свежий хлеб, зелень.

Старые друзья расположились в гостиной. Нескромная Ленина квартира имела все атрибуты дворца восточного падишаха: антиквариат, картины старинных художников, фамилии которых он, может быть, даже путал: Айвазовский, Филонов, золото, бронза, – все смешалось в одно яркое блюдо на ста двадцати квадратах жилой площади.

На стенах – пушистые ковры. На полу – узорчатый паркет.

– Все время смотрю на эту картину, и не могу взгляд оторвать, – Тарада показал рукой на стену. – Скажу честно, производит впечатление.

Леня Боднев польщено улыбнулся.

– Что можем, то можем, Анатолий Георгиевич.

Леня взял с полки и покрутил в руках старинное ситечко для заварного чайника.

– Русское серебро, – пояснил он, заметив вопросительный взгляд Тарады, – сейчас особенно ценится.

– А это что? – спросил Анатолий, указывая на фиолетовое яйцо.

– Фаберже, – гордо ответил Леня.

Тарада взял яйцо в руки, повертел:

– А как понять – подлинное или нет?

– Тут надо быть специалистом, – лукаво заметил Леня. – Подделками завалены все арбатские комиссионки в Москве. Но у меня – настоящее.

Леня понимал толк в сладкой жизни.

– Смотри, что у меня есть! – Леня открыл дверцы бара и достал покрытую плесенью бутылку. – Столетнее «Бордо».

Шеренга бутылок могла произвести впечатление даже на выдавшего виды знатока. Ряд драгоценных коньяков и дорогих, специально запыленных винных бутылок способен был вызвать дрожь у ценителя. Собственно, может быть поэтому у него иногда и любило собираться наше общество.

Тарада с интересом повертел уникальную вещь в руках.

– Неужели пить можно?

– А то! – воскликнул Ленья. – Это тебе, – неожиданно протянул он бутылку Анатолию.

– Ты что?

– Выпьешь – проверишь: можно пить или нет, – лукаво улыбнулся Ленья.

– Ну, спасибо, – Анатолий Георгиевич прижал широкую ладонь к сердцу.

– У тебя-то что нового?

Ленья открыл ящик стола и вытащил лист бумаги.

– Толя, посмотри тут, – Боднев положил перед Тарадой лист, исписанный аккуратным ровным почерком. – Здесь надо выделить машину, – он ткнул толстым пальцем напротив какой-то фамилии. – А здесь – квартиру. Там с властями на низах есть уже договоренность. Нужен только твой звонок. Ребята готовы рассчитаться золотыми монетами. Поверь, я их знаю.

– Хорошо, – Тарада аккуратно сложил лист и спрятал его во внутренний карман. – Позвони мне через неделю. Я все решу, – произнес он тихо. – Да, и «Волг» месяц не будет.

Боднев молча кивнул, потом вдруг спохватился.

– Да, Толя, тут по прошлому – все готово.

Он бережно достал из кармана бархатной домашней куртки конверт, и положил перед Тарадой.

Тарада благодарно посмотрел на Леню. Потом накрыл своей огромной ладонью пухлую маленькую Ленину ла-

донь и несколько раз похлопал по ней, словно говоря: «Это тебе спасибо».

– Леня, ну пригласи уже гостя за стол, у меня давно все готово! – крикнула жена Боднева.

Леня с Тарадой перешли в столовую. Хозяин потянулся к хрустальному графинчику:

– Может, рюмочку?

– Это мы оставим до более удобного случая. Когда все соберемся, – добродушно улыбнулся Тарада.

– Да, реже мы стали видеться. Лешку давно не видно...

Анатолий Георгиевич с ироничной улыбкой глянул на Леню и продолжил трапезу.

– Эх, Леша, Леша... Наш старый товарищ. Ты ж знаешь, я о нем тоже недавно вспоминал. Как мы тепло всегда общаемся. Что-то он запропастился куда-то?

Боднев уставился на Тараду.

– Вроде, он никуда не исчезал. Вот, намерен должен приехать.

– Это хорошо. – Анатолий Георгиевич рассмеялся. – Леша наш – абсолютно. Смотри куда попер – в саму Москву! Кто б мог подумать? И, Леня, посмотри: его сыновья: Славик – в Тихорецке, директор хороший, – Тарада многозначительно поднял вилку. – Игорь тоже молодец, развернулся в Анапе. Только-только вылутился – а уже директор! А кто им тут вместо отца? Они спокойно работают, и Алексей может не волноваться пока они под моей опекой.

– Толя, да о чем ты говоришь? Они по гроб жизни благодарны тебе за то, что ты для них сделал. Они ж все понимают. Кстати, как у них вообще дела? Окрепили?

– Думаю, что вполне. Ты знаешь, они со мной созваниваются, докладывают. Я владею ситуацией, но... – Тарада многозначительно посмотрел на Леню.

Леня настороженно посмотрел на него.

– Одного доклада-то мало, – пробормотал Тарада и отставил тарелку в сторону.

– Понимаю, понимаю, – согласно закивал Леня.

А Анатолий Георгиевич тяжело, по-театральному вздохнув, перешел к следующему блюду.

Лена смотрел на своего друга и улыбался.

– Толь, давно мы все вместе не встречались! Гельман носу не кажет, окопался там в своем «Ауле» – гарем развел, а с нами не делится!

– В точку. Умеешь ты затронуть струны, Леня! Молодец, что вспомнил. Надо нам к Мишке нагряться, посмотреть, чем он живет, чем потчует дорогих ему друзей. Тут у меня пленум на носу, вот после него вздохнем свободнее, выберем время для встречи.

Леня проводил Анатолию Георгиевича до дверей, трепетно пожав на прощание его руку.

– Какой человек! – шепнул он супруге, когда они остались вдвоем.

Улицы Краснодара блестели после недавнего дождя. В воздухе чувствовалась прохлада, но в квартире Лени Боднева все окна было наглухо зашторены. Хозяин, сидя в кресле с гнутыми ножками и вензелем какого-то французского герцога на зеленом атласе, набирал номер.

Боднев был возбужден.

– Леш, не отрываю? – услышав в трубке голос своего друга, спросил он.

– Говори, говори. Рад слышать, – ответил Алексей Бабаев.

В Главке кипела работа, но его никто не беспокоил. Ни совещания, ни просители.

– Леш, мне кажется я понял – в чем дело, – начала Боднев.

– Да?

– Уверен.

Алексей сразу насторожился.

– Это касается твоих ребят. Ничего страшного, – поспешил успокоить Леня, – но есть некоторые проблемы. Лучше бы тебе сюда подъехать. Это не телефонный разговор.

На другом конце провода повисло короткое молчание.

– Слушай, я собирался в следующий понедельник вылететь к вам. Вылечу раньше.

– Я тебя встречу и переговорим на эту тему.

– Готовь печенье, друг мой! – загремел Алексей.

Боднев расплылся в улыбке:

– Будем ждать тебя!

Боднев аккуратно положил телефонную трубку и бережно погладил перламутровый остов аппарата; он любил все красивое и старинное, а этот телефонный аппарат был настоящий, дореволюционный, от его собственного московского канала и, по сути, доставшийся за копейки.

После разговора с Алексеем Боднев поехал напрямик к себе на работу.

Леня Боднев выделялся даже на фоне всех незаурядных друзей моего отца. Чтобы понять масштаб его личности, требовалось не просто знать законы обычной плоской геометрии – так называемой двухмерной. Тут требовалось знание законов искривленных миров, и прежде всего мира Лени Боднева.

Местом его работы была обычная часовая будка. На первом этаже типичного советского универмага. Где-то под лестницей.

Там его можно было увидеть, сидящим в своем синем халате, похожим на миллионы других часовщиков, с венчиком курчавых седых волос, лохматыми бровями и пронзительным взглядом карих глаз навывате.

Говорил он всегда медленно, словно взвешивал каждое слово на весах добра и зла. Стоило понаблюдать за ним пару часов, и вы бы пришли в величайшее изумление.

В его будочку иногда заходили очень странные люди, в дорогих костюмах, крой которых явно указывал на импортное происхождение.

В тот день к нему пришел незнакомец, о котором Ленью предупреждали – друг одного его хорошего знакомого.

Незнакомец выложил часы, аккуратно завернутые в бумагу. Боднев развернул упаковку, взял в руки часы и, быстро вскрыв механизм, начал их рассматривать.

– Тут у вас ось стерлась, – сказал он, – надо бы заменить. И пыль... Почистить не мешает, – он водрузил на глаз мощную лупу.

– Вот смотрите, – он протянул часы под нос клиенту, как будто тот мог разглядеть все эти шестеренки и зубчики, – видите?

– Да, спасибо. Сколько с меня.

– В кассу, пожалуйста.

Посетитель кивнул и выложил перед Ленией бумажку.

Леня внимательно ее прочитал, и спрятал себе в карман.

– Пожалуй, я вам могу помочь, – произнес он тихо. – Позвоните через две недели.

– Я могу надеяться? – спросил незнакомец еще тише.

– Не волнуйтесь. Все будет в наилучшем виде, как с часами.

Незнакомец отошел от стойки.

Боднев порвал бумажку на мелкие части и выкинул в корзину.

Через пару часов к нему подошел директор универсама.

– Леонид, можно вас? Я не знаю, как быть, – пролепетал директор. – Грядет проверка. Может быть, вы можете?

– Кто проверяет? – спросил Леня философски.

Директор назвал фамилии.

– Я попытаюсь что-нибудь сделать, – успокоил Леня директора.

– Я вас очень прошу, – голос директора стал почти что подобострастным.

Боднев посмотрел на часы. Его рабочий день подходил к концу. Пора было уходить.

– Всего доброго.

Как-то я спросил отца, в чем секрет Боднева. Тот ответил:

– Иногда очень важно уметь связывать людей, которые в обычной жизни никак не связаны. Вот ты можешь представить, чтобы простой часовщик общался с заведующим отделом промышленности и торговли крайкома. Я – не очень. А Леонид – может. Он знает много людей, должности которых были несоизмеримы с его, но почему-то многие из них считают за честь дружить с Леней.

XVI

Самолет из Москвы приземлился строго по расписанию.

Леня Боднев шарил взглядом по залу для встречающих, выискивая глазами мощную фигуру Алексея. Он специально примчался пораньше, чтобы встретить товарища.

Показались первые пассажиры. Они выходили из зала прилета. Леня сразу заметил статную фигуру Алексея.

Красивый, вальяжный...

«Король», – подумал про себя Леня. Он бросился к другу. Со стороны это выглядело, наверное, немного комично. Леня был чуть ниже Алексея. Пухлый, как шарик. Фигура Алексея, наоборот, излучала мощь. Вот вроде такой как все, а в то же время – и не такой.

Друзья крепко обнялись.

– Где, черт возьми, ты столько пропадал? – зачастил Боднев. – Я тебя уж тут битый час ожидаюсь.

– Мог бы узнать расписание, – пробасил Алексей.

По его лицу было видно, что ему приятны и тон встречи, и человек, который ради него отложил все свои дела и приехал его встречать на своей сверкающей «Волге».

– Да я-то приехал как надо, а вот ты – задержался. Если бы расписание самолетов было столь же безукоризненно, как мое чутье, – легкий тенорок Боднева сбивался на дискант, – наш Аэрофлот не знал бы проблем.

Алексей засмеялся.

– Не хвастайся своим чутьем, а то сглазишь. Ты езжай, – вдруг сказал он какому-то мужчине, что тоже подскочил к Алексею Наумовичу.

Это был директор филиала Росшвейпрома, который приехал встречать свое начальство.

– Потом позвоню, – отрезал отец.

Подчиненный кивнул и растворился в толпе. Друзья уселись в машину.

Алексей с интересом поглядывал в окно. Слева и справа замелькали фигурки людей, спешащих по своим делам. Солнце спряталось за облака. Птица летела по бледно-розовому небу. Дома украшали улицы, а над всем миром, сколько хватало глаз парил какой-то дух молодости и задора.

– Тебя прям возраст не берет, – покосившись на него, заметил Боднев.

– Да ты тоже не чахнешь.

– Рассказывай, как живешь! – Боднев впился в товарища взглядом.

– Ты давай за дорогой следи! – усмехнулся Алексей.

На всем вокруг лежал отпечаток какого-то искреннего довольства и ненарочитого, неподдельного достатка.

– Ты знаешь, все время вспоминаю слова: «Жизнь – это сон, но лучше не просыпаться».

Друзья захохотали.

– Да, жизнь коротка – работа бесконечна, – улыбнулся Боднев, крутя баранку.

– Ну, рассказывай, что ты узнал нового? – неожиданно серьезно спросил Алексей.

Боднев переключил передачу и положил руку на подлокотник, устроившись поудобней.

– Леш, я не буду тебе говорить, что значит Анатолий в судьбе твоих ребят, это ты и без моих слов знаешь. Но он чем-то недоволен. Скорее всего, это оттого... – Леня задумался, подбирая точные слова, – ...что они не оказывают ему должного внимания.

Алексей взглянул на друга, но перебивать не стал.

– Засели на своих заводах, общаются, только когда это надо по работе – и все. Понимаешь? Толя – чувствительная натура, любит, когда ему оказывают внимание. Ты же знаешь, что он любитель теплого, личного общения. Поговорил бы с ребятами... Уверен – все элементарно, только надо их немного направить на правильный путь во взаимоотношениях с Анатолием.

Алексей несколько секунд задумчиво смотрел на Леню, будто желая что-то спросить, но ничего не сказал. Нахмурился.

– Да ладно тебе, Леш! Брось. Ребята у тебя прекрасные. Только зеленые пока.

Некоторое время Алексей ехал молча, о чем-то сосредоточенно думая, потом хлопнул себя по колену, как будто нашел верное решение, и энергично повернулся к Бодневу, который лихо выкручивал баранку на вираже.

– Слушай, может, ты ко мне водителем пойдешь работать, я тебе перевод в Москву устрою, – рассмеялся Алексей, – водишь, словно гонщик.

Леня захохотал коротким звучным смехом, в горле у него заклокотало. Он было подумал, что Алексей на него обиделся.

– У меня для тебя есть хороший сюрприз, – косясь на друга одним глазом, процедил Боднев.

– Что за сюрприз? – брови Алексея взметнулись, словно говоря: «На сегодня сюрпризов хватает».

– Посмотри на это, – ответил Боднев и достал из кармана пиджака бархатный красный мешочек, перевязанный белой тесьмой.

Он передал его Алексею. Тот неспешно развязал и присвистнул: перед ним, поблескивая, лежали два огромных бриллианта.

Алексей осторожно взял в руки камешек, посмотрел через него на солнце.

– Двенадцать карат, – прокомментировал Боднев, не отрывая взгляда от дороги, – чистейшей воды камень.

Алексей молчал. Потом столь же аккуратно достал второй камень, и также просветил солнечным лучом.

– Восемь карат, – заметил Боднев.

Алексей помолчал, разглядывая камни, потом уважительно кивнул и многозначительно посмотрел на Леню, словно говоря: «И где ты достаешь такие вещи!?»

– Лешенька, будь у меня бабки, я бы сам забрал, – сказал Боднев. – А тебе это взять надо. Тебе это по карману. Я советую.

У Алексея не было и тени сомнения в том, что говорит Леня. Он уже не раз покупал у него царские монеты.

– Двенадцать карат – такой чистой воды камень еще поискать надо, – повторил Леня.

Алексей кивнул.

– Когда нужно бабки привезти?

Леня усмехнулся.

– Ты не прогадал, – сказал он серьезно.

– Я скоро еду в Кисловодск, – сказал Алексей подумав.

– Я пришлю туда своего человека.

– Хорошо, там и передам деньги.

Некоторое время они ехали молча.

– Ты не меняешься, – озорно посмотрев на него, заметил Боднев.

– Да уж, не меняюсь, – запротестовал Алексей. – Ты посмотри вокруг, здесь чувствуешь себя человеком, не то, что в Москве. Там все хотят чего сами не знают. Нет ясности желаний. А так нельзя... Поэтому и завидую. У нас тут все проще.

За окном мелькали хибарки под ветхими крышами. Совсем как те, в которых он начинал свою новую жизнь в Кисловодске.

– Ты не сделаешь круг? – попросил он Леню. – Люблю проехаться по Красной улице. Знаешь, столько всего вспоминаешь, что было, думаешь о том, что будет.

– Ты чего загрустил? – заметил перемену настроения Боднев. – На работе что-то не так?

– Да нет, там все в порядке, просто хрупок мир под этим солнцем.

– Тебе точно не помешает отдохнуть... Знаешь, сейчас хорошо поедим, накатим, все как рукой снимет.

– Да, ты прав! Только сначала все же давай в гостиницу. Кинем вещи. Хотя, – Алексей посмотрел на Боднева, и в глазах его заплескали огоньки, – трезвый человек и тошая корова хороши лишь после смерти.

Боднев многозначительно посмотрел на Алексея выразительным взглядом сына Сиона и захихикал.

Алексей вздохнул.

– Сесть ты стал, братец, – заметил Леня, придиричиво отмечая легкую седину на висках друга. – Тебе сейчас сколько? Двадцать пять?

– Ты забыл?

– Мне интересно. На самом деле – сколько?!

– Все, что есть – все мои.

– А вот мне уже скоро полтинник, – вздохнул Боднев.

– Да ты что? Ты не стареешь! – отозвался Алексей.

Ему снова как в юности захотелось пошутить, опрокинуть стопочку, шлепнуть девчонку по аппетитной попке.

– Леня, а вот ты мне скажи, когда ты надеваешь халат часовщика, люди догадываются, какой ты у нас значимый?

Леня поморщился.

– О чем ты говоришь?

– Ну, ну... Мы-то знаем.

Алексей снова посмотрел в окно... Почему так непрочна человеческая радость?

Он задумался и поймал себя на мысли, что прослушал, о чем начал рассказывать Боднев. Тот, поглядывая коротко на друга, продолжал:

– Хоть раз, но ты был на волосок от смерти, верно, да? Но выбирался из любой передраги. Вот я и думаю, сколько это будет еще продолжаться? Сколько нас будет хранить наш ангел-хранитель? Мир не становится спокойнее, разве не так, Леша!

– Может быть и так, – усмехнулся Алексей. – Только панихиду петь рано. Я вот думаю, с моим переездом в Москву точно что-то изменилось: одна бесконечная гонка. А ради чего?

За окном замелькали кустики городского парка.

– Леня, – начал Алексей, – Тарада прав. Моим ребятам следует оказывать Анатолию должное почтение...

Лицо Боднева просветлело.

– Я тебе ничего нового не сказал, Леша. Ведь так?

Алексей ничего не ответил, уставившись в окно. Вон старик сидит на лавке похожий на его отца. Надо было повидать Нахамье. Алексей хлопнул себя по колену.

– Господи, – воскликнул Боднев, неправильно истолковав жест Алексея. – Надо просто уметь быть благодарным.

– Я тебя понял, – хмуро кивнул Алексей.

– Мир не меняется. Поговори с Анатолием. И увидишь, как все встанет на свои места.

Алексей опять промолчал в ответ.

Бабушка в зеленом пальто играла с маленьким мальчиком в песочнице, помогая внуку набивать в ведерко песок. Везде кипела жизнь! Все казались поглощенными своими делами, а ведь покажи им рубль, тут же обо всем позабудут.

Машина мягко притормозила у подъезда гостиницы «Кавказ».

В иные дни это место служило Алексею Бабаеву и офисом, и крепостью, где он укрывался от житейских бурь и откуда «руководил парадом».

Девочки-администраторы, официантки, горничные Алексея Наумовича обожали. Одним он дарил подарки, другим – щедро давал на чай, третьим устраивал путешествия...

Такой человек всем приносил пользу, умея быть нужным, и в ответ пользовался особым вниманием, ему никто не в силах был отказать.

Алексей вошел в холл, едва заметно кивнул женщине-администратору, та радостно ему ответила. Взял ключ от номера, в котором всегда останавливался, и стал подниматься к себе. Внезапно замер посередине лестничного пролета: как же просто устроен мир! Для него все снова стало ясно как на ладони.

И не было бы этого сжигающего душу раздражения, этой ярости, что иногда переворачивала все его нутро, изливаясь на близких. Насколько было бы все проще, если бы люди сразу научились понимать друг друга без слов – тогда не было бы войн, никто никого бы не убивал, люди не оскорбляли бы друг друга.

Алексей первый раз за утро ненатужно улыбнулся и вошел к себе в номер. Посмотрел в зеркало. Дружба

понятней любви. Женщины самой природой устроены так, чтобы изменять. Друзья-мужчины, сохраняют верность.

Он подумал о Вале, что ждала его в Москве. Секретарь, домработница, просто собеседник. Он сам не задумывался над тем, кем она ему была. Но мужчина без женщины не может.

Отец бросил портфель на диван. Набрал номер директора краснодарского филиала, долго беседовал с ним. У него были дела в городе, но они могли подождать...

XVII

Я был разбужен телефонным звонком. В трубке раздался Славин голос:
– Игорь, отец в Краснодаре. Сказал, что срочно хочет нас видеть.

Как же меня радовали такие сообщения. Это означало, что все надо бросать и мчаться из Анапы на встречу. Сопротивление было тем более отчаянное, что все это касалось напрямую именно меня.

Но вместо протеста я произнес:

– Понял, когда?

– Завтра в одиннадцать. В гостинице «Кавказ».

С каким бы удовольствием я остался сейчас лежать в постели, но надо было вставать и мчаться.

Мы со Славой подъехали к гостинице почти одновременно. Молча обнялись и так же молча стали подниматься к отцу.

– А-а-а, вот и вы! Привет, Слава... Игорь!

Он обнял нас, пытливо заглянув в глаза.

– Вы прям к столу поспели. Я как раз ребят своих из Росшвейпрома жду.

В просторном люксе стол ломился от яств: семга, стерлядь, форель, икра, зелень... Отец ждал гостей, и накрытый стол всегда был атрибутом решения всех проблем, возникающих в жизни.

– Давайте закусим немного, – отец указал на стол. – Как у вас идут дела? – спросил он, внимательно разглядывая каждого из нас, словно мы изменились с последней встречи.

Мы уселись друг напротив друга, образовав треугольник, точно в детстве, когда отец собирал нас для проверки школьных дневников.

– Все ничего, пап, – бодро начал Славик.

– Тогда по порядку рассказывай. Как обстановка?

Он был настроено абсолютно миролюбиво.

– Да все нормально, пап...

– Ну а конкретнее?

Слава удивился. Но раз отец просит, он начал рассказывать в деталях. Отец слушал с интересом. Не перебивая.

Он как будто преследовал какую-то цель, действуя аккуратно, как хирург, который тем не менее находит больное место. Мы сидели, мирно говорили, выпивали, закусывали. Славин рассказ действовал усыпляющее.

Я почти расслабился.

Слава рассказывал про свои фонды, цистерны, бродильные чаны, в которых пенилась, булькала винная брага – все это было обыденно.

– В общем, мне кажется все нормально, пап, – закончил Слава, выпрямляясь. Только сейчас я заметил, что он был немножко напряжен. – Процесс идет. Сам знаешь как: того не хватает, этого не хватает – и надо это все доставать.

– И как ты это делаешь?

Слава развел руками.

– Тарада помогает, – сказал он как само собой разумеющееся. – Сам звонит, интересуется, слава богу. Я ему все рассказываю.

– А он?

– Содействует. Никаких отказов.

Отец сидел, опустив глаза в пол. Он слушал, изредка кивая или вставляя замечания.

– Будьте внимательны. Вам надо отдавать отчет каждому своему действию.

– А у тебя, Игорь, как дела? – отец обернулся ко мне.

– Да как обычно. Даже рассказывать нечего. Если есть проблемы, обращаюсь к Анатолию Георгиевичу.

Отец замолчал, как будто услышал что-то новое и не знал, как к этому отнестись.

– Вроде нареканий нет, – закончил я.

– Нет нареканий? – переспросил отец с удивлением.

Он снова помолчал, разглядывая картину, на которой медведица с медвежонком бродили вместе с мирно пасущимися белыми овечками.

– Значит, вы благодарны Тараде. А он-то не благодарен.

Мы со Славой удивлено переглянулись.

– Такова ситуация на сегодняшний день. Что переглядываетесь?

Это было сказано тоном, который не предвещал ничего хорошего. Я нахмурился. Отец любил сюрпризы.

– Он даже, – отец произносил каждое слово отдельно, будто вбивал столб в землю, – меня оттолкнул от себя! А причина-то – в вас.

Его голос поднимался все выше и выше, постепенно раскаляясь, словно слова состояли не из звуков, а из тока в тысячу вольт.

– Мы здесь при чем? – не понял Слава.

Я почувствовал себя как в детстве, когда отец требовал, чтобы мы показали отметки за поведение. Удар отцовской ладони по столу прозвучал резко, словно захлопнулась мышеловка.

– Замолчи! – крикнул отец. – Ты не понимаешь? – Он свирепо посмотрел на Славу. – Тарада вложился в вас и теперь хочет видеть отдачу! Так понятно!?

Алкогольные пары уже ослабили его тормоза, и эмоции вырвались на волю.

– Свиньи! – заорал отец, вскакивая. – Вы неблагодарные свиньи! – Его голос врезался нам в уши как бормашина стоматолога.

Отец уже выпил пятую или шестую рюмку.

– Вам надо дорожить отношениями с Тарадой. Если не понимаете, спросите у меня.

– Они у нас нормальные, – заметил, оправдываясь, Слава.

– Ничего нет нормального! – закричал отец, стуча кулаком по столу. – Ни-че-го! Вам это понятно?

Мы как будто воды в рот набрали.

– У вас отношения материальные! – почти по слогам прокричал отец. – И вы должны это понимать!

Слава вжался в кресло.

Что-то темное просыпалось в нем, когда он бывал в таком состоянии, что-то темное, что потом передалось и мне, и это заводило, требовало своей жертвы и выхода.

– Хватит ломать комедию. Все вы прекрасно понимаете, – грозно продолжил отец и вскочил.

Есть такой гнев, который может разрушить даже душу. Ярость отца была такой природы.

Нам оставалось только одно – молчать, пережидая атаку.

А отец, словно нокаутированный собственным голосом, вдруг прекратил орать и спросил почти тихо:

– Слава, послушай меня, – он наклонился к старшему брату, – Тарада вам сегодня создает имя. Именно он, а не вы. Понимаешь? Вы без него еще – никто. Он определяет ваше благополучие. Понятно?!

Слава затравленно кивнул. Отец обернулся ко мне:

– Раз понятно, Игорь, почему вы так себя ведете?

Мы продолжали молчать.

– Вы о себе подумайте, – отец перешел на более миролюбивый тон. – Он же не может вас все время тянуть. Ты говоришь, фондов не хватает – помогает Тарада. То, не поставили, пятое-десятое. Кто помогает? Опять Тарада. Он зачем это делает? За ваши красивые глаза?

Отец стукнул кулаком по столу.

– Слава, ну подумай сам: он выделяет фонды, средства на закупку сырья. Он делает все для того, чтоб ты мог спокойно работать и зарабатывать. Его вклад я вижу. А твой вклад в ваше общее дело я пока не вижу. Тебе нужно заполнить недостающее звено в этой цепочке. И все встанет на свои места. Так что посмотри, посчитай, о какой сумме может идти речь. Так, чтоб он был доволен.

Мы замерли, округлившимися глазами смотря друг на друга. Первым нарушил тишину Слава.

– Пап, ты, наверное, прав. Его помощь ощутима. Я это сделаю.

Отец прервал Славу взмахом руки.

– Правильно, надо все исправить, – он говорил уже почти дружелюбно, как будто делился тайной, хлопая по бедру своей мощной ладонью, словно помогая себе этим жестом подбирать слова.

– Игорь, а у тебя как?

– Да его прямого участия в производстве нет необходимости. Все, что нужно, делается. Фонды, реализация – это все есть, не нужно ничего пробивать через него.

– И тем не менее, Игорь, он ждет отдачи. Поверь мне.

Он обошел несколько раз вокруг стола:

– Слушайте, вы ведете себя как наивные котят! Не понимаете самого устройства жизни. Вы же не дураки! – почти выкрикнул отец. – В общем так, я сам скажу Тараде, что у нас состоялась беседа, а вы уже после встретитесь с ним, как надо.

В этом «как надо» было все: и просьба, и приказ.

Что меня больше всего удивило: в его словах про нашу наивность и недопонимание ситуации мне почудилось другое, что легким эхом несло совсем иной смысл – потаенный, которым отец ни за что и никогда не поделился бы с нами открыто: «Ладно, не уважаете Тараду. Но вы и мне не готовы отплатить тем, что требует от вас закон жизни».

Это не было сказано прямо, но в том урагане, который на нас обрушился, таинственный намек прозвучал довольно отчетливо.

Всю жизнь мы должны были возвращать родителям свой сыновний долг. Обычай гласил: «Мы вкладывались в вас, теперь возвращайте нам».

Отец стал благодушным. Его теплый голос лился как елей.

– Скажу ему, что вы все прекрасно понимаете. Был элемент недопонимания, да. Между вами. Это понятно. Вы должны были получить мое благословение, прежде чем действовать. Теперь я вас направил на путь истинный. Понятно?

Он хлопнул ладонью по столу, но это был уже другой хлопок, как стук судейского молотка, возвещающий об окончании слушания дела, которое закрыто и обжалованию не подлежит.

– Да, я с ним встречусь, – повторил отец и отодвинул от себя пустую бутылку водки. Потом посмотрел на часы, видимо, его уже поджидала другая встреча. – Я потом вам скажу, как правильно поступить,

Он обнял каждого из нас, повторяя:

– Скажу Тараде, что поговорил с вами. А вы у него потом появитесь.

Мы, криво улыбаясь, начали прощаться. Буря миновала, но осадок остался.

С каким удовольствием я бы сказал ему что-то другое, чего он не знал или не понимал. Но ни мне, ни Славе не было дано тогда это сделать. Это были уроки – суровые уроки нашего вспыльчивого отца.

Но как бы к ним ни относиться, эти уроки открывали нам мир в его неприкрытой наготы. Мир, в котором не было места воздушным замкам и иллюзиям. И никак иначе.

Это была правда, против которой ничто не могло устоять.

Мы вышли из гостиницы. Ветер кружил сухие листья, обдавая нас теплыми волнами. Захотелось улететь вместе с ветром. Подняться с ним над землей и понестись куда-то далеко-далеко. Туда, где мы были бы самими собой. Только найдем ли мы когда-нибудь такое место и не испугаемся ли самих себя, если увидим в своем отражении свое истинное лицо?

XVIII

Профили друзей отца четко выделялись на фоне сереющего неба, а голоса гулко разлетались по всему залу. Они собрались почти все – весь наш круг: холеные, уверенные в себе люди.

Прием устраивал Швыдченко.

Это был высокий статный красавец-мужчина. Очки, которые он носил, придавали ему благообразный профессорский вид. Своим прозвищем он был обязан цыганской крови, которая текла в его жилах. Харизматичный, он мог обворожить любое нежное женское сердце. Говорили, что он поставлял девочек для Тарады.

Своим успехом он был целиком обязан Анатолию Георгиевичу, который сделал его сначала директором ресторана, а затем руководителем треста ресторанов всего Краснодара. Жгучий брюнет, Швыдченко не был похож на обычного цыгана. Правильные, даже немного нежные, черты лица, точеный нос и светлый цвет кожи дополняли его портрет. Не зная его, можно было подумать, что он

партийный работник. Обслуживая партийных сановников, он научился в точности подражать их манере и стилю общения. Одевался он всегда изысканно и в самое дорогое, что только могла предложить тогдашняя валютная «Березка». Что касается его деловых качеств – то он был неплохим организатором и умел делать деньги.

Но тем не менее взгляд сразу выхватывал в этой компании высокую фигуру Тарады – его величественный, словно античный барельеф, профиль, монументальные складки его безупречно выглаженных брюк. Рядом с ним стояли кругленький, светящийся довольством, словно именинник, Боднев и коммерческий директор краснодарской текстильной фабрики Борис Буглак, с вежливой улыбкой приносящий извинения за то, что давно не появлялся.

Подтянулся Артомонов, румяный, словно Дед Мороз; огромный портфель, который он держал в руке, напоминал мешок с подарками.

К самому застолью подъехал Стас Беляков, круглый, словно точка в конце предложения. Всегда довольный и обходительный, он всем своим видом как бы свидетельствовал о том, что пока он здесь ничего плохого случиться не может.

Последним прибыл мой отец.

Когда он вошел в зал, взгляды всех присутствующих обернулись к нему.

– Кого мы видим! – заревели турбины низких голосов.

Тарада первым, раздвинув свиту, сделал шаг навстречу другу.

– Черт, Алексей! Сам, лично! Чертыка!

Друзья крепко замкнули объятия, похлопывая друг друга по спине.

– Носу не кажешь! Не звонишь! – гремел Тарада. – А мы тут волнуемся, спрашиваем друг друга, что с тобой стало? Куда пропал? Загулял, а?!

– Как дела? – загомонили другие. – Зазнался? Дружьями брезгуешь?!

Алексей смотрел на этих мужчин и только улыбался.

Тарада сделал приглашающий жест сесть за стол и сам первый устроился в торце, как старший.

– Как видите, сама судьба позаботилась, чтобы мы с вами собрались в одном месте! Что вы на это скажете? Мы обречены плыть в одной лодке!

Он прижал к себе за плечо Леню Боднева, который как верный адъютант с восхищением ловил каждое слово.

Бутылки водки, вытянувшиеся в шеренгу. Икорочка, ветчина нежная, точно масло, красная рыба, белая стерлядка. Взгляд невольно цеплялся за это великолепие. Все дары Кубани и заморские яства были выставлены на том столе как демонстрация мощи тех, кто мог себе позволить это изобилие.

Эти несуществующие в сознании большинства деликатесы были словно боевые медали за заслуги, которыми жизнь, как тайная свидетельница их могущества, отмечала отца и его друзей.

– Главное, знать свое место здесь и сейчас, – разглагольствовал Тарада. – Вот ваше место какое? – обратился он с улыбкой к Лене Бодневу.

Леня сконфуженно пожал плечами:

– Мое место на нижней полке.

Все заржали.

– А вот и не угадали. Совсем неважно знать, где твое место! Важно, какое место занимают твои друзья. – Тарада победно улыбнулся и поднял стопку, полную маслянистой горючей жидкости: то ли ром, то ли коньяк.

Боднев закашлялся.

– Пусть кто-нибудь попробует нам не уступить – выставим с футбольного поля, – веско, и даже почти не шутя, провозгласил тамада. Все засмеялись. Один Боднев продолжал кашлять.

– Ты кончай кашлять! – сердито обратился к нему Анатолий Георгиевич. – Я к тебе обращаюсь...

Боднев сквозь кашель прохрипел:

– Извини, ничего не могу поделать.

Ответом ему был дружный хохот товарищей.

– Ты что, пить разучился?! – громче всех перекатывал булжники смеха Буглак. Внимание Тарады тут же переключилось на Бориса.

– Вот вы посмотрите на Буглака?! – сказал он совершенно серьезно. – На что ты способен, Борис Николаевич?

Буглак развел руками.

– Принципиально не могу быть способен на трезвость.

– Это мы знаем, твои принципы, – усмехнулся он, – а теперь подумай, до чего доводит эта принципиальность? – он пристально посмотрел на Бориса. – Товарищи, не будьте принципиальными! Принципиальность иссушает душу!

Буглак, скорчившись от смеха, простонал: «Ну, хватит!».

– Так выпьем за отсутствие принципиальности!

Друзья хором сдвинули штофы, бокалы, стаканы, слово клянясь в нерушимой верности собственным идеалам.

Боднев через весь стол потянулся чокаться с отцом.

– Боднев, – загремел Тарада. – Ты вообще знаешь, с кем ты пьешь? Это же тот самый человек, который прячется от своих друзей и не желает с ними встретиться.

В глазах Тарады заплясали хитрые огоньки, как у шахматиста, только начинающего партию, но уже знающего, что он победит.

– А ты, понимаешь, с ними запросто пьешь коньяк, веселишься, не подозревая, куда человек шагнул! Ему рубиновые звезды по ночам светят, а ты тут с ним сидишь за одним столом.

– Издеваетесь, сволочи, – откликнулся отец, стараясь сохранять серьезность. – Думаете, я поведусь? Тоже мне –

товарищи. Сама судьба нас свела. Я чувствовал, что мне сегодня придется выпить, чувствовал.

– Так вот, – перебил его Тарада. – Я хочу выпить за тебя, Леша! За нашу дружбу. За те годы, что мы провели бок о бок, плечом к плечу. Вот все здесь, у меня в портфеле, все наши дела, – Тарада указал рукой куда-то вниз. – Вся наша дружба. Знай, мы всегда гордимся, что мы с тобой знакомы. За тебя, дорогой. За нашего друга и брата Алексея Бабаева, который, наконец, посетил нас лично! – закончил он с душой и опрокинул рюмку. Его примеру последовали остальные.

Алексей Бабаев не был бы самим собой, если бы не воспринял такие слова всем сердцем. Он благодарно склонил голову, откашлялся и поднялся.

– Анатолий Георгиевич, спасибо тебе за эти слова! – он окинул взглядом всех присутствующих, словно собирая в единое целое их чувства и мысли. – Вы знаете, настолько мне приятно находиться на Кубани. С этими местами у меня много связано. Мои дети здесь учились и работают, здесь мои друзья. Я сам здесь учился, начинал дела. Поверьте, я чувствую себя здесь на месте, в окружении родных и близких. Для меня ты – Анатолий Георгиевич, особенный человек. Потому что... – он сделал паузу, словно подбирая слова, – ты друг, на которого можно положиться. Я хочу выпить за тебя, за твое здоровье!

Все дружно чокнулись, запрокинули головы, махом выпили. Разговор потек неуправляемо. Тарада воспользовался ситуацией и махнул рукой Алексею, мол, давай поговорим.

Они отсели чуть в сторону, в мягкие кресла под фикусом. Вечерний свет падал из окна, точно освещая их лица для кисти невидимого художника.

– Ну, можно и поговорить, – улыбнулся Тарада, похлопав Алексея по плечу.

– Тебя прям возраст не берет.

– Да ты тоже не чахнешь, – возразил его друг. – Ну что, по паре капель на зубок?

Друзья чокнулись. Тарада внимательно посмотрел в глаза Алексею, будто видел его впервые и сейчас хотел на дне его зрачков постичь какой-то новый, неведомый для него ранее смысл.

– Рассказывай, как живешь, – он был сама дружелюбность.

– Анатолий, я вчера поговорил со своими ребятами. – Алексей сделал многозначительную паузу. – Они очень благодарны тебе.

– Да что ты, Леша?! – деланно всполошился Анатолий Георгиевич.

– Они все поняли! – произнес Алексей.

Тарада с искренним изумлением посмотрел на старого друга и товарища.

Алексей улыбнулся. Игра его забавляла.

– О чем ты говоришь? – пел Тарада. – Ребята у тебя просто золотые. Замечательные сыновья.

– Я с ними поговорил, – твердо повторил Алексей. – Они все прекрасно поняли.

– Да о чем ты?! – гнул свое Анатолий. – На местах ими довольны. Я звоню, интересуюсь. Говорят: молодцы – твои парни. Хочешь, сам спроси! Игорев мясокомбинат работает на полную катушку. К Тихорецкому – претензий никаких. Вон – стоит продукция на полках. Адаптация твоих ребят прошла достойно.

Отец понимающе кивнул. Так вот он к чему подводит.

– За это тебе, Толя, огромная благодарность. Так я чего тебе хотел сказать? Сыновья... Они тебе на днях позвонят. Ты прими их, пожалуйста. Есть у них одна просьба.

– О чем ты говоришь, Леша! Они мне как родные.

Алексей благодарно накрыл сильной ладонью белоснежную руку Тарады. Этот жест был красноречивей слов.

Тарада на секунду замер.

– Слушай, Леш, есть тут одно дело и к тебе. На неделе позвонит от меня человек, прими его... Уверен, что ты сможешь ему помочь.

– Хорошо, Толя. Все сделаем в лучшем виде, ну, конечно, что в наших силах, – через паузу добавил Алексей. – Да и что не в силах – тоже сделаем.

И старые друзья хитро посмотрели друг на друга.

– Та-ак, – неспешно поднялся Тарада, – пойдем Боднева растормошим, а то он, похоже, уснуть собирается!

И друзья поспешили присоединиться к компании, продолжая свое привычное веселое общение, незлобно подшучивая друг над другом и отвешивая комплименты.

Я позвонил Тараде буквально через пару дней после его разговора с отцом.

– Анатолий Георгиевич, здравствуйте, это Игорь Бабаев.

– А-а, Игорек, – раздалось на другом конце трубки, – здравствуй, рад слышать.

– Мне нужно с вами посоветоваться насчет подготовки к сезону. Есть проблемы, которые не решить без вашего участия.

– Подъезжай ко мне домой.

Он говорил со мной так тепло, словно ангел-хранитель. На душе полегчало. Отец как всегда был прав. Все предвидел. Черт, как глубоко простирались его знания о людях...

Следующим вечером я шел к дому Тарады. Шел, немного волнуясь, не зная, как пройдет эта встреча, как я себя поведу и что услышу в ответ...

Смеркалось.

...Иногда мне кажется, что я попал тогда в какую-то сказку. Дом на окраине Красной утопал в зелени. На входе, у чугунной ограды, стоял милиционер. Его синяя фуражка горела в лучах заходящего солнца. Витая решетка вокруг палисада надежно заключала дом в стальные объятия, желая подчеркнуть его обособленность от остального мира. Чувствовалась в этом какая-то сила, который были наделены жившие за этой оградой.

Жилье Тарады располагалась на втором этаже.

Я назвал милиционеру свою фамилию. Тот сверился со списком, лежащим перед ним, и молча кивнул головой.

Открыл мне сам Анатолий Георгиевич. Розовощекий, высоченного роста, тучный, он был в халате и выглядел настолько по-домашнему, что я немного смутился.

Он обнял меня как родного. От него исходили спокойствие и доброжелательность, словно он все знал наперед. Никогда не забуду этого ощущения.

– Игорек, проходи.

Он легонько подтолкнул меня в спину.

Прихожая, в которой мы оказались, была отделана дубом. Я робел проходить дальше, словно все, что простиралось впереди, было создано из тончайшего стекла, которое могло треснуть от малейшего прикосновения.

Повсюду была разлита энергия власти, и поле, создаваемое ею, ощущалось буквально кожей.

Я почувствовал приближение чего-то очень важного, значительного в своей жизни, что должно было случиться позже: через день, месяц, год – не важно. Оно возвещало о себе трепетом и волнением. Я должен был что-то принести этому в жертву – совершить над собой усилие, преодолеть себя и начать делать то, чего никогда раньше не делал. Словно мне предстояло с размаху перелететь через высокий забор, за которым скрывалась неизвестность...

Все, что я делал раньше: деньги, какие-то комбинации – было просто бизнесом, предприимчивостью, но в целом – рутинным и обычным делом, лишенным тайны. В этом же месте власть словно приоткрывала мне свое закулирье, показывая, как ее завоевывают. И это был мой собственный выбор, за который отвечал не отец, а, в конечном итоге, только я. Я мог пострадать или возвыситься. Но результат стоил того: я поднимался с властью на одну ступень и начинал говорить с ней как с ровней.

Я сделал два шага по направлению к столовой. Комната, куда указал мне Тарада, находилась где-то в глубине, теряясь в сумерках.

Мы прошли туда. Тарада зажег свет. Мы уселись за стол.

– Игорек, как дела? – спросил Анатолий Георгиевич словно доктор у пациента, исцеление которого уже практически совершилось.

– Все нормально, – ответил я, и, вздохнув поглубже, добавил: – Разрешите мне...

Он поднес палец к губам и недоговорил.

Что-то происходит. Что-то неуловимо меняется в лице Тарады. Я как будто бы слышу голос отца, приказывающего нам решить проблему, вижу его ободряющий взгляд, который как бы говорит: «Ну же, смелее, в этом нет ничего страшного». И я аккуратно кладу на стол конверт.

Тарада делает еле уловимый жест рукой, снова прикладывая палец к губам: «Не говори, молчи», аккуратно накрывает конверт ладонью и, протянув его по лакированной поверхности стола, убирает в ящик.

– Большое спасибо, Игорек, – слышу я. – Ты не представляешь, это так важно для меня...

Все. Больше никаких слов.

Дело сделано.

Тарада не спрашивает – сколько, почему, зачем? С ним происходит перемена. Он вдруг становится еще теплее, искреннее.

Из дальней комнаты выходит Ольга. Она ступает почти неслышно. Ее лицо светится в полумраке. В руках у нее поднос с двумя чашками чая, хрустальными розетками, тортиком на блюде. Мне кажется, что я никогда не ел из такой изысканной посуды, не держал в руках такие хрупкие вилочки, словно сделанные из горного хрусталя.

И вот я уже пью с Тарадой чай. За одним столом. С этим столпом, глыбой. И он мне кажется все более домашним и милым. Страх и напряжение куда-то отступают. Я уже могу оглядеться и уже реально воспринимать комнату, в которой мы сидим, этот теплый и уютный дом, где мне рады по-настоящему, от всей души.

А хозяин все продолжает вкачивать в меня эту теплоту. Он говорит про мое вновь обретенное право – обращаться к нему, когда только мне понадобится: в любое время дня и ночи. Меня всегда будет ждать поддержка. И эта теплота вдруг отзывается во мне чувством огромной благодарности к нему, к миру, который так устроен и, в конечном итоге, к правоте моего отца, что подтолкнул меня на этот шаг.

– Ты обращайся, не стесняйся, если будет что нужно! – Анатолий Георгиевич протягивает вперед руку, словно собираясь меня благословить.

Аудиенция закончена. Больше делать в этом храме власти мне нечего. Я принес свою бескровную жертву.

– Ну что же, до свидания! – пропел он, ласково обнимая меня.

– До свидания! – ответил я.

Сказка закончилась. Сон прервался.

Когда я ехал обратно мысли мои снова и снова возвращались к происшедшему. Все-таки мой отец был прав:

Тарада – удивительный человек, который заботится о нас, пестует, хотя мог совершенно этого не делать. В отношении к нам у него проскальзывает что-то отцовское.

Он имел право чего-то ждать от нас, и не потому, что был какой-то особенный, нет. Этого требовало время, в которое мы жили. Законы ее невидимой экономики.

Благодарность ему была не изъяном системы, не ее ошибкой, а силой. И в этом мой отец был совершенно прав. Раньше я не понимал этого. У меня был долг, который я не заметил, священный долг – и этот долг наконец-то мной оплачен.

Я много думал о Тараде, пытаюсь его понять. Главное – он никогда не тащил наверх человека, в котором был не уверен, выбирал самых талантливых и делал на них ставку.

Я не мог не вспомнить слов отца о том, что Тарада прокладывает нам дорогу. Но не просто так. Он нас делал своими. Формировал из нас свою личную преторианскую гвардию, которая незримо и неустанно охраняла своего владыку, завоевывая для него все новые и новые высоты.

Кто в эту гвардию попадал?

Самые лучшие. На них у Тарады было чутье.

Он делал, как и все мы, бескорыстные дела, но системой у него было другое: если он выделял кому-то квартиру, спасал ребенка, значит, этот человек ему был нужен. Он доказывался до самого нутра нужного ему человека – и находил там, что искал: курицу, несущую золотые яйца.

Тарада никогда не думал, что поступает неправильно. Стиль и манеру работы он черпал, наблюдая за работой «верха». Как что-то прилипало к «верху», так это автоматически означало, что оно должно было прилипнуть и к «низу». Таков был странный закон жизни.

Он умел организовывать встречи. Даже самые коротенькие. Вот приезжает какая-то комиссия из Москвы.

Еще до того, как люди попадали на объект, их везли за шикарным столом. Тарада не отходил от них ни на шаг! Лично сопровождал от начала до конца! А одни его звонки в ЦК чего стоили?! «У нас тут один подарок для вас приготовлен, а еще вы забыли свой второй презентик...»

Он четко усвоил это правило: есть только один способ приобретать преданных людей – надо делать для них что-то существенное, жизненно важное.

Я не предполагал поначалу истинного масштаба личности Тарады, и количество людей, вовлеченных в круг общения – то есть благодарящих его за это.

На самом деле он был прекрасный пчеловод, создававший свою армию зависимых от него пчел, которые в качестве благодарности должны были приносить в его огромный улей мед. Пчелы не могли потрудиться только один раз. Заходы должны были быть постоянными, иначе следовала обида и отлучение от возможностей, которые дарит власть в эпоху дефицита.

XIX

Дел было неспорное, а звонки следовали один за другим.

– Да! – энергично произнес я в телефонную трубку, реагируя на очередной вызов.

– Игорь Алексеевич, на проводе 1-й секретарь горкома Силенко, – опешила секретарша от моего напора.

– Соединяй.

За время моей работы в Анапе сменился первый секретарь горкома партии – прежний был переведен в Новороссийск, а к нам пришел Александр Сергеевич Силенко, он до этого Центральным районом Сочи ведал. Очень весомый, содержательный человек. Глядя на него, сразу было ясно: перед тобой личность, наделенная высокими, большими правами.

– Игорь, здравствуй, – услышал я в трубке его суховатый, с хрипотцой, тенор.

– Добрый день, Александр Сергеевич!

– Есть дело. Организуется выезд на природу. Будут очень высокие гости. Надо, чтобы ты подготовился серьезно. И лично стоял у мангала.

– Понял... Будет все сделано, – ответил я.

В Анапе были крайкомовские дачи. Возможно, они и сейчас есть. И речь шла о шашлыках в тех местах.

Дату, время приезда высокого гостя – мне сообщили, но для кого я буду готовить – оставалось тайной.

Дело было новое и ответственное. Общение с первым секретарем горкома в то время накладывало определенные обязательства, а тут гости, как я понял, будут еще выше.

Я приехал, конечно, пораньше, с помощниками.

О том, что высокие гости подъезжают, было сообщено, и мы начали готовить шашлыки.

Вскоре показалась кавалькада черных «Волг». Поднимая облака пыли, они остановились у нашей полянки.

Первым выскочил Силенко, затем его замы, еще какие-то люди. Я смотрел, кто выйдет из «Волги», которая остановилась в стороне от других машин. Ее водитель, выскочив, бросился открывать заднюю дверцу.

Оттуда вылез грузный высокий человек. Я всмотрелся – мать честная! – это был сам Медунов, первый секретарь крайкома.

Он остановился, молча обвел взглядом окрестности, и показал большой палец Силенко, мол, погода отличная.

Тот подбежал к Медунову, стал что-то объяснять, жестикулируя. Медунов слушал не перебивая, потом кивнул и они пошли по тропинке к купе деревьев, где все было приготовлено для пикника, и где в том числе стоял и я с мангалами.

– Устаешь, длинная дорога, – заметил Медунов.

Он втянул в себя воздух и что-то сказал Силенко.

Несмотря на жару, Медунов был в черном костюме и белой шляпе в мелкую дырочку.

– Ну, хорошее место... Такое поле-то... Его бы под озимые, – произнес он задумчиво.

Внешне Медунов выглядел как гигант. Властное лицо, крупный нос, брови вразлет. Четко очерченные губы. Мощные кулаки. Такому было лучше не перечить.

При том что он вел себя как настоящая советская партийная шишка – ничего барского, зазнайства и хамства в нем не чувствовалось.

Я слышал, что он никогда ни на кого не повышал голос, в чем я позже сам убедился, и вел себя со всеми как отец родной.

Он был Героем соцтруда, но главным его знаком отличия была дружба с Брежневым, с которым наедине они общались на «ты». И это, конечно, давало Медунову преимущества, может быть даже очень весомые, по сравнению со Ставропольским краем, считавшимся конкурентом Кубани как ближайший сосед и которым тогда руководил Горбачев.

Компания расположилась неподалеку от нас.

Я стоял наготове с шампурами, Сергей Федорович и его гости уселись чуть поодаль в тени деревьев.

Мне дали знак, и я начал готовить шашлыки.

Сергей Федорович рассказывал смешную историю, как он познакомился с сестрой Чехова в Ялте, в середине пятидесятых годов.

– Представьте себе, старушка дожила до такого возраста. Я об этом не знал, – басил он...

Я стою неподалеку, кручу эти шашлыки.... Жара, печет... А в голове у меня только одна мысль: получилось – не получилось. В груди дрожь – это факт. Местные армяне наспех чему-то меня научили, сами все сделали, нанизали, осталось только крутить и вовремя подавать.

А Медунов разошелся, хохочет. Вспоминает, как он наведалься в дом Чехова в Ялте, и там сестра Антона Павловича попросила его, коммуниста Медунова, станцевать. А он говорит: «А вы что любите? Хотите лезгинку?» «А вы умеете?» – спрашивает сестра Чехова. «Конечно, умею...» И он снимает со стены нож, который там висел со времен Антона Павловича, зажимает в зубах и начинает танцевать, как настоящий джигит. Глаза вытаращены, верхняя губа оттопырена! Для уроженца станицы Слепцовой, заселенной терскими казаками, всю жизнь прожившими бок о бок с чеченцами и ингушами, этот танец был гораздо ближе и роднее малороссийского гопака.

Всю хохочут, слушая эту байку.

– Сколько тебе лет тогда было? – спрашивает кто-то из московских друзей Медунова.

– Да лет тридцать пять, – смеется он в ответ. – И станцевать лезгинку, стоя на пальцах, мне было легче, чем хохляцкий гопак. А еще сестра Чехова научила меня есть ножом и вилкой, да-да, как это полагалось при царе. Вот, смотри. – Тут Медунов оборачивается и совсем запросто обращается ко мне: – Сынок, ну как? У тебя там шашлычок готов?

Ответ застрял у меня в горле, но тут вмешался Александр Сергеевич Силенко:

– Сынок не сынок, а это наш директор мясокомбината Игорь Алексеевич. Очень успешно ведет дело.

– Да-а-а-а?! Ну-ка, иди сюда, – приказывает Медунов.

И я – в руках шашлык, ноги подкашиваются – иду к столу. Мне предлагают сесть вместе со всеми. Я лихо-радочно соображаю, удобно ли? Но раз просит сам хозяин стола... У него барских замашек – нет. Это в кабинете есть начальник и подчиненный, а за столом – все равны.

И я сажусь. Вкуса не чувствую – ем, глотаю. Ощущаю себя крайне некомфортно. Но при этом, в голове стучит: «Ты запомни, с кем ты сидишь...»

Скажу честно, когда Медунов уехал и волнение прошло, осталась большая гордость за то, что в таком возрасте я мог сидеть за одним столом с великим государственным человеком.

XX

Я сидел в своем кабинете в Анапе и разбирался с бумагами. Пронзительно зазвонил телефон, разорвав тишину. Есть такой род звонков, которые вселяют тревогу.

– Алло, – схватил я трубку, – слушаю!

– Игорь, алло, Игорь... – В трубке раздался треск. Голос Ильи Владимировича был взволнованным.

В голове хороводом запрыгали мысли: «Что случилось? Неужели опять несчастье»?

Лида была на седьмом месяце беременности.

– У тебя сын родился, – донеслось сквозь треск через сотни километров.

– Что?!

Ладони враз стали влажными от пота. Роды случились раньше срока.

– Успокойся! Лида в роддоме. Все под контролем. Можешь не волноваться, – прокричал Илья.

Разговор закончился. Я попробовал сосредоточиться на делах, но это было бесполезно... Мысли мои были далеко – там, с моим первенцем. Душу раздирала тревога.

В пятницу, прямо с работы я помчался в Кисловодск. Во мне нарастала паника.

Домашние меня успокаивали – мол, преждевременные роды, такое часто случается. И ничего страшного. Детей выхаживают.

Все равно неопределенность давила. Ребенок родился весом два сто. Очень маленький. Что будет дальше?

Я жал на газ, а в голове крутились сумрачные картины. Один раз несчастный случай уже помешал моему счастью, чуть не забрав у меня и Лиду. Второго я не допущу.

Во мне просыпалось упорное сопротивление, внушающее мысль, что на этот раз будет все хорошо.

Машина грозила развалиться на поворотах, когда я с трудом вписывался в крутые виражи. В голову продолжали лезть разные мысли: я не знал, радоваться или плакать.

Я примчался к дому Михайловых, истощно выжал звонок. Дверь открыла сама Анна Григорьевна, обняла меня.

– Игорек, успокойся. Сейчас уже все хорошо.

Она сама пребывала в волнении и выглядела не столь величественно, как обычно.

– Что случилось? Это нормально? – набросился я на нее с расспросами.

– Кто знает? Все началось раньше, чем ожидали...

В общем, пока меня два дня не было, случилась новая напасть.

– Сережу перегрели...

Я остолбенел. Анна Григорьевна стала объяснять мне, что это такое. Оказалось, какой-то врач по недосмотру перегрел его в кювете. И без того слабенький ребенок

стал терять в весе, похудел на четыреста граммов, утратил сосательный рефлекс. Его стали кормить сцеженным Лидиным молоком через катетер. Жизнь Сережи висела на волоске.

Врачи ничего не гарантировали. Не кивали с умным видом и не говорили, что все страшное позади. Нет, все ждали, как судьба распорядится, и неизвестность была самым страшным наказанием.

– Лида останется в больнице, пока все не образуется, – закончила Анна Григорьевна. – Ты что, не слышишь меня?

Я стоял как оглушенный. Значит, все-таки беда?

– Рано что-либо говорить, но будем надеяться на лучшее, – услышал я голос Ильи Владимировича.

Как в тумане я поехал в больницу, где лежала Лида.

В палату меня не пустили. Стоял под окном. Как и все. И тут увидел ее нежный профиль.

Лида стояла у окна. Она сразу заметила меня, и улыбка тут же озарила ее лицо. От сердца у меня отлегло. Значит, не все так плохо.

– Лидочка, родная! Как ты себя чувствуешь?! – закричал я.

Лида что-то прошептала.

– Я прямо с дороги. Только примчался!

Лида кивнула. Она казалась немного отсутствующей, взгляд ее был беспокоен, словно тяжелая, но очень важная работа, которую она проделала над нашим миром, еще не закончилась.

– Все хорошо, Игорь, – снова прошептала она одними губами.

Если бы рядом был кто-то, чей голос Бог слышит, чтобы он помолился за нас, он бы нашел простые слова, которые дошли бы прямо до ушей Бога, чтобы объяснить ему, как я счастлив.

На обратном пути душу грыз страх.

Самое главное занятие для любого мужчины, когда у него ребенок – это пить! Чтобы небеса содрогнулись от гула! Чтобы до них дошла радостная весть. Но у меня не было такой вести.

Даже титул молодого отца еще казался мне непривычным. Все было тревожно и неоднозначно. Ни пить, ни радоваться не было сил.

О том, чтобы возвращаться на комбинат, не могло быть и речи. Решил, что буду при Лиде ровно до тех пор, пока ей не станет лучше.

Потянулись томительные дни...

Лиду выписали из роддома. Ребенок был по-прежнему слаб, но как объяснили врачи, все, что могли, они сделали.

– Теперь дело за временем и уходом – объяснил мне доктор на прощание. – Вашей супруге и ее матери мы все объяснили, – он запнулся, – что и как делать. – Потом очень серьезно посмотрел на меня и добавил: – Только любовь и уход будут все решать.

Я сдержанно поблагодарил.

XXI

Лида все время находилась рядом с Сережей. Временами казалось, что она впадала в глубокое забытие, но, когда в комнате, где она лежала, раздавался слабый писк нашего мальчика, тихий и жалобный, она сразу приходила в себя, ее губы начинали что-то нашептывать, а на невыразимо прекрасном, но измученном лице появлялось выражение страдания.

Анна Григорьевна неотлучно была рядом. Она склонялась над внуком и дочерью и что-то тихо шептала обоим одними губами, словно отгоняя напасть.

– Что с ним?! Что с моим мальчиком? – спрашивала Лида еле слышно. В голосе ее сквозил страх.

Анна Григорьевна только смущенно отводила взгляд.

Ребенок опять кричал, как будто от боли. И унять эту боль не было никакой возможности.

По лицу Лиды пробежала тень отчаяния, из полуприкрытых глаз брызнули слезы.

– Почему это с ним, почему? – жалобно бросилась она к матери.

Ребенок замолчал. Глаза Лиды расширились от ужаса.
– Сережа, Сережа!– Она сжала его в объятиях, начала плакать и трясти. – Мама, что с ним?!

Анна Григорьевна обняла ее.

– Ребенок уснул. Доченька моя, успокойся. Это всегда так бывает, дети то поплачут, то заснут.

Но Лида все повторяла с болью и усталостью в голосе:

– Отчего, отчего с ним так?! Надо делать что-нибудь!

Анна Григорьевна не сидела сложа руки. Она постоянно кому-то звонила, с кем-то советовалась, у кого-то что-то узнавала.

Разговаривая со мной, она пыталась делать вид, что все нормально, но по ее озабоченному лицу я понимал, что ничего нормального в происходящем с Сережей, нет, и кроме Господа Бога прийти нам на помощь просто некому.

Но Анна Григорьевна не отчаивалась. Все спрашивала, бегала по соседям, рассказывала, выслушивала, жаловалась и узнавала.

Именно от одной из своих знакомых, дочь которой работала в Москве врачом, Анна Григорьевна и услышала про одного чудо-педиатра, специализировавшегося по младенцам, родившимся раньше срока. Он работал в Институте матери и ребенка.

Анна Григорьевна прибежала ко мне, все рассказала.

– Поверь, произнесла она убежденно, – мне о нем рассказали люди, которые плохого не пожелают. Нам надо его сюда привезти.

Я кивнул. Мой сын не будет просто так лежать в своей крохотной кроватке, пока все эти философы от медицины будут решать, что делать.

Я тут же собрался, полетел в Москву, встретился с дочерью друзей Анны Григорьевны, кажется, ее звали Зоя, и попросил помочь.

Она все поняла, быстро связалась с чудо-доктором, дала мне адрес и отправила к нему. Тот был уже предупрежден.

– Когда и как мы едем? – спросил он по-деловому.

– Прямо сейчас, – ответил я. – Билеты до Минеральных вод у меня с собой.

Врач похлопал себя по карманам, заглянул в чемоданчик, где лежали лекарства, и сказал, что готов.

Через несколько часов мы уже были в самолете.

В дороге он не расставался со своим чемоданчиком, в котором лежали приборы, таблетки, стетоскоп. Глядя на его кофр, я преисполнялся какой-то наивной надежды, как и сотни других молодых папаш до меня, что это и есть тот человек, который спасет нашего малыша.

Иногда я с тоской заглядывал в его толстые стекла очков в роговой оправе, в надежде отыскать там подтверждение своим мыслям, и все повторял ему симптомы, которые были у Сережи.

Сразу же после приземления мы помчались в Кисловодск.

В доме нас уже ждали.

Рутинная врачебная процедура – снять плащ, помыть руки, надеть халат.

Доктор вошел в Лидину спальню. Молча пробежал глазами по листку назначений, затем по температурному графику и, наконец, взял на руки крохотное существо. При изначальном весе в два сто Сережа успел за время болезни потерять около четырехсот граммов.

Врач несколько секунд смотрел на него, потом, ни слова не говоря, протянул ребенку два пальца, дал младенцу ухватиться, а затем одним ловким движением поднял ребенка в воздух.

Анна Григорьевна ахнула.

Лида закричала:

– Что вы делаете?

Врач никак не отреагировал. Он внимательно наблюдал за висящим Сережей, и на лбу его сходились и расходились морщинки.

– М-да, – наконец произнес он, а затем по-деловому повернулся к Лиде, и сказал: – Этот хлопец будет жить!

Лида смотрела на него, широко раскрыв глаза, и уверенность доктора медленно вливалась в ее измученную душу. Боясь поверить, она переспросила:

– Вы меня не обманываете?

Врач без тени улыбки покачал головой.

– Успокойтесь, мамочка, и идите отдыхать.

Затем врач повернулся к Анне Григорьевне и, понизив голос, немного извиняющимся тоном, произнес:

– А с вами мне придется поработать.

Он усадил Анну Григорьевну за стол и начал ей что-то подробно объяснять, показывая чудодейственные таблетки, которые доставал из кофра, и расписывая на бумаге схему их приема. Потом он еще раз открыл свой волшебный чемоданчик, на который я столько раз с надеждой смотрел во время полета, достал оттуда какие-то бутылочки и подробно объяснил Анне Григорьевне, как следует их принимать.

Затем он ушел.

Весь вечер мы с Ильей Владимировичем только и обсуждали этого доктора: его вид и слова, а главное, поведение, внушающие надежду и уверенность.

На следующий день доктор снова пришел. Его волновали изменения, происходящие с Сережей. Все, в чем ему хотелось убедиться, так это только в том, что его предположения оказались верны, а назначенные препараты действуют.

Так продолжалось еще пару дней.

Сережа на глазах менялся.

Доктор внимательно смотрел, как малыш ест, как откликается на голоса, какие у него рефлексy, и с каждым разом лицо его становилось все более светлым. Он уже не повторял, как присказку, после каждого назначения: «Если все получится», «посмотрим, что будем дальше».

А на третий или четвертый день, снова осмотрев Сережу, произнес победно:

– Процесс идет положительно. Хлопец – что надо! Дальше вы можете справиться без меня. Держите меня в курсе. В случае чего – звоните. А я – откланиваюсь.

Нашей радости не было предела.

Лида в точности соблюдала все рекомендации. Часы шли за часами, дни за днями. Из маленького, почти недвижимого комочка, Сережа потихоньку начал превращаться в повизгивающего, а потом уже и покрикивающего младенца.

Вес малыша стал увеличиваться.

Лида вся светилась, поглощенная ребенком, не отходя от него ни на шаг и никого не подпуская, точно от этого зависело его окончательное выздоровление.

Такой режим мог свалить с ног даже самого сильного человека.

Видимо, Анна Григорьевна тоже была вся измотана и на пределе, потому что вскоре к ним в дом перебралась помочь старшая дочь Михайловых – Лариса.

Увидев Лиду, она ахнула:

– Немедленно в кровать. Тебе надо выспаться. У тебя синяки под глазами! А за Сережкой я сама присмотрю.

Лида не стала сопротивляться.

Самое страшное, казалось, позади. Она подробно рассказала сестре, что и как надо делать, когда и какие лекарства давать, из каких бутылочек, а перед тем, как провалиться в сон, прошептала:

– Я только тебя прошу, Лара, не отходи от него ни на шаг.

– Лида, я сама врач, не волнуйся!

Лида упала на кушетку и заснула.

Проснувшись она от какого-то писка, не понимая, сколько времени прошло, и, как ужаленная, вскочила.

Над кроватью, где лежал Сережа, стояла, склонившись Лариса, а внутри пищал и бурлил маленький вулкан.

Лида, как горлица, бросилась к колыбели.

– Лариса! Что стряслось?!

Та смущенно посторонилась.

– Я случайно опрокинула бутылку с водой в кровать, Сережка мокрый... Ты не волнуйся. Я его уже перепеленала.

Сон как рукой сняло!

Лида схватила Сережу на руки, прижала к груди, начала баюкать:

– Мальчик мой, мальчик мой, – шептали ее губы... – Мама с тобой. Успокойся. Ну же! Все хорошо. Не волнуйся, мой хороший. Все уже хорошо!

Маленький вулкан, который пробудило к жизни неосторожное движение Ларисы, потихоньку стал успокаиваться.

Лариса чувствовала себя виноватой.

– Да ты не волнуйся, дуреха, – пыталась она оправдываться, – я же ничего не сделала. Ты посмотри, какой у него взгляд. Это же радоваться надо.

Лида сердито кивала, через силу улыбалась, но больше Сережу никому не доверяла.

Меня Лидочка тоже почти не замечала, вся поглощенная борьбой за жизнь нашего ребенка.

Через несколько дней у Сережи появился устойчивый сосательный рефлекс, и он смог самостоятельно есть.

XXII

Подходил к концу 1978 год. В Москве уже вовсю готовились к первым в СССР Олимпийским играм, а в нашей семье разворачивались совсем другие баталии. И в первую очередь это было связано с Геней. Гене шел двадцать пятый год, и все еврейские кумушки Кисловодска знали его как неженатого парня, а этого было достаточно, чтобы ему смотрели в спину и обсуждали возможности его отца и то, какое приданое за ним дадут.

Его азарт содержал в себе все, что нужно для того, чтобы иметь неплохие деньги. Отец устроил его на ессентукский мясной комбинат начальником колбасного цеха. Для двадцати пяти лет – это был царский подарок. Все жаждали увидеть, как Гена начнет подниматься на вершину карьерной лестницы, но Гена особенно не торопился.

Про него говорили: «Его папаша – заместитель начальника московского Главка. О чем такому парню волноваться?»

Наш отец в один из приездов в Кисловодск сказал Гене:

– Тебе надо жениться. Ты уже можешь содержать семью.

Гена не возражал. Семью он мог содержать. И жениться тоже. Вот только зачем? Но отец был тверд.

– Послушай меня. Я хочу, чтобы ты перестал болтаться в проруби. Надо на чем-то остановиться.

Гена спросил:

– Что мне надо делать?

– Посмотри на девчонку, к которой мы с тобой пойдем, и скажи, что ты о ней думаешь?

Гена не возражал.

Выбор невесты всегда был традиционен. Евреи только с евреями. Все подготавливалось кулуарно, решение принимали родители, и о потенциальных женихов и невест никто не заботился.

У отца был друг – Миша Бабаев – однополчанин, с которым он служил в армии. Тогда, в юности, будучи новобранцами, они совершали безумные подвиги, торговали колбасой, сейчас – оба искали счастья младшему сыну Алексея Бабаева.

У Миши была родственница – молоденькая девчушка семнадцати лет по имени Лена. Неплохая девочка, она говорила мало, но на нее хотелось смотреть, а это уже много.

– Если так, – воскликнул отец, – тогда попробуем на нее посмотреть, вдруг нам понравится?

– Попробуем посмотреть, – эхом повторил Гена.

У Гены была вольная душа, но он не мог быть свободен от обязательств. Он был наша кровь, наша плоть.

В детстве его пороли, ругали, выгоняли из школы. Кому понравится такое отношение? Но с прошлым не поспоришь, а тем более не перепишешь, особенно если у тебя такой отец, которому лучше не перечить.

Для знакомства родители Лены накрыли стол, такой богатый, какой позволял их кошелек. Лена сама подавала. Когда она вошла в комнату, все разговоры прекратились, мужчины молча смотрели на нее. Ноги Лены были обуты в простенькие туфли. Гена пришел в лаковых ботинках, разодетый, как жених. Из-под его полуприкрытых век сверкало любопытство.

Лена лишь на миг уселась на стул, потом встала и пошла помогать матери. Сумерки сгущались в комнате, но все равно не могли скрыть миловидного личика девушки.

Она подносила угощения: курзе, чуду, руры, чай, сладости. Стол ломился.

Родители девушки и Алексей выпили водки из хрустальных рюмок, и съели курзе, пахнущее, как счастливое детство.

Бросив беглый взгляд на Гену, Лена спросила у отца:

– Папа, что желаете?

– Твоя мать все знает. Гостей не забывай... – ответил тот.

Но Лене этого было достаточно, чтобы задержаться напротив Гены и утопить его во взгляде своих больших глаз. Молодым позволили поговорить несколько минут наедине. О чем они шептались, никто не слышал. Гена смотрел на Лену. Лена была простая девушка из Кисловодска, из еврейской слободки. Всю жизнь прожила она среди многочисленных еврейских родственников, твердивших ей, что если она не будет думать о будущем, то не сможет рассчитывать на достойную партию из среды начальников заготконтор, портных или маляров. О том, что ей на долю выпадет начальник колбасного цеха, она и не мечтала, а потому даже не верила своему счастью.

– Э-э, товарищ Миша, – прошептал его сосед, старый портной, наблюдая, как Лена шушукается с Геной, – я вижу – эта будущая пара.

– Всему свое время, – произнес отец Лены грустно.

Часы неумолимо тикали. Пришло время и честь знать. Гости раскланялись и ушли. По дороге домой Алексей спросил сына:

– Ну, чего ж ты молчишь? Как тебе девочка, понравилась?

Гена не задумываясь ответил:

– Да.

Дней через пять после того, как по рукам было удалено, Гена вместе со своим приятелем Олегом пришли в гости к Лене и стали зазывать ее посидеть в ресторан «Машук» в Пятигорске. Гена хотел покрасоваться перед своей невестой.

Поначалу Лену не хотели пускать:

– Негоже до свадьбы гулять где попало...

Но Лена сказала отцу:

– Засватанной девушке с будущим женихом пойти в ресторан не грех!

Лена имела что добавить.

– Каждая девушка, – сказала она отцу, – знает свою свободу, как птица. А я живу при вас, как в клетке. Кто кого сторожит?

Папаша поморщился и развел руками.

Молодые пошли в самый лучший ресторан. В нем пахло чужими морями и прекрасными жизнями. Официанты скользили по полу, точно по катку, безошибочно определяя, сколько чаевых из какого клиента можно выжать. Судя по вниманию к Гене, он был правильный, даже скорее, постоянный клиент.

Официанты заторопились, спешно смахивая невидимые крохи с чистой белой скатерти, поправляя сервировку и подавая меню гостям. Музыканты грянули заезженный мотив. Гена и Олег сели рядом как братья, а Лену посадили напротив.

На столе возникли маслины, финское масло, бразильский кофе, настоящее «Цинандали» и пучки зелени с редисом, вобравшие в себя солнце Кубани, как сахар вбирает воду. Потом потянулись шашлыки, жареные почки и прочие ароматные яства, которые Лена никогда не пробовала.

Гена сидел в парадном пиджаке и ел. Он был весел. Чтобы не растерять задор, он сходу заказал пол-литра беленькой и принялся заливать им свое сердечное пламя. Лене нравилось, как он сыплет шутками. Через пару часов Гена начал говорить громко и попытался повязать на шею гипсовой Венере, стоящей в нише, свой парадный галстук.

Его приятель Олег не отставал и попробовал поцеловать безрукой гипсовой девушке руку, пользуясь тем, что она не возражает.

– Стыдно так, мой гарнесенький, – пропищала за их спиной официантка.

Она бросила еще пару едких, как кислота, замечаний.

Гена посмотрел на нее красными глазами и абсолютно беззлобно произнес:

– Заткнись, стерва.

Официантка одарила его ядовитой, как крапива, улыбкой и ушла жаловаться администратору. Вскоре тот подошел к столу и стал предлагать Гене уgomониться. На что Гена философски заметил, чтобы халдей заткнулся, ибо это не его собачье дело, коли гость пришел со своей невестой. Невеста побледнела и умоляла Гену не скандалить.

Гена урезонил ее, велел не встречать в мужское дело, и ударил администратора кулаком в лицо. Администратор покрылся мелкими каплями крови и громко стал звать на помощь.

Два официанта, что обслуживали Генин столик, попробовали оторвать Генины руки от шеи администратора. Но это им не удалось. Поднялся невообразимый гвалт и шум.

Посетители, сидевшие рядом, смотрели на происходящее с восторгом. Лена тихо скулила и просила увести ее от этого безобразия. Гена просьбу девушки не слышал, увлеченный борьбой.

– На, получай, – раздался Генин крик, когда к их столу подлетел еще один официант, но тут же упал, сбитый с ног Гениным кулаком.

Началось обычное ресторанное представление. Медные голоса Гены и Олега гулко гремели, заставляя позвякивать бокалы на столах соседей.

Поливая официантов отборным русским матом, Гена сулил им, что они упокоятся до скончания веков в братской могиле. Он оглушительно орал, разминая в порошок зубы бедолаг-официантов. Гипсовая статуя безрукой Венеры с глупым лицом тарашилась на задиру, безмолвно улыбаясь, словно поддерживая Гену в его запале. Сын заместителя начальника московского Главка мял кулаками лица официантов, выкрикивая угрозы. Его друг не отставал. Кто-то из крепко поддавших зрителей крикнул:

– Так их, кровопийц!

Одобрительный отзыв только подстегнул темперамент друзей, и они начали действовать с удвоенной силой. С Леной случился обморок. Когда прибыла милиция, трое официантов уже лежали в нокауте на полу. Все закончилось, когда блюстители порядка заломили Гене руки за спину и препроводили его и Олега в участок.

Бедная Лена, очнувшись от обморока, тотчас вверглась в шок.

Дома с порога она бросилась к отцу и прямо заявила:

– Что хотите делайте, но за этого человека я не пойду!

Родители испугались и поспешили к Мише Бабаеву.

– Лена не хочет замуж за такого жениха! – прокричала в лицо Мише мать Лены, вся пылая от возмущения.

Миша проявил чудеса дипломатии.

– Успокойтесь, что вы? Подумаешь, парень выпил... Ну, набедокурил немного. Бывает. Вот женитьба его и приструнит, серьезнее станет.

Взять и отказать своему закадычному другу, когда уже все было сговорено, значило оскорбить и унижить Бабаевых. Близкие сообща принялись уламывать Лену образумиться. Каким-то чудом им это удалось.

Свадьбу отметили с размахом.

И был раввин, и синее небо хупы над головами молодых, и ресторан, куда двинулась вся процессия.

В одной руке молодожен держал букет из алых цветов, другой поддерживал невесту, которая, казалось, была готова взлететь от счастья на воздух. Таким Гена предстал перед участниками свадебной церемонии. Сверкающие машины двигались по улицам бесконечным потоком. Пожилые еврейки лениво следили за ходом процессии. Разводов они помнили больше, чем свадеб, и совсем перестали верить клятвам верности. И только сыновья заготовкооператоров и портных завидовали Гене, потому что он был сын короля.

В Кисловодске в день свадьбы было очень весело. Даже дедушка Нахамье, чуть опьянев, плясал от всей души. Водка лилась, как вода. Праздник из ресторана выплеснулся на улицы города. Дома, скверы, небо над городом – все пело и плясало, радовалось и шумело. Гена казался счастливым. Вроде, ничего особенного не произошло, да только появились новые надежды. Он плясал с Леной, точно со своим ангелом хранителем. Они кружились со счастливыми улыбками на лицах, и каждому, кто их видел, становилось радостно.

Свою жену брат привел, так же как и я, в наш дом на улице Катыхина. Мама Хаво «от щедрот» выделила им полуподвальную маленькую комнатку напротив котельной, где Гена с Леной начали совместную жизнь. Не знаю,

так ли Лена себе ее представляла, слушая в доме отца рассказы о сказочном богатстве Бабаевых.

Злые языки говорили, что эта комната была на самом деле красноречивым свидетельством того, как Хаво отнеслась к Гене. Может быть. Но других комнат в нашем доме не было.

Наверное, Гена тоже считал, что условия, которые они имеют, не самые лучшие... Но что ему оставалось? Только молчать.

В эту самую комнатушку Лена чуть позже и принесла из роддома их первенца Андрея. Тогда мой брат все чаще стал задумываться о том, чтобы как можно быстрее съехать из дома.

Хаво с самого начала отнеслась к Лене не так, как к Лиде, и не считала нужным это скрывать. Молодой невестке запрещалось подниматься на второй этаж! Со стороны могло показаться, что ее используют в доме как прислугу.

Лена и Гена прожили в доме отца ровно год и три месяца. За это время Гена собрал необходимую сумму и купил себе дом на Катыхина, в нашем районе – двести метров в сторону гор. Не бог весть какой дом, его надо было еще отстраивать и приводить в порядок, но Гена добился, чего хотел, – независимости и свободы. Наш дом от этого пустее или тише не стал, точно у него на роду было написано всегда оставаться шумным и многолюдным.

XXIII

Как только Гена вырвался из родительского дома, словно ему на смену домой вернулся, так уж совпало, блудный сын Хаво – Алик. Он вернулся с далекого Севера – из Нарьян-Мара. За это время в его личной жизни успело поменяться больше, чем у всех нас вместе взятых. Наш дядя Алик порвал с клубом тридцатилетних, но еще не записался к тем, кому под сорок, а в таком возрасте все кажется по плечу. В прошлом футболист, он сохранил азарт нетронутым, как сокровища царя Соломона.

Азарт был у дяди Алика в крови. Все человеческие достоинства он воспринимал только как полезные или не полезные для азартной игры. На окружающих он смотрел как король, но вместо денег у него в кармане зачастую была только фига. С детства Алик проявляя поразительное упорство в следовании собственным желаниям: гулеванил, транжиря то, что смог заработать. Одну плохую компанию менял на другую. Хаво все это молча терпела,

ибо любила сына больше жизни. А что тут можно поделать? Только горько вздыхать и спрашивать у другого сына: «Когда же это кончится?», на что тот молча разводил руками, а потом добавлял: «Просить игрока не играть все равно, что пытаться заткнуть фонтан».

Про то, как оказался на Севере, Алик рассказывал целые истории, опуская только эпизод о том, как он там оказался. А дело было так.

...Однажды Алик попал. Попал капитально, проиграв в карты. Он задолжал каким-то блатным крупную сумму – что-то около десяти тысяч рублей, по тем временам громадную сумму. Люди те были тертые и сказали «отдай, иначе будет плохо», но Алик не внял их угрозам. Тогда его поймали. Поставили напротив каких-то мордоворотов и стали «разговаривать». Его били по лицу, как в бубен. Один бил, другой поддерживал, чтобы Алик не отваливался.

Когда его отпустили, он упал на мостовую без сознания. Таким его и отволокли к родному дому, где его подобрал наш отец.

– Не вернет десять тысяч, – передали Аликины «проводжатые», – посадим на лезвие.

Это было немногословно, но красноречиво.

Тем же вечером Хаво и Алексей собрали совет.

– О чем тут думать? – всплеснула руками Хаво. – Надо что-то делать! Только не ругай его! – тоскливо попросила она. – Надо спасти его от этой компании.

– Деньги я дам, – сказал Алексей. – Успокойся, мама. Только он должен позабыть о своих гулянках раз и навсегда!

И отец выкупил Алика у блатных.

Именно тогда сын Хаво и решил уехать из Кисловодска. Он уехал в холодный Нарьян-Мар с женщиной по имени Жанна. Их отношения можно описать одной фразой:

разгоряченные страстью. И вот через пять лет Алик вернулся, как блудный сын. С Жанной он расстался.

Семья его приняла молча. Он осел, желая остепениться. Неженатому мужчине долго нельзя. Алику нашли еврейку – хорошую девочку, через которую ему должно было прийти счастье. И счастье пришло в виде наивной Розы, которая родила ему троих детей. Но Алик себе не изменил. Так и спалил свою жизнь, гуляя и играя в карты.

XXIV

Ранним утром – это было жаркое лето – я вошел в свой кабинет. Секретарша поставила на стол стакан с крепко заваренным чаем, принесла свежие газеты.

Я взял «Кубанскую правду», пробежал по заголовкам и углубился в чтение. Взгляд упал на сообщение, набранное крупным шрифтом.

В заметке сообщалось, что Анатолий Георгиевич Тарада назначен секретарем краевого комитета партии. Дальше следовала его биография. Это была ошеломляющая новость. Я тут же набрал отца, но того, как назло, не было. Я позвонил Славе.

– Слав, привет! Есть минута? Далеко от тебя газеты? Загляни в сегодняшнюю «Кубанку»... Что? Нету? Да ладно, не ищи! – я сделал паузу, а потом выпалил: – Анатолия Георгиевича назначили секретарем крайкома.

Слава оторопел.

– Точно?

– Я тебе говорю – в «Кубанской правде» напечатали. Включи телевизор. «Новости Кубани» уже передали сообщение о назначении.

– Ничего себе! – В голосе Славы слышались восхищенные нотки.

– Все выше поднимается Анатолий Георгиевич, – продолжал возбужденно я. – Хотел позвонить отцу, но того нет на месте.

– Думаешь, он не знает?

– Может, знает, а может – нет. Ты только подумай, ну Анатолий Георгиевич, ну тихоня. Ни слова, ни полслова, ни намек, что с ним такое будет! А тут – бах!

– А нам-то что с этого?

– Слава, ты дурной? Теперь у него будет больше возможностей. Это же не шутка!

– Да, интересно, что бы сказал сейчас отец, – протянул Слава.

– Главное в этой новости то, что она нас с тобой касается. Сам подумай.

Слава промолчал. Наш покровитель поднимался по служебной лестнице. Мы оба не могли не понимать, что это, так или иначе, коснется и нас. Так пианист, ведя мелодию вверх, подразумевает, что партия правой руки потащит за собой левую.

– Позвони, поздравь его, Слава!

Да, жизнь была иной раз щедра на приятные сюрпризы. Хотелось тут же снять трубку и позвонить Тараде. Но мне доставляло удовольствие тянуть время с той грациозной медлительностью, какую ощущает в ногах певец, когда выходит исполнять коронную партию и знает, что сейчас получит оглушительный шквал аплодисментов. И все же нетерпение пересилило.

Я набрал прямой телефон Тарады.

– Анатолий Георгиевич, поздравляю вас.

– А-а, Игорек! Спасибо, спасибо за поздравления. Ты знаешь, это огромная ответственность для меня, но я принял это решение с пониманием.

Голос Тарады звучал по-новому. Мощнее, что ли.

– Я буду завтра в Краснодаре на совещании. Разрешите к вам заглянуть?

– Конечно, Игорек. До встречи.

– До свидания.

Положив трубку, я задумался о Сереже.

Как там мой сынок?

– Он – вылитый ты, – всегда говорила мне Лида, когда я приезжал к ним в Кисловодск.

– Дай я его поцелую...

– Только осторожно, Игорь. Держи его крепче. И помой сначала руки.

Милые воспоминания о сыне вихрем проносились в моей голове.

Я посмотрел в окно. Внизу суетились люди, куда-то торопились, день был жаркий, и даже близость моря не приносила живительной прохлады, но я ничего этого не замечал. Я почувствовал, что преисполнен огромной надежды, словно назначение Тарады придало и мне силы.

«Хорошо, если бы Лида с Сережей поскорей оказались здесь», – подумал я.

От сына мысли сами собой перенеслись к его деду – моему отцу. Интересно, какой я отец? Похож ли на своего отца? Тот столько ласки не допускал.

Мысли прервал стук в дверь.

Секретарша просунула голову.

– Игорь Алексеевич, завтра в шесть утра машина будет у подъезда. Что-нибудь еще нужно?

– Приготовьте мне квартальные отчеты. И позовите главного инженера.

Мне надо было успеть подготовиться к завтрашнему совещанию. Хотя это и была рутина, но она требовала подготовки.

На следующее утро я вошел в кабинет Гречаного. Двадцать четыре нервных и очень себе на уме директора, которым палец в рот не клади, ожидали начала заседания.

Это было обычное регулярное совещание руководителей мясных предприятий нашего края. Тема мясной продукции всегда была поводом для жарких баталий в разгар сезона.

Место в середине стола было свободно. Я уселся, разложил перед собой бумаги. Гречаный сидел молча, ожидая, пока все соберутся. Я невольно начал его разглядывать.

Высокий, светловолосый, лет на двадцать старше меня. Алексей Петрович был мужик нелегкой судьбы. Он двигался вверх по партийной лестнице, дошел до секретарей горкома, но потом что-то в его карьере застопорилось и его перевели на хозяйственную работу, должность нервную, нелегкую, и ему пришлось прикладывать силы, чтобы доказать, что он на ней может не просто справиться, но и отличиться по сравнению со своими предшественниками.

Было понятно, что он толковый, умный мужик, экономически грамотный, надежный, прежде чем сказать – сто раз подумает. Его уважали и начальство, и подчиненные.

В этот раз Гречаный был на взводе. Я сразу это почувствовал, стоило мне только встретиться с ним взглядом – словно искра высклась. Хотя со мной он поздоровался тепло.

– Здравствуйте, Игорь Алексеевич.

В воздухе повисло некое нервное и мутное облако, предстоящего снятия стружки.

– У нас сегодня на повестке, – начал Гречаный сдержанно, – три темы: снабжение Сочи, – он бросил взгляд на сочинского руководителя мясного комбината. – Анапа как детская здравница, – тут он сурово посмотрел на меня, – и Армавирский комбинат.

Последнее слово он произнес особенно твердо, потому что Армавир был флагманом мясной промышленности Кубани.

Гречаный водрузил на нос очки и сел. Стул затрещал под ним, но он не обратил на это никакого внимания и несколько раз прокашлялся, словно собираясь с мыслями.

Затем неожиданно, без всякого предисловия, минуя и Сочи, и Анапу, обрушился на нас всех:

– Главное на повестке дня – положение на Армавирском комбинате.

Он произнес это строго, и все сразу обернулись к директору комбината – Дубровскому, который сидел за другим торцом стола.

Это был мужчина лет семидесяти, по всему – большой любитель хорошо покушать и закусить.

Очки делали его лицо более интеллигентным, а полнота в самом скором времени грозила обернуться немощью. Казалось, он всегда был слегка навеселе. Блуждающий взгляд и улыбка пробежали по его лицу словно тень.

На высказывание Гречаного он почти не отреагировал, как человек, который не боялся рычания дворняжки.

– Я к вам обращаюсь, Алексей Иванович, – мягко произнес Гречаный.

И Дубровского словно передернуло, обожгло острой болью.

Гречаный взял паузу, давая время всем присутствующим обернуться в сторону проштрафившегося директора. Тот почувствовал на себе десятки взглядов и не смог уклониться от этой сшибающей с ног энергетики.

Мне показалось, лицо Гречаного – строгое, почти сердитое, словно вспыхнуло мощью власти, вольной распылять любого. И Дубровский немного сник.

У него появилось плаксивое выражение на лице и пробежала кривая улыбка – как у людей, которые хотят скрыть, что их задело чужое внимание.

Голова его мелко затряслась. Он сразу как будто поседел, лицо стало отечным, нос – краснее.

Кое-кто опустил глаза. Большинство стеснялось смотреть на Дубровского. Некогда это был опытейший зубр, аксакал, а сейчас он сидел, как мальчишка, и человек лет на двадцать моложе отчитывал его.

– Давайте говорить серьезно. Вы понимаете, к чему все идет?

Дубровский сник, как усохший дуб. Взгляд его стал еще более отсутствующим, словно все, творящееся вокруг, было воплощением скверны.

Казалось, что он прислушивается к чему-то своему, к своему внутреннему голосу. Голова его склонилась немного набок, и он одним глазом смотрел на стол, словно это было буддийское упражнение на концентрацию, и видел на нем какие-то тайные письма, которые его занимали.

– Алексей Иванович! – снова почти по слогам воззвал Гречаный.

Дубровский одними губами отрешенно ответил что-то невпопад так, что никто ничего и не расслышал.

Раньше имя Дубровского всегда склоняли с завистью и трепетом. Но теперь прежней силы в нем не осталось. Гречаный трепал его, как простофилю. Это означало, что король терял трон.

Дубровский почти не возражал. Это был уже живой труп. Все что он мог сделать – это по возвращении домой махнуть пару рюмок. А пока ему приходилось терпеть.

Все с любопытством ожидали финала представления.

– Большой, большой комбинат, – продолжил Гречаный и пристально посмотрел на Дубровского. Он полагал, что нагоняй – единственный способ исправить ситуацию. – Вы что, не понимаете? Речь не просто о возглавляемом вами комбинате! А о показателях всего края!

На последнем слове Гречаный вздел вверх указательный палец, словно желая проткнуть потолок.

В его словах был и другой, тайный смысл. Любой промах каждого комбината, из подведомственных ему, сказывался на авторитете самого руководителя мясной промышленности края.

Об этом задумывались не все директора. Но Гречаный прекрасно понимал, насколько он зависим от успеха или провала своих директоров.

– Нам не хватает оборудования, – вдруг громко подал голос старик.

В первую секунду Гречаный опешил. Этот довод был избитым аргументом.

– Это не оправдание, – голос Гречаного стал крепчать. – Товарищи, так не может долго продолжаться, – вдруг ударил он ладонью по столу.

Кое-кто одобряюще закивал. Дубровский вздрогнул.

– Алексей Иванович, вы понимаете, что вы с нами делаете? – вдруг умоляюще произнес Гречаный. – Производственные показатели вашего комбината – тут цифры мне не дадут соврать – они же падают. Вот они... Разве я что-то придумал?!

– Мы это исправим, – снова промямлил Дубровский, теряя боевой пыл.

– Я слышу это от совещания к совещанию, а воз и ныне там. Крайком терпеть не будет, – устало произнес Гречаный. Он вдруг понял всю бесперспективность своих слов, словно лимит восприятия Дубровским криков был

исчерпан. – Это не придирки, – продолжил Гречаный совсем спокойно. – Состояние комбината вызывает озабоченность у руководства края.

Многие из нас снова молча переглянулись.

– Если бы не его возраст, – шепнул кто-то слева от меня.

– Раньше была мощь, палец в рот не клади, а сейчас... – Сидевший справа безнадежно махнул рукой.

– Сам виноват. Не надо было запускать, – прошипел кто-то сзади.

– Тише вы, – одернул всех сочинский директор.

– Последний год дела комбината пущены на самотек, – уже равнодушно и спокойно заговорил Гречаный. – Чем помочь Армавиру – уж и не знаю. Вам, Алексей Иванович, уже по протекции министерства направили нового главного инженера на предприятие. Два с лишним месяца прошло, а ничего не изменилось.

Он говорил уже совсем тихо, но с такой силой, что его слова, казалось, могли достать до печени распекаемого – но Дубровский все воспринимал с каменным лицом, не реагируя.

Он только тяжело дышал и все больше краснел, словно находился на пороге апоплексического удара.

– Я все понимаю, Алексей Петрович, – наконец, выдал он из себя.

И дальше стал произносить какие-то слова, казавшиеся полной ахинеей, словно здравый смысл покинул его навсегда.

Сколько я его помню, все совещания заканчивались одним и тем же – песочили Дубровского постоянно, но почему-то сохраняли за ним директорское кресло.

А показатели никак не хотели меняться. Финал каждого совещания был, как день сурка, всегда одним и тем же – про Армавир, с обязательными заклинаниями Гречаного:

взять дело в свои руки и не оплошать перед крайкомом. И Дубровский каждый раз выносил эту пытку, словно сохранение за собой этого директорского кресла оставалось единственным смыслом его жизни.

Никто даже представить себе не мог, чтобы он хоть раз попробовал защитить свою честь, пойти на обострение ситуации.

Призрак неминуемого краха сидел рядом с ним.

Повисла тяжелая пауза. Затем раздался скрежет отодвигаемого стула и Дубровский медленно, словно подсушимый в зале суда, встал.

И сразу стало особенно заметно, что это уже глубокий старик, у которого пристрастие к коньяку заменило тягу к жизни. Кто-то из директоров шепнул: «Довели мужика».

Гречаный воскликнул на повышенных тонах:

– Алексей Иванович, что же вы молчите?

Дубровский зашептал что-то еле слышно. И вдруг Гречаного прорвало:

– Хватит! Все! Пишите заявление!

Ко мне наклонился сочинец.

– Совещание для одного Армавира! – Мой собеседник был явно доволен разыгранным спектаклем.

Дубровский сел на свое место. Гречаный постучал карандашом по столу.

– Все свободны. Совещание закончено.

Все начали шумно вставать.

– Пьеса для одного комбината, да! – продолжал кому-то шептать сочинский директор.

– Только и разговоров, что про Армавир! – откликнулся толстый директор из Новороссийска.

– Армавир то, Армавир се! Скорей бы развязка...

Шушукаясь и обсуждая итоги совещания, директора мясных комбинатов Кубани разбредались по своим машинам.

XXV

Здание крайкома партии было специально спроектировано так, чтобы каждый посетитель почувствовал величие людей, которые там заседали, и ощутил собственную значимость, коли был туда вхож.

Вестибюль, гулкий и пустынный, напоминал заповедник, попасть в который мог далеко не каждый... Это была практически мертвая зона – там всегда было оглушающе тихо после гомона городских улиц. Человека словно отсекало от мира проблем, как увеличительное стекло отсекает все лишнее, что находится по краям, выделяя только главное.

Мне всегда нравился сам процесс – как ты поднимаешься по огромной мраморной лестнице, устланной красными коврами, которые глушили всякие шаги, словно это уже не ты, а твой ангел-хранитель, твое высшее «я» поднимается по лестнице туда, где обитают небожители.

В настораживающем полумраке пространства ощущалась магия власти, которая соблазняла и очаровывала каждого, кто к ней прикасался.

Да, здесь было скромнее, чем на Старой площади, но не менее величественно. Такое впечатление, что здесь люди не работали.

Я на какую-то долю секунду замечтался, живо представив невозможное: свою фотографию в газетах – меня избирают первым секретарем крайкома, и вот я поднимаюсь на трибуну, скромный и сдержанный, как полагается каждому, от слова которого зависят судьбы сотен тысяч. Я потряс головой, отгоняя наваждение.

Что светит «инвалиду пятого пункта», все прекрасно знали и удивлялись: как я, такой молодой, мог забраться на ту высоту, которой достиг.

Поневоле взгляд остановился на монументальном белоснежном мраморном бюсте Ильича, примостившемся, словно пассажир метро в час пик, в узкой нише огромного холла.

Тут же я невольно кинул взгляд на огромный типовой портрет маслом в тяжелой дубовой раме, висевший напротив Владимира Ильича, на котором был изображен Леонид Ильич.

– Гражданин, ваши документы, – вывел меня из задумчивости строгий и вместе с тем почтительный голос милиционера.

Я показал удостоверение и сказал к кому иду.

Прошел по коридору мимо прежнего кабинета Тарады. От него уже не исходило прежнего сияния, напротив – новый, на третьем этаже, казался источником всех будущих успехов и наград. Если уж нам придется разойтись, то не на том этаже, куда я теперь поднимался.

Этот дополнительный лестничный пролет вселил в меня уверенность, что человек, забравшийся

сюда – не поднимается в одиночку – это как альпинист в спарринге со своими страховщиками. Его подъем тащит и нас.

Кабинет был солиден. С портретами Брежнева и членов ЦК КПСС.

В целом его отличала все та же простота за исключением нового огромного стола, который теперь по рангу полагался Анатолию Георгиевичу.

Прежний, в котором я столько раз бывал, занял Щербак.

Я почему-то подумал о нем, и мне стало смешно. Но не потому, что этот представительный мужчина был какой-то комичной фигурой. А потому, что раньше заведующий отделом промышленности и торговли, казался мне чуть ли не богом, а теперь я спокойно прохожу мимо его двери и не чувствую никакого трепета.

Секретарша отворила дверь, и я вошел в кабинет Тарады, залитый ослепительным солнечным светом.

– Анатолий Георгиевич! – Я сделал паузу. Тот оторвал голову от бумаг, которые рассматривал, стремительно встал и раскрыл объятия. – Поздравляю вас с этим высоким назначением.

Тарада радушно поманил меня к себе, обнял.

Я молча полез в карман, достал оттуда конверт и положил перед Тарадой.

– Спасибо, – произнес он коротко и молча одной рукой стал пододвигать конверт к краю стола, а другой приоткрыл выдвижной ящик. Конверт исчез в ящике.

– Спасибо, спасибо, Игорек, – Тарада весь светился. – Высокое назначение, очень ответственное. Будем оправдывать. И так у меня раньше супруга забывала, как я выгляжу, а теперь уж, – он махнул рукой – и подавно забудет. Но что делать, что делать... Вот они, наши жертвы.

Он посмотрел на меня по-доброму. Было видно, как приятно ему находится в новом кабинете, и как здесь все радовало и поднимало его в собственных глазах.

– И это касается всех нас, между прочим. У нас один в поле не воин. Понимаешь, о чем я?– пропел Тарада и дружески указал мне на кресло.

– Забота и внимание, – снова пропел он. – Будем работать, Игорек. Это не просто высокое назначение. Это большая ответственность.

– Оправдаем, Анатолий Георгиевич, – заметил я.

– А куда деться? Так жизнь устроена, – продолжил Тарада, мягко, по-отечески улыбаясь. – Государство думает о себе, а мы о себе. Я рад, что ты это понимаешь.

– На то она и щука, чтобы карась не дремал...

Тарада рассмеялся. Мы напоминали двух чемпионов мира по шахматам, которые, обсуждая сыгранную партию, говорят на языке, понятном только им двоим.

– Поддерживать таких инициативных, как вы со Славой, вот моя первейшая задача, – продолжал Тарада. – Ты знаешь, о чем я тут подумал? – он поудобнее уселся в кресло. – На вас можно положиться.

Заметив удивление в моих глазах, Тарада еще пуше развеселился.

– В том смысле, что когда ты становишься ответственным за человеческий коллектив, ты несешь ответственность за всех, кто на тебя полагается. Вот почему так страшно потерять их доверие.

– Иногда действительно наплевать, останешься ли в живых. Главное доверие сохранить, – кивнул я.

– Вот именно, – кивнул Тарада. – А доверие партии – это основа основ. Мы всегда под ее защитой.

– Согласен, Анатолий Георгиевич, – кивнул я.

– Правильно понимаешь. Никто не сидит сложа руки. Ну что ж, если будут какие-то проблемы, обращай сразу ко мне, Игорек. Я всегда рад помочь, дать совет...

Я почувствовал, что разговор окончен.

– Спасибо за поддержку, всего наилучшего, до свидания, Анатолий Георгиевич.

Он смотрел мне в спину, пока я не вышел из его кабинета. В приемной я почти нос к носу столкнулся со статным Щербак, о котором совсем недавно вспоминал.

Щербаку было около сорока. Голову красила седина. Волевой подбородок. Он был хватким партийным функционером, который давно изучил все механизмы взлетов и падений с бюрократической лестницы и, умело используя это знание, медленно, но верно, поднимался наверх.

Мой непосредственный начальник несколько не удивился, увидев, что я вышел из кабинета его шефа, миновав его кабинет. Однако в этом не было ничего необычного; и он, и я понимали это.

Так же как и я, он почти физически ощутил, как наши роли неумовимо сравнивались несмотря на то, что я фактически был его подчиненный, но выходил от его начальника, как от своего друга и, соответственно, было совершенно непонятно, кто я ему теперь – ровня или по-прежнему послушный подчиненный.

– А-а, Игорь Алексеевич, – первым поздоровался со мной Щербак и протянул руку.

Я ответил ему приветствием. Весь мир вдруг показался мне чрезвычайно заманчивым предприятием.

– Удачи вам, Игорь Алексеевич. – Он еще раз пожал мне руку.

– Спасибо, и вам всего наилучшего!

Уезжая вечером из Краснодара, я почувствовал, как на меня накатывает усталость. «Как там Сережа?!» – мель-

кнула мысль, и тут же возникла настоящая потребность повидать их обоих: Лиду и Сережу. Какой-то инстинкт подсказывал мне, что если я не сделаю этого – мне будет плохо, порвутся какие-то нити, которые поддерживают их, делают счастливыми лица, когда я появляюсь на пороге дома.

Я бросил шоферу:

– В Кисловодск.

Лида всегда радовалась, когда видела меня, но я порой не замечал ее чувств, того, как она устала и как ей не хватает моей ласки и внимания.

Эти горячие месяцы моей жизни я был слишком занят суматохой и кутерьмой на комбинате, реконструкцией, восстановлением, которые истощали все мои силы.

Единственное, что может возродить меня – это прикосновение к Лиде и сыну.

Шофер выжал педаль газа до упора. За окнами замелькали купы деревьев, домишки, деревеньки, проносящиеся вдоль дороги...

Ветер трепал и кружил листву...

Лидочка встретила меня на пороге. Обняла.

Я дотронулся губами до ее щеки. Ее красота и величие всегда поражали меня. Но сейчас я не мог насмотреться на ее лицо, ее молочно-белую кожу, тронутую нежным румянцем. Только у людей, из поколение в поколение впитывающих живительный кавказский воздух, могла быть такая кожа.

Голос, ясный как колокольчик, звучал и журчал.

Я взял на руки Сережу, поцеловал.

– Ты когда успел так вырасти, а?! Да какой тяжелый-то стал! – я подбросил сына к потолку.

– Игорь, не надо! – испугалась Лида, забирая Сережку.

Вошла Анна Григорьевна.

– Игорь, здравствуйте.

Она подставила щеку для поцелуя.

– Как добрались?

Иногда мне казалось, что она не произносит ни одной фразы, не вкладывая тайного смысла в самые невинные слова.

Это был голос женщины, которую невозможно слушаться.

– Прекрасно, Анна Григорьевна. Прекрасно.

– Тогда прошу за стол.

Я с благодарностью посмотрел на нее. Взял Лиду за руку. Вот теперь я был спокоен. Я мог выдержать еще неделю бешеного марафона. Мой брак был крепостью, настоящей родовой башней, что веками, охраняя, стояли на Кавказе.

XXVI

Сидя в кабинете, я просматривал отчеты, которые всегда воспринимал весьма эмоционально. Секретарша доложила, что звонит заместитель Гречаного – Владимир Георгиевич Бурлак.

– Игорь, здравствуй!

– Привет, Владимир Георгиевич.

– Как ты там?

– Кручусь-верчусь, всех перехитрить хочу.

– Это верное дело. Слушай, я к тебе завтра днем заеду.

Может, пообедаем? А потом я на Краснодар дальше двину – из Новороссийска. Там дела будут.

– Конечно, заруливай! Буду рад видеть.

– Тогда до встречи!

Я откинулся на спинку сиденья, почувствовав нечто вроде усталости. Визит был неожиданный. Но я к такому привык.

Кто бы и когда бы ни приехал из начальства, я должен был их принять – это тоже была часть моей работы.

В глазах у меня рябило от круговорота дел и событий, когда на следующий день в кабинет вошел Бурлак.

Мы пожали друг другу руки. Я подошел к окну. Открыл. В комнату хлынул запах дымка – вечного спутника копченой колбасы. Ветер усиливался.

– Гроза будет, – произнес я.

– Не закрывай, – попросил Бурлак. – Дай подышать.

В небесах над комбинатом шла какая-то ломка: где-то гремел гром, вдалеке, точно иглы, от неба до земли вырастали огненные прутья молний, клубящимися темными тучами было устлано все небо.

Бурлак смотрел на меня своими насмешливыми карими глазами, в которых, словно булавки, мерцали искорки. Я был немного заинтригован.

Секретарша внесла два стакана чая на подносе, какую-то легкую снедь.

Я сделал огромный глоток, словно желая подавить им свою усталость.

– Я, пожалуй, тоже, – потянулся к чаю Бурлак. – В жару лучше пить горячее. В горле пересохло, – заметил он.

Я молчал, слушая и наблюдая, что будет дальше. Все это напоминало небольшой спектакль.

Я ощущал, что Владимир Георгиевич немного на взводе, но не мог понять причину его волнения. От него волнами передавалась некая энергия, будто он что-то недоговаривал, скрывал от меня, на самом деле подозревая, что я уже знаю подспудный смысл его визита.

Бурлак, энергично помяв пятерней лицо, словно отгоняя усталость, строго посмотрел на меня.

– Извини, что я вот так, неожиданно, без предупреждения. Рассказывай как дела?

– Да, как? Холера протекает нормально.

Я пустился в перечень того, что составляет безумный директорский день.

Бурлак слушал и кивал. Потом не удержался:

– О, Господи, ну и денек у тебя.

Тембр его голоса был богат, он управлял им, словно музыкальным инструментом: мурлыкал и журчал в зависимости от характера беседы то требовательно, то доверительно, то осуждающе.

– Ты слышал, – начал он без обиняков, – что Гречаный неожиданно нагрянул на Армавирский комбинат, провел разведку боем?

– Нет, а что?

– А то, что Дубровского сняли. Новость уже начала разлететься по краю.

– И кто на его место?

– Исполняющим обязанности назначили того, присланного сверху, нового главного инженера, этого абаканца Аверина.

Я понимающе кивнул.

– И что? – я слушал, не торопясь показывать свою реакцию.

– Гречаный поговорил с работниками... Короче, выяснилось, что этот абаканец был подшофе.

Брови мои удивленно взметнулись вверх.

– Ну, Дубровский – это понятно, но этот, тоже, что ли, пьет?

– Его застукал сам шеф.

– Один раз – это еще не показатель, – ответил я.

– Ты знаешь, как это было? – продолжал Бурлак, увлекаясь. – Гречаный совещание ведет, а этот абаканец какой-то странный. Ну, может, случилось что. В перерыве к Гречаному подходит секретарь парткома комбината – разрешите, мол, Алексей Петрович переговорить? И так аккуратненько отвел нашего шефа в сторону.

– Ну и?! – я невольно поддался азарту Бурлака.

– Что ну? Говорит: «Нашему исполняющему обязанности доверять нельзя. – Почему? – Он пьет. Я должен вам это сообщить как руководитель партийной организации предприятия». Вот так.

Бурлак сделал огромные глаза. Для руководителя любого уровня подобное обвинение – клеймо.

– Гречаный возвращается на совещание и понимает, что парторг был прав. Но ты ж его знаешь. Он ничего сгоряча не делает. Дает слово этому абаканцу. Тот начинает говорить, и точно – все подтверждается. Совещание заканчивается, шеф, ни слова не говоря, садится в машину и уезжает. Все в изумлении.

– Что?! Прямо так и уехал?

– Молча! Партком ему сказал, что это уже система. Трезвым Аверина не видят. Такие дела... И потом, надменность его непонятная. Может, это оттого, что его министерство поддерживает. Не знаю. Факт то, что человек – пьет, а коллектив это видит. Сам понимаешь, Дубровский это делал – люди этого не видели. Выпьет, пошел и заснул, а этого на подвиги тянет...

Я присвистнул.

– Шеф приехал на работу разъяренный, говорит: «Надо что-то делать».

– Ну, так что получается? – спросил я – Дубровского-то сняли, а замены ему и нет?

– Вроде этого инженера планировали, – заметил Бурлак, – но с ним – видишь что. Чувствую, не хочет его шеф ставить директором. В общем, я что тебе хотел сказать? Ты будь готов.

Я удивленно посмотрел на него.

– Шеф опять может всех собрать у себя. Ему что-то надо решать, – Бурлак замолчал, подошел к окну – посмотрел вдаль. – Хорошо у тебя тут, уютно.

– Да ладно тебе, – махнул рукой я. – Производство...
– Воздух, море... Все размеренно. Ладно! – Бурлак поднялся. – Засиделся. Пора, а то шеф спохватится, а меня нет. Пока! И спасибо!

Я проводил его до двери.

– Заезжай, звони. Чем смогу – помогу.

Через неделю меня вызвали к Гречаному.

Я был удивлен. Вроде, ничем не проштрафился. План выполняем. Что за причина?

Здание Мясного объединения Кубани располагалось в десяти минутах ходьбы от кубанского крайкома партии в старинном, дореволюционной постройки здании с лепниной и высоченными потолками.

Кабинет Гречаного был достаточно просторен, чтобы вместить человек тридцать, но без особой роскоши.

Секретарша сразу проводила меня к шефу.

Гречаный повертел в руках очки и посмотрел на меня так, словно я был погорельцем, и ему предстояло решать, что со мной делать.

– У тебя был хороший эксперимент по Анапе, – без слов приветствия начал он.

От слова «был» у меня вспотели ладони.

– В каком смысле? – спросил я, а у самого в голове запрыгали мысли: Черт, что он говорит?! У меня же все в порядке. Не может быть такого, чтобы... – Я не успел додумать.

– Есть предложение направить тебя в Армавир.

Я оторопел.

– Да у меня здесь в Анапе планов еще выше крыши.

Гречаный посмотрел на меня и усмехнулся. У него было небольшое косоглазие, поэтому, когда он смотрел на вас, трудно было понять, смотрит он в глаза или нет, что-то скрывает или откровенен.

Выражение его лица говорило: «Игорь, ты не понял, что я тебе сказал».

Вслух он произнес:

– Игорь, посмотри сам на эту ситуацию. Еще немного и ты достигнешь тут потолка. Комбинат работает, все терпимо. И что дальше? Куда ты приложишь свою неугасимую энергию? – Нервничая, он повторял фразы по несколько раз. – Что ты с ней будешь делать. А здесь – такой классный плацдарм, где ты можешь показать себя и создать куда больше, чем на этом комбинате.

Я промолчал.

– Я тебе благодарен, что за такой короткий промежуток времени сделано очень много. Комбинат нельзя узнать. Он работоспособный.

Это было приятно слышать.

Гречаный сделал паузу и посмотрел на меня с любопытством естествоиспытателя, как я восприму то, что он сказал.

– Это тот случай, когда ты можешь возглавить флагман на Кубани. Я тебя не тороплю. Ты поезжай, посмотри, что да как. Я думаю, что ты там со всем должен справиться. Комбинат идет ко дну и надо срочно что-то предпринимать... – закончил он.

Я молчал.

Гречаный истолковал это по-своему.

– Я понимаю, Игорь, что все это сложно. Но ты пойми, Анапа – это уже пройденный этап. Ты хорошо проявил себя здесь. Я этот комбинат не могу узнать. И именно поэтому предлагаю тебе – иди вперед.

Он встал из-за стола, прошелся по кабинету.

– Учти, там, конечно, колоссальный объем проблем, но и должность по весу несравнима с той, что сейчас у тебя в Анапе. В общем, поезжай, посмотри. И скажи мне свое решение. Помни: наше предложение – это рост.

Он протянул мне руку, давая понять, что разговор окончен.

Я ощутил, как все мои эмоции угасают. Все оказалось не так, как я предполагал, не тем, что я ожидал, когда ехал к Гречаному.

Черт, судьба посылала мне испытания, предлагая такие тузы, что, честно говоря, принять их в игру требовались сила и мужество.

Я тут же позвонил отцу.

– Тут такое дело... – Я замялся, а потом выпалил, – мне предложили возглавить Армавирский мясокомбинат. Это гигант нашей отрасли.

На другом конце трубки повисло молчание.

– Да-а, – протянул отец, и в этом его «да» было столько же ответов, сколько и вопросов. Голос его напоминал электрический разряд, который прошелся по мне. – Сынок, тебе решать. Тут я тебе не советчик. В любом случае – ты понимаешь, что в Анапе – перспектива ограничена, а Армавир... – Отец сделал паузу, подыскивая слова, – Это рост, другие объемы, другие перспективы. Ты же не собираешься все время в Анапе сидеть? Он сказал, почему они остановились на тебе?

– Не впрямую. Другой вопрос, что это отчасти и так понятно. Нынешний директор довел комбинат практически до ручки. Они не могли больше этого терпеть.

– Я тебе так скажу, – с азартом произнес отец, – ты поезжай, посмотри, а потом в Москве или Краснодаре пересечемся. Я думаю, этот комбинат – плацдарм, где ты можешь показать себя.

Я пробовал предугадать все возможные минусы, которые таились в переходе на новое место. Следовало трезво взглянуть на ситуацию и не обольщаться. Мысли кружились хороводом.

Отец продолжал:

– В любом деле есть подводные течения. Ты же понимаешь, что и ты, и Гречаный – вы вертитесь не в безвоздушном пространстве. Это как в лесу: есть медведи, а есть рыбка помельче. В итоге шишки за проколы Дубровского сейчас валяются на Гречаного, так? – спросил меня отец хитро.

– Так устроена система, – ответил я. – Он же шеф мясной промышленности края. Если Армавир заваливает работу, то несдобровать и Гречаному!

– Вот видишь! – воскликнул отец, словно нашел разгадку. – Армавир – стратегический объект. И ему нужен свой, надежный человек. Но как бы тебя не подставили. Потому что, такое дело никак нельзя завалить.

– К чему ты клонишь? – спросил я.

– Ты вырос, Игорь, решай сам, но я тебе еще раз повторю, – уклончиво ответил он, – Армавир отличный плацдарм, но и Анапа не плоха. Решать только тебе.

Я набрал номер приемной Тарады, попросил секретаршу соединить с шефом.

– А-а, Игорек, здравствуй, – раздался голос Анатолия Георгиевича на другом конце. – Какими судьбами?

– Анатолий Георгиевич, добрый день, у меня есть вопросы...

Он прервал меня.

– Игорек, я в курсе. Поезжай в Армавир, посмотри все там, и после этого, когда сам все увидишь, поговорим с тобой, – радушно раздалось в трубке, словно он уже знал, зачем я звоню.

Это прозвучало как благословение.

На объект меня повез Владимир Георгиевич Бурлак.

Всю дорогу он толковал, что мы едем неофициально – просто посмотреть. Я сидел на заднем сиденье в галсту-

ке, костюме, было очень душно, и даже открытое окно не приносило облегчения.

Из-за окна автомобиля гигантский завод показался мне каким-то нереальным. Это было поражающее воображение профессионала зрелище. Пятьдесят гектаров территории!

– Выходить не надо. Тут пешком не обойдешь, – пояснил мне Бурлак, заметив мое желание выйти из «Волги», когда мы проехали КПП.

В самом деле – комбинат напоминал маленький город.

Сначала я увидел завод медицинских препаратов – все в стекле, трехэтажной кирпичной кладки здание, потом мне показали консервный и колбасный заводы, отдельные цеха которых возвышались над всем комплексом комбината. Затем шли холодильники, цех по убою скота и птицы.

После моего маленького производства в Анапе, к которому я привык, армавирский комплекс предстал гигантом.

Только чтобы обрести понимание того, как все это работает, требовалось несколько месяцев. «А чтобы исправить? – мысленно спросил я себя. – Да тут работы – непочатый край...»

– У меня такое впечатление, – поделился я с Бурлаком, – что ты меня завез в отдельное государство.

– Огромный плацдарм, – засмеялся мой спутник, – для применения всех твоих, Игорь Алексеевич, талантов. Здесь практически каждый участок требует реконструкции.

– Честно говоря, голова кружится, – признался я.

– Считаю, что это вызов, – добродушно усмехнулся Бурлак, – твоему умению справляться с патовыми ситуациями.

Однако весь мой руководящий опыт не выходил за рамки маленького хозяйства в Анапе. Оно управлялось,

можно сказать, вручную. А тут надо было иметь дело с гигантом индустрии, монстром.

– Что? Воодушевляет? – Я вздрогнул. Не заметил, как утратил нить разговора и задумался о своем. Бурлак дружески похлопал меня по плечу.

– И пугает одновременно, – добавил я как можно оптимистичнее, – не хотелось, чтобы меня приняли за радостного идиота. Осмотрительность не помешает.

– Ну, тебе по плечу такое хозяйство! – похлопал меня Бурлак. – Нет ничего хуже, чем взяться за дело и не справиться с ним, да?

Мы объехали всю территорию.

– Зайдем к Аверину. Я сказал ему, что мы тут просто проездом, – коротко пояснил Бурлак.

Я понимающе кивнул.

– Они нас ждут в банкетном зале.

– Готовились?

– Да нет, все по-простому.

В банкетном зале, который скорее напоминал обычную столовую, уже был накрыт стол. Нас встретил Геннадий Владимирович Аверин, мы сухо поздоровались, уселись. Я был немало удивлен, увидев за его спиной Дубровского.

Бурлак сразу придвинул к себе тарелку. Он начал есть, не стесняясь показать, что страшно проголодался.

– Отличная кухня, – воскликнул Бурлак, отодвигая от себя тарелку. – Игорь Алексеевич, чего ждешь, попробуй! Настоящая, домашняя, – обернулся он ко мне.

Передо мной поставили тарелку с котлетками, с хрустящей, немного розоватой корочкой, от которых шел одуряющий аромат. Я вспомнил, что с утра маковой росинки во рту не держал.

Мясо было нежное, проваренное. Поварихи как будто готовили для себя. Я повернулся к Бурлаку, покачал голо-

вой, мол, не обманул. Бурлак подмигнул и пустился рассказывать анекдот.

Со своего места поднялся «абаканец» – наш хозяин, главный инженер, временно исполняющий обязанности директора комбината.

– Валя, – кивнул он женщине, которая подавала, и милая подавальщица тут же разлила всем по стопке.

– За процветание вашего комбината, – поднял тост Бурлак.

Он как-то сразу взял на себя роль тамады на правах старшего по чину.

– Очень рад, что вы нас посетили! – откликнулся из своего угла Дубровский.

Прошлые заслуги старика все-таки сыграли свою роль, и его оставили при комбинате «почетным» технологом в цехе сырокопченых колбас – там по рецептуре приготовления использовали коньяк, которым старичок, как я потом узнал, не упускал случая побаловаться.

– Какие у вас планы? – спросил «абаканец», который, конечно же, был заинтригован нашим неожиданным приездом.

Бурлак деланно рассмеялся.

– Да вот, едем в дальнюю дорогу. Игорь Алексеевич, – Владимир Георгиевич кивнул в мою сторону, – вызвался меня сопровождать в дальний путь. Я на его родину еду – в Кисловодск, здоровье поправить. Решили по дороге к вам заглянуть.

Легенда, придуманная Бурлаком, выглядела правдоподобной. Аверин, блеснув золотыми зубами, поднял рюмку.

– За ваше здоровье!

– Ваше здоровье!

Я заметил, что пьет он одну за другой, не смущаясь. Пока мы осваивали еще первую стопку, подавальщица Валя успела ему раза три обновить фужер.

Рассказ Бурлака о подозрениях Гречаного насчет Аверина подтверждался.

Мы разговаривали ни о чем. Дубровский сыпал анекдотами. Валя подавала одно за другим источающие ароматы блюда.

Пиво «Жигули», шашлыки, чебуреки, русские блины, сибирские пельмени – стол просто ломился.

Видно было, что Аверин хорошо усвоил правила игры. Видимо, рассчитывал в скором времени избавиться от приставки «ио». Он пребывал в отличном состоянии духа.

– Если что интересует по комбинату, можем рассказать, – провокационно поддел он Бурлака.

Но Бурлака было не провести.

– Я уже считай, Геннадий Владимирович, в отпуске, поэтому позволь, о работе не будем, – четко обозначил он, и я увидел, как расслабились мышцы на лице у Геннадия.

Значит, мое появление все-таки озадачило его. И тут младенчески чистый взгляд Дубровского с леденящей силой впился во Владимира Георгиевича.

– А ведь я знаю, зачем вы приехали, – сказал он. За столом повисла пауза. – Да еще, что называется, как варяги нагрянули. Не предупредив.

– Зачем же? – холодно спросил Бурлак.

– А вы признаться не хотите? – гнул свое Дубровский.

– Я, честно, не понимаю, – искренне и немножко даже деланнее, чем следовало, произнес Бурлак. – Я, лично, в отпуск еду.

– И вы не знаете, что мы здесь сейчас новый рецепт сырокопченой колбасы запустили?! – Дубровский озорно рассмеялся. – Разрабатывали лично.

Бурлак, облегченно вздохнув, тоже начал смеяться.

– Ну, вы шутник, Алексей Иванович. А я уж и вправду чуть себя не оговорил.

Бурлак подмигнул мне.

– А отведать не хотите? – не унимался Дубровский.

– Ну, как уж отказаться! Только, знаете, не лезет, – хлопал я себя по животу.

– За это вы не волнуйтесь, – улыбнулся Дубровский.

И, насвистывая «Не кочегары мы, не плотники...», мягким шагом пошел вдоль банкетного стола куда-то к дальнему столику и так же победно вернулся, неся тарелку с кружочками мелко нарезанной колбасы.

Блеснув лысиной, он поклонился и поставил на стол перед нами новое достижение Армавирского комбината.

– Пробуйте.

Мы взяли по кусочку. Я медленно разжевал.

– Как вкус? – спросил Геннадий.

– Отлично, – пробурчал я, прожевывая ломтик.

Колбаса, надо сказать, в самом деле, была хороша.

– А я вам все-таки замечу, – обратился к Бурлаку Дубровский, – мы делаем все, что возможно, – он обиженно поджал губы, – чтобы продукция комбината оставалась на высоте, как прежде, – произнес, подчеркнув слово «прежде». – Нелегко с мясом. То, что мы получаем...

Бурлак иронично улыбнулся.

– Будем надеяться на то, что положение в ближайшее время выправится, – пресекая дальнейшие намеки на несправедливость того, как поступили с Дубровским, отрезал он.

И мы опять опрокинули по стопке.

Вскоре мы покинули здание комбината, а перед моими глазами еще долго вставали картины огромных цехов.

– Игорек, ты не дури, – говорил мне Бурлак, понизив голос, пока мы шли от ворот к машине, – надо принимать решение. Там, – он показал глазами «наверх» – относятся к тебе в высшей степени положительно, готовы оказать

всю необходимую поддержку. Ладно, поехали, договорим в дороге.

Мы уселись в машину.

От Бурлака исходила некая позитивная энергия, помноженная на возбуждение. Она словно пожирала все мои сомнения, не оставляя от них ни следа.

– Я хочу сказать, – продолжил он, – что тебе пора уже браться за серьезное дело. Там в Анапе ты уже обтерся, привык. Все получается. Комбинат небольшой, но уже на пике своих возможностей. Мы все понимаем – это твоя заслуга. Но здесь – положение похлеще того, что ты увидел в Анапе в первый раз. Зато и цена успеха – повыше.

Я поймал себя на мысли, что они с Гречаным поют в одну дуду. «Видимо, обсуждали меня, – улыбнулся я про себя. – Перебивали мне кости, прежде чем принять решение».

Я старался казаться равнодушным, как и должен выглядеть счастливчик, которому выпал козырной туз.

Пошел дождь. Легкая морось повисла в воздухе над дорогой. Я ощущал биение собственного сердца – от волнения или я предчувствовал какой-то подвох? Я посмотрел на Бурлака, который сосредоточенно смотрел на дорогу, и погрузился в размышления о комбинате.

От своих мыслей я очнулся только когда машина остановилась в центре Кисловодска.

– Вот и прикатили, – разбудил меня голос Бурлака. – Мне надо свой чемодан переложить.

Мы открыли багажники и я увидел массу всяких коробок с баночками паштетов, батонами колбасы, в том числе и «сверхновое оружие советской власти» – новый сорт сырокопченой колбасы, которым нам похвастался Дубровский.

– Как нас снарядили в дорогу-то, а?! – воскликнул Бурлак. – Я с собой возьму немного колбаски, а тебе уж остальное.

– Володя, да возьми ты половину, – взмолился я, – куда мне столько?

– Э-э, друг, меня-то тут в санатории кормить будут, а ты домой приехал – семье вези.

XXVII

Открыла мне дверь Лида, на руках она держала Сережу.

– Это кто тут папу встречает?!

Я с радостью взял сына на руки, поглядел в его большие с Лидиными ресницами глаза, поцеловал в носик, такой крошечный, как кнопка. Ребенок забеспокоился, вглядываясь в меня, заволновался.

– Что, папку не узнал? – рассмеялась Лида и бережно приняла у меня Сережу. – Ты чего, испугался?! Папа нас редко видит, вот мы и испугались.

В черных глазках Сережи скакали хитренькие искры, словно он сердцем угадал, кто я, и сразу потянул ко мне руки, и губы его сами собой сыграли очаровательный марш из смеси звуков и пузырей, который был способен расплавить металл, а не только мое сердце. Нежность и что-то более глубокое, более волнующее переполняло меня – это был мой наследник, моя кровиночка. Глядя

на него я чувствовал себя бессмертным. У меня теперь был костяк, на который могли опираться все мои самые смелые фантазии о будущем.

Лида была прекрасна. В своем простом домашнем платье, без косметики, такая волшебная, чистая. Она повернула ко мне лицо – юное, дразнящее, но уже одаренное некоей загадочной женской мудростью, дотронулась до моей руки, и энергия вернулась в мою кровь, усталость перестала холодить.

– Ты прекрасна, – прошептал я жене.

Она улыбнулась. В ее глазах читалась готовность пожертвовать собой ради ребенка и меня.

Минут через двадцать, когда я уже сидел за столом, поглощенный едой, она подозрительно посмотрела на меня и, не выдержав, спросила:

– Ты чего такой загадочный? Что случилось?

Я отодвинул от себя тарелку с чуду.

– Лидочка! – Взгляд мой был полон восхищения. Ей была приятна моя похвала. Она поставила новое блюдо. В тарелке с ингарполом, на его прозрачной глубине, плавно покачивались кольца лука, словно убаюкивая мой голод. – У нас грядут перемены.

– Что такое? Что-то случилось?

– Не волнуйся, Лидочка! Все нормально!

Лида обеспокоенно посмотрела на меня. Отставила в сторону тарелку, что держала в руках.

– Нет, ты уж говори!

Я сделал маленькую паузу.

– Короче, мне предложили должность директора в Армави́ре.

– Где? – По ее лицу и тону в голосе, я понял, что она даже не представляет всего масштаба свалившегося предложения.

Я начал рассказывать.

Мои слова, горящие глаза действовали на нее всегда гипнотически.

– Ты понимаешь, – закончил я, – мне из Армавира в два раз ближе к тебе и Сереже, чем из Анапы! Ну как?!

Я замер, ожидая ее реакции.

Лида, не задумываясь, кивнула. Она была готова принять любое решение, исходившее от меня, без колебаний.

– Когда-нибудь мы будем с тобой это вспоминать и поймем, что это был великий момент, который мы не пропустили.

– Посмотри, какой у нас папа!

Лида светилась. С Сережей на руках она выглядела такой пленительной.

– Как он ест?

– Хорошо ест. Попробуй только пропустить время. Сразу голосить начнет.

Лида поцеловала Сережу.

– Скажи папе, какие мы взрослые. Мы же не для себя едим. Мы папу радуем.

Я начал играть с Сережей. Он улыбался, открывая свой первый прорезавшийся зубик, и мое сердце таяло от великой нежности, которую я испытывал к этому маленькому чуду, которое было плоть от моей плоти.

– Конечно, нам скучно без папы, – продолжала Лида, смотря, как я играю, забавляя малыша.

От Сережиных волос исходил аромат чего-то сладкого и нежного, похожего на запах молока. Мы с Сережей, ликуя, уставились друг на дружку, как два ювелира, отыскивающие наконец-то свои камешки.

Я обернулся к Лидочке, бережно передав ей Сережу, затем не удержался, наклонился, и нежно-нежно, ее поцеловал.

– Как ты сладко целуешься, – сказала она.

Да, мы вполне могли сойти за двух подростков.

Я почувствовал особенную смесь обожания и почтения, которую источала Лида. Ее взгляд поднимал меня на некую недоступную вершину, с которой я уже не мог упасть, придавал мне чувство уверенности и решимости.

Предчувствие, что у жизни есть, что предложить мне из того, что она предлагает лишь весьма немногим, вдруг переполнило меня. И я испытал сладость, которая грозила поглотить меня целиком. И это ощущение дало импульс.

– Подарки! – воскликнул я. – Я кое-что привез.

– Ты вошел так, словно у тебя в каждом кармане по огромной коробке.

– Разумеется. Сейчас покажу.

Я собрался пойти за подарками, но Лида меня остановила.

– Игорь, значит, мы скоро переедем? – неожиданно спросила она. – К тебе в Армавир?

Я с восторгом и нежностью посмотрел на нее. Все, что хотела эта в сущности еще девочка – это только быть вместе с сыном и мной. Я погладил ее по руке.

– Ну, конечно, родная, вот устроюсь на новом месте и перевезу тебя. А пока это еще только предложение.

В комнату вошла Лидина мама.

– Здравствуйте, Игорек!

– Здравствуйте, Анна Григорьевна.

– Что Сережа? – обратилась она тут же к Лиде.

– Покормила уже, мама.

– Смотрите, что я вам привез.

Я побежал в переднюю.

В коробках, которые я притащил, лежала свежая и невероятно ароматная колбаса. Была и сырокопченая, в большом количестве – Анна Григорьевна ахала, смотря, как я это все достаю.

Там были и баночки с паштетом, и какие-то немислимые окорока, которые производил Армавирский комбинат,

все то, что заботливые руки комбинатского начальства напихали нам в коробку.

Конечно, это было то, что невозможно было купить, чего нельзя было увидеть на пустеющих полках рядовых советских магазинов. Но главное было не это – а унаследованное мной от отца желание удивлять, одаривать близких, показывая, что я всегда помню о них, как о самых дорогих на земле людях.

Каждый мой приезд для Лиды и Анны Григорьевны, а потом и Сережи сопровождался такой вот церемонией дарения чего-то такого удивительного, небывалого и немыслимого, что сразу делало их счастливыми.

Я почувствовал, как у меня закрываются глаза. Из-за утомительной дороги я едва не вырубался.

– Может, приляжешь? – вдруг спохватилась Лидя, увидев, как я зеваю.

Я благодарно кивнул, ибо мозг мой из своего загадочного центра давно подавал сладкие сигналы усталости.

Я дошел до кровати и провалился в глубокий омут сна, как только моя голова коснулась подушки.

В этом сне были какие-то тревожащие меня картины. Я чувствовал, что куда-то падаю, и падение мое смягчали волны нежности, исходившие от Лиды. Мышцы расслабились, и я уже скользил, как лодка скользит к причалу на волне, безо всяких усилий, и это был восхитительный миг, потому что душу мою переполнял восторг.

А потом я услышал, как во сне кто-то рефреном повторяет слова: «Армавир, Армавир, Армавир...», и я сам не мог понять: то ли мне это снится, то ли на самом деле кто-то распевает за окном эту странную песню.

Открыв утром глаза, я почувствовал, что избавился от всех волнений прошедшего дня, оставив во сне и радостное ликование будущего, и объяснимую тревогу за то, как я буду со всем этим справляться.

В тот день домой из очередной длительной командировки вернулся Илья Владимирович. Он занимался заготовкой кооперацией и, уезжая, подолгу отсутствовал.

Одернув модный, даже щеголеватый пиджак и ополоснувшись с дороги водой, Илья Владимирович отправился на кухню, к Анне Григорьевне.

Она с утра уже хлопотала, готовя нам с Лидочкой завтрак, и все вокруг нее ходило ходуном.

– Илья Владимирович, – бросилась она к мужу, – Напугал как...

– А для вас, женщин, все едино. Лишь бы испугаться. Кто придет кроме меня?

– Кушать станете? – засуетилась Анна Григорьевна.

– Гости, что ль, были вчера какие? – заметив груды невымытых тарелок, спросил Илья Владимирович, пропустив вопрос про завтрак.

– Игорь приехал, – улыбнулась Анна Григорьевна.

– Ну что ж ты молчала!

Тесть поспешил ко мне.

– Ну как ты? Рассказывай.

Я не хотел все сразу выкладывать. Но Лидочка меня опередила.

– Папа, а у Игоря – назначение.

– Что такое? – встрепнулся Илья Владимирович.

Мне пришлось в двух словах пересказать то, о чем я рассказал накануне. И главное, о неразрешенных сомнениях.

– Комбинат в Анапе был хоть и маленький, но у всех на виду – как-никак курорт, туда самые высокие руководители съезжаются. В Армавир они будут приезжать только по делам.

– И ты боишься, что тебя там не заметят? – спросил мой проницательный тесть.

Я только рассмеялся.

– Труднее будет.

– Ты знаешь, Игорь, в моей жизни было столько таких моментов, когда вроде бы сама судьба давала мне в руки козыри, я не понимал этого и отказывался, что... – он перебил сам себя. – Я тебе говорю: чем страшней начало – тем лучше конец. Иди, и не сомневайся.

Я кивнул.

– Это положительный момент. Ближе к дому, – протянул он задумчиво. Вдруг глаза его озорно сверкнули. – Ты знаешь, и я гляди, к тебе обращаюсь когда-никогда. Как-никак у меня заготовкооперация. Сдача скота. Это все-таки рядом, Ставрополье.

Он изучающее посмотрел на меня, как бы спрашивая: «Ну как тебе моя идея?».

Я расхохотался:

– Почему нет, Илья Владимирович?! – И широко раскрыл руки.

Анна Григорьевна уже поставила перед нами тарелки.

– Кто же так сложил звезды на небе, что они засунули тебя в Армавир? – спросил Илья Владимирович радостно.

– Десятки обстоятельств, – пробурчал я, прожевывая ароматнейший ингарпол. – Но, кажется, все уже решено.

Еще в пятницу я предупредил, что в понедельник меня не будет – еду в Краснодар на встречу с руководством края.

В крайкоме, в кабинете Тарады, как всегда было прохладно и тихо, так что каждое слово почти эхом отзывалось от потолка.

– Я съездил в Армавир, – доложил я, после того, как мы поздоровались.

Я помолчал, ожидая реакции, но ее не последовало.

– Комбинат-то разваливается, – добавил я.

Тарада деловито посмотрел на меня.

– Это я уже слышал не раз, поверь мне. Ты сам-то что там увидел?

– Ну, Дубровский по-прежнему там. Технологом на сырокопченке оставили... А вообще, кругом беспорядок какой-то. Вроде все что-то делают, а кругом бардак. Конечно, так как есть, оставлять нельзя.

Тарада почесал затылок, потом усмехнулся:

– Помнишь Анапу? Принимал – было то же самое, полный разор. Здесь проблем еще больше. Но ведь это же интересно.

Глаза у Анатолия Георгиевича загорелись.

– Игорек, мой совет – тебе надо идти. Мы еще раз все обмозгуем, но это новые перспективы.

Я кивнул головой.

Меня вдохновляла мощь поставленного передо мной вызова, творческий процесс.

– Ты справишься, – произнес Тарада. – Не сомневаюсь. Мы принимаем решение: ты идешь. И поверь мне, я буду тебе всячески помогать. Поддержка будет, абсолютно другая. А Анапа, – он махнул рукой, – это уже игрушка для тебя. Я думаю ты сам все понимаешь, – закончил Тарада, – нет ничего хуже, чем упущенный шанс.

Уходил я окрыленный.

В ушах звучали слова Тарады: Армавирский комбинат имеет другое значение для края. Этого со счетов сбрасывать нельзя.

На улице сновали люди, мчались машины, а меня обуравали сомнения. В какой-то момент они едва не совладали со мной. Я вдруг почувствовал, что у меня не осталось ни хитрости, ни задора, ни способности к нестандартным ходам. Надо было просто подчиниться обстоятельствам.

Вернувшись в Анапу, я заперся у себя в кабинете и стал размышлять. Я словно странствовал по некоему внутреннему космосу, не воспринимая ничего, кроме соб-

ственной интуиции, которая диктовала ответы под гулкие удары моего сердца.

В ушах начало звенеть. Куда меня несет? С другой стороны, если я испугаюсь, откажусь, то никогда не прощу себе. Курортная Анапа и глубинка Кубани. Невозможно сравнивать! Армавирский мясокомбинат входил в десятку крупнейших. Его директор был номенклатурой заведующего сектором ЦК, министерства мясной и молочной промышленности и, естественно, крайкома партии.

После разговора с Тарадой я сразу же попросился на прием к Гречаному. Он ждал меня. Я понял это по той поспешности, с какой секретарша доложила о моем приходе.

— Ну, съездил, все увидел? — начал сходу Алексей Петрович.

— Да уж...

— И что же ты надумал?

— Алексей Петрович, я принимаю предложение. При одном условии, если вы будете меня поддерживать. Если вы станете с первых дней меня песочить как Дубровского, а там есть вопросы, которые с наскоку не решишь, то увольте. Можете требовать, но и помогайте. Это комбинат, который нуждается в вашей поддержке.

— Игорь, песочить, не песочить... А спрашивать буду. Но и поддержка будет. Вот, пиши заявление, а приказ я уже подписал.

В голове мелькнула мысль: неужели Анатолий Георгиевич успел позвонить.

— С Москвой все тоже согласовано. Осталось решить только формальности.

Он протянул мне листок бумаги, — символический жест — и я тут же, при нем написал заявление.

– Игорь, согласие крайкома тоже получено. Я назначаю тебя приказом. Поезжай в Анапу, попрощайся с коллективом. В течение недели ты должен все завершить.

XXVIII

Через три дня я вылетел в Москву.

Этого требовала ситуация. Как только я дал свое согласие, должна была последовать цепочка утверждений. И это не было простой формальностью.

Я пришел на прием к Челокяну немного волнуясь. Он встретил меня, улыбкой показав, что все идет как надо, причин для беспокойства нет.

– Пошли на коллегия, – сказал он, дружески хлопая меня по плечу. – Все будет нормально.

Я набрал в грудь воздуха как пловец, уходящий на глубину, и пошел за Челокяном.

Зал коллегий был полон чиновников. В центре за столом сидел министр. Приглашенные, в том числе и я, сели отдельно.

Таким я запомнил тот день.

Челокян произнес мою фамилию. Я молча поднялся со своего места, и Георгий Георгиевич представил меня присутствующим.

Слово взял министр.

– Я вношу на утверждение назначение директором Армавирского мясокомбината кандидатуру Бабаева Игоря Алексеевича. Кандидат наук. Работал директором Анапского мясокомбината, показал себя положительно. Есть положительная рекомендация крайкома.

Все молча обернулись на меня. Я чувствовал себя неловко, словно на сцене. Видимо, те, кто меня плохо знал или видел в первый раз, удивлялись, как этот юнец смог стать директором такого комбината.

Министр помолчал, взяв паузу.

– Возражения есть?

Тишина была ему ответом.

Он для проформы скользнул взглядом по лицам подчиненных.

– Возражений нет.

Я сел на место.

Дальше приглашенных попросили выйти. Челокян мне шепнул:

– Ты меня там подожди.

Я вернулся в приемную. Ждать пришлось долго. Часа два – вопросов, которые решали, были много. В перерыве Георгий Георгиевич выскочил ко мне, улыбнулся, похлопал по плечу:

– Ну, поздравляю тебя, Игорь. Ты утвержден, жди меня здесь, – и вернулся обратно.

Нервное напряжение последних дней стало спадать.

Никто больше меня не поздравлял, словно назначение на такую должность для этих людей было абсолютно рядовым событием. Коллегия закончилась. Все стали расходиться, Челокян сказал, чтобы я зашел к нему. В кабинете он обнял меня.

– Ну, еще раз поздравляю тебя, Игорь Алексеевич. Понятно, это формальность, но процедуру следовало пройти.

Все прошло «на ура». Решение о твоём назначении принято единогласно.

– Да, я ожидал чего-то более серьезного, речь заготовил... – возбужденно обратился я к Георгию Георгиевичу. – А говорить ничего и не пришлось.

– А и не надо – все, кому положено, про тебя знают.

– Не подведу, не волнуйтесь, – воскликнул я.

– Масштабы, знаешь, такие, что это уже не Анапа.

– Понимаю, понимаю, Георгий Георгиевич.

– Так что общаться будем больше.

Я тепло его поблагодарил.

На прощание я неожиданно сказал:

– Георгий Георгиевич, простите меня, пожалуйста, наберусь наглости. Могу я вас пригласить в ресторан? Посидим в гостинице, в банкетном зале.

– С удовольствием, я с Ариасом подъеду, – загалдел Челомян.

– Тогда все и увидимся. Отец тоже будет.

Отец был знаком с Челомянном, и в том, что он приедет, не было ничего удивительного.

– Отлично!

– Вечером и увидимся.

Ресторан в Доме композиторов был особым, с таким изобилием, о котором любой другой ресторан мог только мечтать. А вот цены были щадящие. Доступ туда имела в основном элита: народные артисты, композиторы.

Несмотря на название, в Доме композиторов никто не пел. Музыка, оркестры – это было не принято. По крайней мере, в ту пору. Туда подъезжали деловые люди, встречались, отдыхали, к их услугам были шикарные столы и... тишина.

Отец, отдав шляпу и плащ подобострастному гардеробщику, велел сообщить о своем визите директору. Тот подлетел сразу.

– Какие гости! – закричал директор Эдуард Петросян, еще издали увидев отца.

Мы ввалились всей компанией: Челомян, Альбин, отец и я.

– Знакомся, мой сын, – протянул отец, кивая Эдуарду на меня. – Вот, приехали обмывать его назначение. Армавирский мясокомбинат! – Произнес отец с гордостью.

Эдуард вскинул руки:

– Какой молодой! Поздравляю.

Мы тепло поприветствовали друг друга.

Отец благодушно кивал, оглядываясь по сторонам. К нему тут было особенное отношение.

– Говорят, вы сменили шеф-повара?

– Почему? – удивленно спросил директор.

– Люди перестали у вас травиться, – отец засмеялся в голос.

– Вы все шутите, Алексей Наумович, – смутился директор, – а между тем, никогда наши гости не травились.

– Вот мы и проверим, – отец дружелюбно хлопнул директора по плечу.

– Прошу, прошу, – засуетился директор, вежливо улыбаясь, – столик для лучших гостей.

Он лично проводил нашу компанию к месту. Мы расселись за столом: отец, Георгий Георгиевич Челомян, Альбин Антонович Ариас и я.

Отец пребывал в отличном настроении.

– Что будем пить? – спросил он и окликнул официанта. Тот поднес сразу три бутылки на выбор: «Лимонная», «Посольская», «Столичная».

Отец живо глянул на этикетки.

– «Столичная» – это наша.

Он налил всем, встал и необычайно серьезно, с душевным трепетом произнес:

– Сынок, я тебя благословляю.

Альбин Антонович кивнул в ответ и умильно улыбнулся. Все дружно сдвинули стопки. Я чувствовал себя смущенным и польщенным одновременно. Все-таки, когда отец брал бразды правления в свои руки, мне приходилось больше молчать.

Трое вызывавших у меня неподдельное восхищение и уважение людей начали меня поздравлять. Я попробовал остановить смущающий меня поток лестных слов, но Челокян меня по-отечески прервал. Он воззрился на меня своими черными пронзительными глазами, и сказал:

– Не возражайте, молодой человек. Я уже наговорил про вас много хорошего, а когда я сержусь, то говорю еще больше теплых слов. Наливайте же, – крикнул он официанту, – вы же видите, этому несчастному нужно поскорее залить назначение.

Не подозревал я, что Георгий Георгиевич такой компанейский и столь виртуозно и остроумно может вести застольные беседы.

– За ваше назначение, – сказал Челокян. – Теперь вам потребуется железное здоровье, чтобы справиться с той головной болью, что на вас обрушится. Так что выпейте и слушайте.

– Как-то мы недавно сидели... Я советовался с Сильченко Михаилом Кузьмичем, – как бы невзначай подбросил отец.

Челокян тут же подхватил:

– И я с Михал Кузьмичем обсуждал вопрос назначения Игоря. Он отнесся с пониманием. Считает, что это правильный шаг, – Георгий Георгиевич обернулся ко мне, и в глазах его вспыхнул тот самый азартный огонек, который появляется у золотоискателя, обнаружившего драгоценную жилу.

– У вас хорошая традиция, Алексей Наумович, встречаться с хорошими людьми, – вставил Ариас. – Я имею

в виду Михаила Кузьмича. Очень хороший человек, отзывчивый, – и он покачал головой.

Ариас обернулся ко мне.

– Поздравляю тебе с назначением, Игорь. Надеюсь, ты понимаешь, насколько в этот раз все серьезно?

– Георгий Георгиевич, Альбин Антонович, благодарю за оказанное доверие. Я постараюсь.

– А мы в этом не сомневаемся, – подхватил Челокян. – Иначе бы тебя здесь не было. Я просто хотел сверить, так сказать, наши координаты. Что мы оба понимаем меру возложенной на тебя ответственности. Легко не будет, но и без нашей поддержки ты тоже не окажешься. А дальше – все в твоих руках.

Я невольно поддался властному обаянию исходивших от этих гигантов.

Мы слегка захмелели.

Товарищи отца смотрели на меня сквозь легкий прищур, как бы проверяя, насколько их слова ложатся мне на душу.

Ариас с удовольствием жевал сочный ростбиф.

– Ты уже там вник в ситуацию, Игорь? Что думаешь?

У меня перехватило дух. Я охмелел не потому, что выпил, а оттого, что и впрямь достиг заветного чертога власти, и в приступе решимости улыбнулся и произнес:

– Да, вникаю... И понимаю, с чем столкнулся, но ничего неразрешимого я там не вижу.

Собеседники одобрительно покивали. Отец без остановки наливал.

В стопках с белой маслянистой жидкостью отражался золотой отблеск бесчисленных люстр словно огни на посадочной полосе для самолетов.

– Правильный настрой у тебя, Игорь. – Челокян усмехнулся и в глазах его снова появился тот блеск, который говорит о чутье хищника, не упускающего добычу.

– Сколько времени, как думаешь, понадобится, чтобы поднять комбинат?

– Здесь торопиться опасно, – вставил отец.

Челомян поднял руки.

– Согласен. И не прошу торопиться. Тише едешь – дальше будешь. Но руку держать на пульсе придется, чтобы птица без ведома пролететь не могла.

Я кивнул.

Взгляд Челомяна говорил: «Мы в тебя всегда верили».

– А ведь три года назад – да, Игорь? – обратился он ко мне. – Когда это было?

– Два с половиной, – поправил я его.

– Вот именно. Когда ты ко мне первый раз пришел, помнишь? Я увидел перед собой мальчишку, а сейчас?!

Он отечески положил руку мне на плечо. Потом обернулся к отцу.

– Хороший сын у тебя, Алексей Наумович! Правильный. И ты, – он словно погладил меня своим взглядом, – меня понял. Чувствуешь, что нужен совет – звони, не стесняйся, поможем.

Отец принялся рассказывать анекдоты. Гости даже не поняли, как они столько умудрились залить в себя.

Когда пришло время прощаться, задержав мою руку в своей руке, Челомян властно произнес:

– Игорь! Надо идти вперед, надо двигаться. Все нормально.

Мы вышли на свежий воздух. Землю слегка покачивало. Челомян и отец клялись друг другу в вечной дружбе. Поблизости мерцали рубиновые огни на Спасской Башне. Ночная Москва казалась неизмеримо прекрасной.

XXIX

Оставалось последнее – представление первому секретарю Армавирского горкома партии – Слюсареву Николаю Андреевичу.

Все это было четкой, отработанной, но при этом достаточно нервной процедурой. Необычным было только то, что представлять меня приехал сам Анатолий Георгиевич Тарада. Собственно говоря, формальный повод приезда был совершенно другой – выступление на пленуме горкома, но главное, чего хотел Анатолий Георгиевич – это представить меня лично, дать понять, что я – его человек.

Машины подъезжали к зданию горкома, а на лестнице, – гаишники успели сообщить, что крайкомовские машины въехали в город, – встречать дорогого гостя уже собралась вся городская верхушка.

– Анатолий Георгиевич! – Торжественно обратился хозяин здания к вышедшему из машины Тараде.

Он заметно нервничал, встречая столь высокопоставленного гостя.

Тарада возвышался над ним.

– Здравствуй, здравствуй, Николай Андреевич, – заботливо и радушно обнял его Тарада, похлопал по спине. – Держишься? – он рассмеялся. – Крепкий смотрю. Не сломали они тут тебя еще?

– Ну, кто кого сломает? – секретарь горкома грозно рассмеялся. – Прошу к нам...

Слюсарев с Тарадой медленно, сановно, поднимались по лестнице.

– Как город? – интересовался Тарада.

– Нам многое удалось сделать.

Следом, как свита, шествовали мы. Все это напоминало визит короля к герцогу-вассалу. Тарада и Слюсарев разговаривали.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался Тарада.

– Да вот, недавно пустили новый автобусный маршрут, – бодро откликнулся Слюсарев, – все по заявкам горожан.

– Да-а! Забота о жителях – это прежде всего. Нужно, чтобы люди помнили, что мы о них заботимся.

Всю дорогу до кабинета они вполголоса продолжали обсуждать городские проблемы.

В кабинет они вошли вдвоем.

Я и Гречаный остались в приемной.

Слюсарев предложил Тараде стул.

– Что-нибудь с дороги?

Но Тарада махнул рукой: мол, не сейчас.

– Я приехал тебе представить нового директора комбината. В крае он уже сумел проявить себя. Прошел огонь и воду! Анапский комбинат из руин, можно сказать, поднял.

Слюсарев вскинул голову. С интересом посмотрел на Тараду.

– Что ж, спасибо! Кадры решают многое. Отдельная благодарность за то, что присылаете лучших из лучших.

– Я думаю, все остальное потом, – властно заметил Тарада, как бы отменяя другие вопросы.

– Тогда пригласим товарищей? – спросил Слюсарев.

– Конечно, – кивнул Тарада.

Слюсарев нажал на кнопку селектора. Вышколенная помощница тут же попросила пройти нас в кабинет первого секретаря горкома.

Мы вошли. Гречаный пожал Слюсареву руку. Тарада указал на меня Слюсареву:

– Вот этот молодой человек. Ты не смотри, что он так молодо выглядит.

Я смущенно поздоровался. Тарада не скупился на похвалы.

– Во-от, Игорь Алексеевич. Очень успешно ведет дела. Прошу любить и жаловать.

– Здравствуйте, очень рад. – Первый секретарь протянул мне руку, с любопытством разглядывая.

Тарада все продолжал говорить то, что в таких случаях полагалось – точно дирижер, ведущий оркестр к эффектному финалу.

– Ты понимаешь, Николай Андреевич, – Тарада посмотрел ему прямо в глаза, – есть одна проблема. Игорь Алексеевич у нас человек семейный. Жена молодая, грудной ребенок... Не хотелось бы их ставить в тяжелое положение. Вопрос квартиры немаловажный.

– Как же? Какие вопросы? В ближайшее время решим! – добродушно протянул Слюсарев.

Тарада кивнул.

– Вопрос квартиры постарайтесь решить в кратчайшие сроки, – повторил он.

Слюсарев понимающе развел руками.

– Анатолий Георгиевич, не беспокойтесь.

Он тут же набрал чей-то номер и через пару минут в кабинет вошел человек – с живыми, черными глазами, блестящими, как будто внутрь зрачков засунули по пылающему угольку, и стремительными движениями.

– Анатолий Георгиевич, здравствуйте! Рад видеть вас! – поприветствовал вошедший Тараду.

Тот столь же приветливо ответил.

– Слушай, Георгий Константинович, – обратился к вошедшему Слюсарев, – надо помочь товарищу, – он кивнул в мою сторону. – Это наш новый директор мясокомбината – Бабаев Игорь Алексеевич.

Я пожал незнакомцу руку.

Тот коротко представился:

– Троицкий.

– Реши его вопрос квартиры как можно быстрее, – подытожил Слюсарев.

Сразу после знакомства со Слюсаревым Гречаный повез меня на комбинат.

В актовом зале уже собрали главных специалистов.

В первых рядах я увидел Дубровского. Рядом с ним сидел главный инженер Геннадий Аверин, исполнявший обязанности директора.

На трибуну поднялся Гречаный. Серьезно оглядел зал немного косящим взглядом. Поправил очки.

– Товарищи, – начал он глуховатым негромким голосом, – мы считаем, что в этот ответственный период...

Гречаный запнулся. В зале висела мертвая тишина. Все смотрели то на него, то на меня.

– Вы все понимаете значимость происходящих на комбинате перемен. Хочу представить вам Игоря Алексеевича Бабаева.

Я встал.

– Человек достойный, который поведет флагман нашей мясной промышленности, коим является ваш комбинат, вперед. Мы знаем Игоря Алексеевича как мощного лидера, который проявил себя в Анапе. Он сделает все необходимое, чтобы поправить дела на комбинате. Прошу вас всех его любить и жаловать, несмотря на его молодость.

Гречаный по-отечески улыбнулся.

В зале сидели люди возраста моего отца и старше. На их фоне я выглядел юнцом.

Раздались сдержанные аплодисменты.

После представления нас с Гречаным провели в столовую, где уже был накрыт стол, и после обеда он уехал. А я пошел в свой новый кабинет.

Первым делом я попросил собрать среднее звено руководителей и главного инженера с замами:

– Товарищи, делайте, что вы делали. Комбинат должен работать в привычном режиме. Дайте мне время войти в ситуацию. Мне нужно несколько дней.

Люди молча слушали меня.

– Масштабы преобразований на комбинате будут огромные. В этом я вас могу заверить. Проблемы, которые перед нами стоят, согласен, сложные, весь вопрос – как мы их сможем решить. Либо – мы их. Либо они – нас. Понятно?

И я обвел взглядом присутствующих, словно пытаюсь привлечь их в союзники.

XXX

Я безвылазно сидел в кабинете, знакомясь с людьми, материалами. В середине дня в кабинет робко постучала секретарша и сказала, придыхая:

– Извините, Игорь Алексеевич! Вас к телефону. Это из горисполкома. Лично товарищ председатель. Георгий Константинович Троицкий.

Я поднял трубку.

– Слушаю, Георгий Константинович.

– Игорь Алексеевич, выбери время – подъезжай ко мне. Мы с тобой поедem смотреть один дом.

Я хлопнул по лбу.

– Слушай, Георгий Константинович, не поверишь, я тут за всеми делами позабыл об этом совершенно.

Это было действительно так.

Через полчаса я был уже у здания горисполкома.

Мы сели в его машину, поехали.

– Как тебе на новом месте?

– Все нормально. Вникаю.

– Ну, доброе дело. – Троицкий азартно посмотрел на меня.

– Вот здесь останови, – велел он водителю.

Мы притормозили недалеко от центра у современного, только что отстроенного кирпичного дома в девять этажей.

Георгий вышел из машины. Махнул рукой, указывая на объект.

– Поверь мне, это самое лучшее, что у нас есть на сегодняшний день. Лучше нигде не будет.

Я осмотрелся.

Дом как дом. Высокий. Современный. А вот место действительно замечательное. Вдали виднелось голубое блюдце пруда, утопавшее в зелени.

Проследив мой взгляд, Троицкий заметил:

– Я здесь тоже неподалеку живу. Бегаю, когда есть возможность на пруд. Красотища...

Из парка доносился щебет птиц, бледно-голубые облака проплывали над головой. Я пожал плечами.

– Ну, хорошо.

Троицкий усмехнулся.

– Плоха тебе квартира? Три комнаты, поверь – больше дать не можем, у тебя всего один ребенок. Дом специалистов, горячая вода, лифт, красота какая, смотри, даже лепниной украшен. Все о таком только мечтают, а ты как-то без энтузиазма. Капризничаешь, товарищ Бабаев?

– Нет.

– А что тогда?

– Да основное время я буду пропадать на комбинате, поверь.

– Так ведь там уж и совсем покою не будет.

– Если дело хорошо поставлено, то покой именно там и будет. Впрочем, если все так замечательно, как ты говоришь – давай ключи.

Я поднялся наверх.

Квартира находилась на третьем этаже. Небольшой коридорчик тянулся от двери. Налево шли спальни и кухня, дальше коридор упирался в гостиную. По сравнению с Анапой это были хоромы.

Я был рад, что проблема решена.

Квартира представляла собой просто коробку. Надо было срочно делать ремонт, обставить все мебелью.

Каждое утро я просыпался и проделывал один и тот же путь от гостиницы до комбината.

Со всех сторон он был огорожен красной кирпичной стеной. Неподалеку от КПП находилась автобусная остановка с ларьком. Прямо у ворот – ветхий двухэтажный административный корпус, где располагался и мой кабинет.

Я приезжал на комбинат раньше всех. Люди еще только подтягивались. Кабинет располагался на втором этаже ветхого здания, где сидела бухгалтерия и другие отделы. С ними мне предстояло либо начать войну, либо сговориться работать по-новому.

Я вызвал главного инженера.

– Здравствуйте, Игорь Алексеевич, – поприветствовал он меня. – Как настроение?

Голос у него был металлический, сильный. Похоже, принимая во внимание мою молодость, он не собирался выпускать инициативу из своих рук.

– Спасибо. Хочу побыстрее во все вникнуть.

Я вспомнил, как Бурлак рассказывал мне про надежды Гречаного на главного инженера предприятия – этого абаканца Аверина. Я преследовал только одну цель: разобраться в нем как в специалисте: могу ли я оставить его главным инженером или нет? Руководил он комбинатом до меня всего три месяца, но мнения о нем сложились противоречивые.

Я начал обходить цеха комбината. Вникал, пытался понять подводные течения.

Ситуация выглядела довольно плачевно.

Кабинет, где проходили планерки, представлял собой типовое помещение: желтые обшарпанные столы были, как водится, составлены буквой «Т». Прямо передо мной стояли телефон и селектор – для связи с Краснодаром.

Я обратил внимание на двоих.

Слева от меня сидел худощавый крепкий мужик – Жуков Вячеслав Михайлович – заместитель главного инженера. Он чуть приподнялся, когда я вошел, и посмотрел мне в глаза с любопытством. Вид этого человека внушал уважение.

Прямо напротив него сидел слегка запыхавшийся Виктор Ефимович Тимофеев, начальник техотдела. Это был довольно высокий мужчина лет сорока в поношенном пиджаке, который на нем болтался, порывистый от природы, но, по всей видимости, привыкший себя сдерживать.

– Добрый день! – поздоровался он со мной любезно.

Мое внимание также привлекла и единственная женщина в составе директоров, в ее ушах болтались огромные бриллиантовые серьги. Она подчеркнуто выждала, пока я первым усядусь, после чего села на свой стул так, что тот затрещал.

– Давайте начнем. Геннадий Петрович, ведите совещание, – обратился я к абаканцу.

Бывший «ио» с грохотом отодвинул стул. Лицо его отливало красноватым оттенком. Глядя на него первый раз можно было подумать, что он властный и сильный. У него была твердая, четкая походка. Говорил он быстро и резко, в приказной манере, всегда многословно, зачастую взаимоисключающие вещи. Начальники цехов один за другим начали докладывать:

– Хорошо. Садитесь, – грубо и властно прервал абаканец очередного рапортующего. – Следующий. Докладывайте.

– Минутку, – прервал я Аверина, вставая, – я вас слушаю и что-то не понимаю. Если вам не нравится правда, так и скажите, но только себе врать не надо. Я вам не затыкаю рот, но я просто начинаю не понимать. То, что вы говорите, напоминает формальный отчет. Я не вижу реального положения дел, который видел, когда обходил цеха.

В моем голосе зазвенела сталь.

– Я сюда пришел не нравиться, – отчеканил я. – Может, мне начать привыкать к версии, что у вас все хорошо и плохо только снаружи, а в невыполнении плана виноваты крайком, райком, кто угодно, только не мы?!

Мой язвительный тон, призванный протащить меня сквозь все грядущие испытания, отнюдь не был мне присущ. Имелся еще десяток других голосов (от спокойного и одобрительного до крика), которыми я предпочитал пользоваться, чтобы заставить людей работать.

Молчание было ответом. Кто-то затих, опустил глаза долу, кто-то начал смотреть в окно, будто там маячили красотки. А кто-то начинал не любить мой голос.

– Обещаю вам, – закончил я, – я вникну в сложившуюся систему управления и сломаю ее.

Главный инженер покраснел, как рак.

– Ну, не так все и плохо. Даже товарищ Гречаный это признает.

В его речи послышался сигнал всем остальным: «Чего вы испугались, давайте противостоять этому юнцу».

– И славу Богу, что признает, – отрезал я таким тоном, что все вздрогнули.

Совещание продолжилось.

Одно из важных звеньев комбината – колбасный завод.

Изнутри он представлял собой конгломерат огромных, словно аэродромы, цехов, сплошь заставленных автоматами, у которых трудились люди. Здесь делали колбасы – святая святых эпохи дефицита. Сырокопченая колбаса нашего завода была настоящей валютой, более дефицитной, чем черная икра.

Я обходил предприятие, за мной шла группа управленцев – Тимофеев, Жуков, Аверин и директорша колбасного завода по фамилии Байда. Немолодая женщина с яркой косметикой, огромными толстыми алыми губами, в вычурном платье, которое больше подошло бы к вечернему мероприятию. В цехах трудились уставшие люди в засаленных костюмах, с потухшими взглядами. Контраст между ней и ее работниками был разительный.

Копоть на стенах, жир... Я чуть не поскользнулся на полу.

Остановился. Обернулся к директору.

– В каком виде ваши цеха? – спросил я недоуменно.

– В рабочем.

Она просверлила меня взглядом, словно говоря «Меня так просто не сломать».

На меня это подействовало как красная тряпка на быка.

– Наведите санитарный порядок, – поморщившись,скомандовал я. – Двери грязные, все в копоти, на полу – жир. Наведите порядок! – повторил я с яростью. – Дома, поди, у вас такого на стенах нет? Что это такое?!

Директор слушала с видом оскорбленной невинности. Я смотрел то на нее, то на ее работников. Потом не выдержал.

– Анна Федоровна, разрешите узнать, вы сегодня вечером в театр или филармонию собрались?

– Здравьете, – растерялась Байда, – Игорь Алексеевич, в какой театр? Я на работу пришла.

– А одеты вы как для театра.

Ее лицо приобрело странное выражение, словно разделилось надвое – одно зрелой, властной женщины, другое – неуверенной маленькой девочки, которую застигли за чем-то недозволенным. «Отстаньте!», – говорил ее взгляд, но вслух она произнесла, пытаясь кокетничать.

– А что такого неприличного в том, как я выгляжу?

Я огляделся. Окрест стояли люди и незаметно наблюдали за нами. Глядя на нее я почувствовал, как меня вдруг охватывает ярость.

– С совестью у вас не так.

Она бросила на меня хищный взгляд, словно парируя мой, который говорил, что она способна за себя постоять. Я смотрел на нее в упор, не мигая, гася в ней последние очаги всякого сопротивления. Она покачала головой и просительно произнесла:

– С чем?

– С совестью.

– Вы так шутите? – Голос Байды как будто был соткан из десятка колющих булавок. Этот разговор в присутствии подчиненных был ей неприятен. Чувственный рот вдруг изогнулся, словно готовый вымалывать прощение, и не только словами. Я отвернулся, не желая ничего отвечать, но в ее взгляде промелькнуло что-то провоцирующее... И я не выдержал.

– Байда, сколько вы получаете?

Она начала нервно покусывать губы.

– Согласно ведомости.

– Да знаю я все про эту ведомость... Глядя на вас, я все время думаю, это какую же зарплату вы должны получать, чтобы носить на себе столько «булыжников»?

Лицо дамы вспыхнуло, щеки стали цвета кумача.

– Вас это не касается, Игорь Алексеевич. Их стоймость – это любовь моего мужа.

– Вы же не замужем.

– У меня есть близкий человек. Я ни копейки не беру. Вы намекаете, что я... – директорша не договорила, заплакалась.

Но ее зрочки продолжали оставаться сухими и жадными. В них сквозил голод, голод одинокой женщины, и еще что-то недозволенное, что она готова была разделить со мной, доведись ей только получить мое доверие. Ее глаза стали круглыми, как два кружка сырокопченой колбасы – основы ее могущества. На них навернулись слезы. Она открыла рот и ничего не смогла ответить.

– Значит так, чтобы завтра здесь все было чисто. Я приду и проверю. Все! Идите и успокойтесь.

Она с трудом кивнула и пошла к себе в кабинет, хватаясь за грудь, словно готова была упасть в обморок.

Я, обернувшись к Тимофееву, заметил:

– Нет, ты посмотри, ну что за чучело?! Люди же на нее смотрят.

Тимофеев услужливо рассмеялся.

Вечером я слушал ставший уже традиционным отчет на плацу. Какие-то нереальные сроки, планы, миллион указаний от Аверина как следует исправлять те или иные недочеты.

Чтобы выполнить хотя бы половину, и года не хватит. Понимаю, что творится что-то неправильное.

Я один раз поправляю Аверина, другой.

Он меня не слушает, перебивает, гнет свою линию.

– Вы можете конкретно общаться с подчиненными и ставить перед ними выполнимые задания? – вдруг громко перебил я Геннадия.

– Что такое, Игорь Алексеевич? – оторопел тот.

– Этот парад в отчетах никому не нужен, – отрезал я жестко.

Аверин нахмурился.

– Подождите, Игорь Алексеевич, я не закончил.

Тут я не выдержал.

– Геннадий, давай закончим эту ерунду. Ты прекращаешь вести планерки. Мне эта ахинея надоела. Жду всех завтра в то же время, планерку буду вести я.

Лица участников совещания вытянулись.

Я отпустил всех, кроме Аверина.

– Гена, ты меня извини, я с одним только замечанием, – начал я мягко, но за этой мягкостью чувствовался холод стали. – Еще раз я почувствую запах перегара – тебя больше здесь не будет.

Лицо главного инженера налилось кровью, и пальцы сжались в кулаки.

– Все, свободен.

На следующий день я с утра пошел на колбасный завод.

Нас встречала Байда.

Она была в каких-то серых колготках и в таком же невзрачном платье. Ни в ушах, ни на шее не было никаких украшений – сама скромность.

Я оторопел.

– Байда... Что с вами случилось? Пожар? Все сгорело?

– Нет, Игорь Алексеевич, – ответила она тихо. Вы же сами сказали, что я как-то не так одета, вот я... – Она не договорила, предоставив всем самим решать, что она умела в виду. Ее преображение поражало, словно клоунский костюм на похоронах. У меня появилось желание подойти к ней и потрясти, чтобы вытрясти из нее всю дурь.

– Я все понимаю, – ответил я, – но не надо впадать в крайности.

Честно говоря, я перестал ее понимать. Она даже всю косметику стерла и сразу стала выглядеть старше себя вчерашней лет на десять. Я не сдержался.

– Приведите себя в порядок. Тут производство, а не Дом союзов. Здесь не нужны ни шикарные платья, ни лох-

мотя... Вы же руководитель. Должны выглядеть достойно.

В глазах Байды сверкнула ненависть.

Мы смотрели друг на друга, словно два лезвия. Мое было более опасным. Но между нами было и еще что-то, в чем я нуждался. Я ждал, что она мне ответит. Но она промолчала. И тут я почувствовал, как она снова испугалась.

– Я все поняла, – сказала она тихо.

Мне казалось, что в этот момент я понял самую суть отношений между людьми.

– Я прошу вас правильно понять одну вещь: в жизни комбината происходят крупные, – я сделал ударение – очень крупные перемены. На сегодняшний день процесс этих перемен только-только запущен. Если кто-то думает, что он сможет спустить этот процесс на тормозах, что может вести хозяйство по-старому, мол, со мной можно будет договориться, то он сильно ошибается. У каждого есть право себя реализовать. Кто не справится – свободен. Кто со мной – милости просим.

Я закончил.

Воцарилась тишина.

– Мы вас услышали, Игорь Алексеевич, – откликнулся Тимофеев и подобострастно заглянул мне в глаза.

Я уже заметил, что он частенько мне поддакивает.

– Вы правильно делаете, что ставите вопрос жестко, – продолжил он. – Чем жестче, тем лучше будут у нас мозги крутиться!..

Мы пошли дальше.

В цехах колбасного завода сутились рабочие, мыли, драили – наводили порядок.

Вскоре я понял, в чем была одна из главных бед комбината – каждый из руководителей был самостоятельным хозяином. Каждый делал все, что хотел. С этим пора было заканчивать.

XXXI

В кабинете раздался звонок... На другом конце провода я услышал голос Славы:

– Привет, Игорь! Как дела?

– Ты сам знаешь, пашем, – усмехнулся я.

– У меня к тебе есть вопросы, хотел подъехать, да и твой гигант посмотреть интересно.

– Давай, Слава, сообщи, как подъедешь.

Мы тепло встретились, и я тут же повел его осматривать комбинат.

Мне было интересно увидеть его реакцию.

Я проводил Славу на консервный завод, потом – на колбасный... Количество работающих людей, цеха, сверкающие, гудящие автоматы, выстроившиеся в ряд, с суеотящимися вокруг людьми...

По Славиным глазам я видел – он до конца не представлял, что увидит такие масштабы.

Сразу после обхода устроились спокойно в банкетном зале. Уровень сервиса, декор зала – Слава смотрел и не верил своим глазам.

– Здорово, что ты вырвался сюда, – начал я, когда мы остались одни.

Он кивнул, оглядывая банкетный зал. Поцокал языком.

– До этого еще руки не дошли, – кивнул я на стены. – Будет еще лучше.

– Ты вроде как совсем тут освоился?

Он с любопытством посмотрел на меня.

– Знаешь, – сказал я, – в общем и целом ты недалеко от истины. Идет все неплохо. Но давай про дела потом, – потребовал я, заметив, что Слава косится на тарелки.

– Харчат у тебя прилично.

Я рассмеялся. Мне было приятно чувствовать внимание брата и его подспудное уважение.

Иногда мы не звонили друг другу по нескольку дней, а то и недель. Но никогда не утрачивали чувство братской заботы друг о друге.

– Положи-ка что-нибудь на хлебушек. – Я захохотал, намазывая на хлеб паштет.

– Что ж, Игорь, мои поздравления. Если уж отдавать себя, то, конечно, только такому предприятию. Твой Армавир – это размах Высшей лиги. Точно не Анапа.

– Да уж, не Анапа, – эхом откликнулся я.

– Да, кажись, я проголодался пока до тебя доехал! – засмеялся он.

– Тогда за твой приезд, – поднял я рюмку. – Ты такой молодчина, что ко мне вырвался.

– Да это ты молодец, что здесь оказался. Думаешь, не понимаю?

На душе у него было, во всяком случае мне так казалось, спокойно, он решительно всем был сейчас доволен, и от каждого его жеста веяло какой-то уверенностью.

– Как у тебя дела на комбинате, говори как есть! Дико интересно узнать, что происходит на самом деле!

Я пожал плечами, мол, ничего серьезного, но подумать над этим стоит.

– Есть определенные кадровые разборки. Наследие, – улыбнулся я. – Кто-то чувствует себя царьком, думает, может творить, что и прежде. Вот это надо поломать. Сам понимаешь, кому понравится, если они привыкли к вольнице. Идет борьба. Но это – нормально.

Слава внимательно на меня смотрел, будто впервые видел меня таким. Взгляд его был уважительным.

– Если у тебя есть рычаги влияния на людей, победа будет за тобой, – добавил он.

У него была манера упорно смотреть вам в лицо, словно он нашел наконец-то на белом свете родственную ему душу.

И голос. Иногда его голос напоминал отцовский, которым тот умел выворачивать душу.

– Знаешь, по-тихому левачат. Это надо пресечь. А разухи хватает. Завтра здесь все может рухнуть только потому, что оборудование старое.

– Это понятно, ты учти другое – опасности, которые перед тобой могут возникнуть, – поцокав языком, пробасил Слава.

– Какие?

– Ради бога, прежде всего осторожность. Помни отца. Я по своему комбинату знаю. Сейчас ты новичок, приходишь в слаженный коллектив, а там – определенные отношения. Не пори горячку. Аккуратненько разберись. Да, есть желание помахать шашкой. Но сначала расставь всех по местам. Чтобы административное управление стало мощное, с твоей стороны. Не торопись, вникни. А потом уж разберешься со всеми, кто тебе мешает работать.

Я лукаво взглянул на него:

– Ты знаешь, я хочу Цымбала сюда перетащить. Он ведь институт заканчивает.

Слава рассмеялся.

– Я так и думал, что без папы Миши здесь не обойдется. Звонил Сереге?

– Нет, пока только Мише. Без своей команды ничего не сделать. В людях надо пробудить мотивацию, чтобы они начали давать отдачу. Или – заменить.

– Бунтовать могут, – заметил Слава. – По себе знаю.

– И я знаю. – Я вскочил из-за стола и начал ходить перед Славой. – Тут не Анапа, а громадный гигантище. Прикинь, сколько ему не уделялось должного внимания на протяжении многих лет. Тут не латать, а переделывать все надо, причем кардинально. Да, да! С таким «наследием» рано или поздно точно что-то сбоку вылезет, – добавил я. – Знать бы где, подстелил бы соломку.

Наверное, в этот момент мое лицо действительно выражало всю вселенскую тоску и боль еврейского переселения.

Слава понял мои сомнения. Нет ничего ужаснее, чем оказаться в ситуации, когда ты не справился с возложенной задачей, хотя у тебя и были все шансы на победу.

– Так ты определил свои первые шаги? – с интересом спросил Слава.

– В общих чертах. Нужны свои люди. Довериться только старикам, которые начинали при Дубровском, полностью не могу! Ты сам понимаешь, их уже не переделывать. Можно переделать тридцатилетнего, а у меня тут аксакалы. Им всем пятьдесят – шестьдесят.

– Правильно. – Слава кивнул головой. Затем улыбнулся. – Знаешь, на кого ты сейчас похож? На отца.

Я рассмеялся. Конечно, Слава имел в виду нечто более глубокое, чем просто желание крепко стоять на ногах в минуту опасности, нечто более тонкое, что даже не нуждалось в словесном выражении. Пожалуй, это было что-то вроде основы, которую выкристаллизовал мой собственный опыт. Мой нюх на опасность.

– Буду наказывать и поощрять, – вдруг сказал я, и в голосе моем зазвучал металл. – Буду требовать, требовать и требовать...

– Только голову не теряй, – Слава опрокинул рюмку.

– Нет, я позволю остаться только тем, кто будет согласен со мной.

Слава поморщился.

– Единомышленников – мало, подхалимов – больше. Не перепутай. Одних от других отличить очень сложно.

Теперь я поморщился. Махнул рукой.

– Тех, кто может работать профессионально – единицы.

– Вот и уразумей, что они должны начать с тобой бороться.

– Как?

– Способов много! – серьезно произнес Слава, глядя мне прямо в глаза. – Я думаю, ты все скоро испытаешь на своей шкуре. Если, как ты говоришь, каждый работает на себя, то с каждым надо разбираться отдельно. Даже с твоей бриллиантовой дамой.

Я рассказал ему про первые собрания и про свои разногласия с главным инженером Геннадием Авериным.

– Что он собирается кому доказывать? – удивился Слава.

– Да тут понятно. Ему за сорок, а мне двадцать восемь. И разница в возрасте – как иголка в одном месте. Что он не может принять? Что я им команду?

– Да не, Игорь. Полная чушь. Все решают энергия и мозги, а не возраст, – возразил Слава.

– В том-то и дело, – воскликнул я. – Но, знаешь, я никого не хочу увольнять. Я им просто говорю – прекратите втирать мне очки, начните работать.

– Прямо как отец! – Слава снова восхищенно посмотрел на меня. – Помнишь его правило? Дай человеку возможность, надели его ответственностью, и он вырастет.

– Я им всем это даю! – воскликнул я.

– Не все хотят вырастать, – философски заметил Слава. – А этот твой бывший «ио»? Может, он просто идиот?

– Черта с два. Я раз дал ему по мозгам, два... Он скушал. Я думал, что он очухается, начнет работать. Мне нужен не стахановец, а грамотный главный инженер. Не могу его понять. Вроде иногда кажется вполне толковым. Не знаю, надолго ли.

– На то ты и директор, – заметил Слава. – Тебе и карты в руки.

– Да я знаю, что я директор. Надо только, чтобы когда я начинаю говорить, все остальные брали под козырек.

Слава рассмеялся...

– Слушай, Игорь, у меня тут мужик на комбинате работал, Павленко. Очень толковый работник. Развелся с женой. Есть семейные проблемы. Хочет уехать из Анапы. Толковый работник, поверь мне. Я с ним не раз решал вопросы.

– Ты что предлагаешь? Мне нужен начальник отдела сбыта.

– Лучшей кандидатуры не найдешь, поверь мне. Тебе нужны кадры, возьми его, посмотри. А там сам решишь.

– Ну, хорошо. Пусть звонит.

Слава благодарно кивнул.

– Да что мы все обо мне и обо мне. Хватит. Расскажи, как у тебя? – перешел я на другую тему. – Что на личном фронте. Ты по-прежнему с Зоей?

Слава нахмурился.

– Дай поесть. Не хочу портить аппетит.

Он с наслаждением, как настоящий гурман, отдавал должное кулинарным талантам моих поварих, как бы лаская взором те процессы, которые происходили внутри его организма. Затем хитро посмотрел на меня.

– Каждому, как говорится, пока что не по потребностям. Ничего не поделаешь. Залечиваю раны...

– Ты Зою имеешь в виду? – напрягаясь и готовя себя к тому, что сейчас могу услышать, спросил я.

– Понимаешь, – Слава задумался, подыскивая правильные слова, – Зоя – это прошлое. Она девка хорошая, но... Я тебе рассказывать не буду, не надо тебе все это знать, просто имей в виду – с Зоей можно либо на один час, либо на всю жизнь. На промежуточные варианты она плохо реагирует. Как вот, например, со мной... Так что я – без нее. Да и отец давит: женись, женись... Я и сам думаю, надо что-то делать. – Слава вздохнул. – Жениться! В общем, Зоя – прощай! Но где та, которая, как твоя Лиди? Нет ее, да... – Слава горестно махнул рукой... – Твои то как дела дома? Как Сережа?

– Ох, растет! Командует в доме всеми: начиная от мамы, заканчивая Ильей Владимировичем, когда тот появляется.

– Прямо как ты, – рассмеялся Слава... – А Лиди?

– Строит планы... Сына воспитывает. Слава Богу, все нормально.

– Меня хлебом не корми – дай повспоминать, как отец нас воспитывал, – усмехнулся Слава.

– Ну, пороли тебя меньше, чем Гену, – заметил я.

Мы еще долго сидели, болтали, смеялись, вспоминая прошлое, пока Слава не заспешил «до дому, до хаты», как он выразился.

Я проводил его до машины, тепло обнял на прощание и когда машина скрылась из виду, с невероятной теплотой подумал о том, как же я счастлив, имея такого брата.

Он уезжал довольный. Я распорядился, чтобы ему загрузили нашей продукции: сырокопченой колбасы, паштетов, прочих деликатесов, производящихся на моем комбинате – мне хотелось передать Славе частицу тепла,

которое я к нему всегда испытывал. А его поддержка была мне очень важна.

Вскоре меня пригласил к себе первый секретарь нашего горкома Слюсарев:

– Игорь, есть предложение выдвинуть тебя в депутаты. Все как-то было недосуг, но должность директора такого комбината подразумевает, что ты должен быть и депутатом горисполкома.

Честно говоря, я ожидал нечто подобное, но чтобы так быстро.

– Если вы считаете, что я достоин...

– О чем ты говоришь, Игорь Алексеевич, – махнул рукой Слюсарев. – Предыдущий директор у нас был депутатом – значит, и ты будешь. Нам нужны толковые, неравнодушные люди, а ты, судя по тому, что я знаю, человек равнодушный.

– В этом меня упрекнуть сложно, – рассмеялся я.

– Вот и договорились, – он пожал мне руку, и мы поспешили по делам.

Меня выдвинули и выбрали депутатом.

Наступило первое депутатское собрание. Один из секретарей депутатского корпуса перед открытием сессии доложил о составе кворума:

– Товарищи, на заседании сессии присутствуют сто двадцать человек из числа депутатов. – Он помолчал, оглядывая строгим взглядом зал. – Среди них: пятьдесят семь русских. – В зале раздался одобрителный ропот. – Украинцев – двадцать пять, белорусов – пятнадцать, казахов – трое, еврей – один.

Я вполуха слышал перечисление, но на слове один «еврей» вздрогнул. По залу прокатился шумок, и десятки голов стали оглядываться по сторонам, интуитивно выискивая, где же он.

Докладчик продолжал:

– Кворум подтвержден, разрешите открыть заседание.

«Вот она, обратная сторона успеха, – думал я. Всем любопытно – да кто же он такой – это единственный еврей!»

Не скажу, что я был всегда счастлив в этот миг.

Как будто что-то унижительное, неправильное про-
скальзывало в самом слове «еврей», когда это произноси-
лось с трибуны депутатского съезда.

XXXII

На часах еще не было восьми утра, а мне уже звонил директор консервного завода, докладывая обстановку. Потом звонил директор колбасного. Я выслушивал доклады, давал «цэу», поощряя или, наоборот, подстегивая собеседника.

Из селектора раздался голос секретаря.

– Павленко из Тихорецка...

– Пусть войдет.

В кабинет вошел молодой человек. Хорошее лицо, располагающая улыбка.

– Давай, садись.

Я с интересом посмотрел на него. Парень немного смущался. Может быть, в самом деле – толковый? Такие на дороге не валяются. Русая, непослушная прядь волос постоянно падала ему на лоб, и он энергично откидывал ее назад, со смущенной улыбкой. От него веяло теплой энергией.

Я не спеша уселся напротив. Хотелось, чтобы он раскрылся, стал самим собой.

– Можешь немного рассказать о себе?

Он серьезно откашлялся, словно говоря: «Секретов никаких нет».

– Да чего говорить? И сказать-то особо нечего. По работе у меня нареканий не было. А вот... в личной жизни... Он смущенно улыбнулся. – С женой развелся. Знаете... – он замялся. – Женщины – они злопамятные.

– Что, кого-то встретил?

– Да. И я, и она – мы оба из Тихорецка. Прежняя жена проходу не дает. Мы решили, что нам лучше уехать из города. Если у вас получится осесть – это лучший вариант.

– Ну понял, понял... – перебил я его. – В общем, смотри, что я тебе смогу предложить. Мне надо наладить тут все. Продукция есть, а у нас реконструкция, материал – дефицит, а все нужно прямо сейчас, механизм не отлажен. Сможешь мне это дело поднять? Как тебе задача?

Он замялся.

– Я готов попробовать. А там сами решайте.

– Ну, тогда по рукам. Начни со снабжения. А там посмотрим.

Он кивнул.

– У меня хорошие связи в Ростове.

В Ростове тогда была центральная база по Северному Кавказу, откуда поставляли все необходимое по комбинатам.

– Я готов эти вопросы закрыть, – продолжил он спокойно, – тем более у меня с Вячеславом Алексеевичем тоже на комбинате реконструкция была. Всех успел узнать, со всеми вытекающими.

Он посмотрел на меня. Мол, можете не сомневаться. Я испытующе посмотрел на него.

– Ну что же, тогда договорились. Можешь приступать.

Все, что было нужно – кирпич, лес, кафельная плитка – он с легкостью волшебника доставал точно в срок, и я в итоге благословил его на должность начальника отдела снабжения.

Неуправляемые процессы на таком огромном предприятии многим были на руку. Люди привыкли чувствовать себя вольготно, считая себя самостоятельными лидерами. Такое ведение дела пожирало само себя.

Наверное, со стороны было интересно наблюдать, как я целенаправленно пробиваю стену недоверия между собой и сердцевинкой прежней администрации комбината, при этом налаживая тотальный контроль за всем и вся.

Этот контроль был нужен мне, чтобы перестать зависеть от чьих-то ненужных советов и рекомендаций, пропитанных запахом табачного дыма, валокордина и коньяка, чтобы не слышать истошных воплей главного инженера Аверина, настаивающего на том, что он и только он здесь все знает, признающего свою и только свою точку зрения, чтобы не испытывать странного ощущения неприемлемости для себя старой системы отношений, сложившейся здесь.

Постепенно стена, невольно возникающая между мной как новичком и старой командой, стала таять. На ее месте возникло что-то новое, чему я не мог подыскать четкого определения.

Когда пару недель назад я говорил отцу, что на комбинате все непросто, я в полной мере не отдавал себе отчета в том, что означают эти слова. Теперь же, оказавшись в кресле директора, смог наконец-то свести воедино тревожащие меня факты.

Самое простое было бы сказать, что все дело в моем главном инженере. Он действительно сильно изменился с момента моего прихода – стал более нервным, резким,

в голосе его то и дело проскакивали истерически нервные командные нотки. Он мог позволить прервать меня во время совещания и наорать при мне на моих же подчиненных, не слушая никаких, даже самых осмысленных, их возражений и оправданий. Если потом оказывалось, что он был неправ, Геннадий мог извиниться хитрой смущенной скороговоркой, хватая обиженного за рукав и не глядя ему в глаза. Но все это, с учетом колоссального груза ответственности, давящего на меня, и, безусловно признаваемого за мной лидерства, было недостаточно, чтобы я чувствовал себя с ним в одной лодке и мог на него положиться.

...Шла летучка, в очередной раз обсуждались какие-то авралы, я то и дело распекал нерадивых.

Неожиданно главный инженер меня прервал.

– Игорь Алексеевич, ну хватит. Надо это сделать по-другому...

Он вскочил со своего стула и начал что-то запальчиво говорить, искажая смысл моих распоряжений.

– А ну-ка, сядь на место, – неожиданно тихо сказал я. Аверин оторопел.

– Я спрашиваю, кто тебе дал право меня перебивать?

Все замерли. В кабинете повисла нехорошая тишина. Жуков насупился, а Тимофеев обеспокоенно начал ерзать на месте, словно оно под ним загорелось.

– Значит так, если я еще раз увижу, что вы приходите на работу выпивши – мы расстанемся, – ударил я рукой по столу.

– Я?! Вы что такое говорите? – Лицо главного инженера стало пунцовым, как будто кто-то вымазал его свекольным соком.

Я совершенно спокойно продолжил:

– Я говорю, что вы выпили и в таком виде позволили себе явиться на совещание.

Пальцы Геннадия Петровича сжались в кулаки. Я на секунду подумал, что абаканец сейчас убьет меня.

– А вы можете доказать, что я пил?

– Я это сделаю!

На лице главного инженера промелькнула тень смещения.

– Вон отсюда! – закричал я, вскакивая. – Вон. И пока не протрезвеете, не приходите.

Он открыл рот, чтобы что-то возразить, потом махнул рукой и, оставляя за собой почти видимый след гнева, боли и рвущейся из него через край ярости, выскочил из кабинета, с треском хлопнув дверью.

Я внимательно посмотрел на лица своих подчиненных. На них читалось какое-то странное выражение, будто произошло нечто невероятное, противоречащее законам природы: Давид на их глазах одолел Голиафа.

– Довожу до вашего сведения: с сегодняшнего дня Аверина в нашем коллективе нет, – хлопнул я рукой по столу.

Все сидели с окаменевшими лицами, точно после пожара. Только Жуков мямли физиономию всей пятерней.

– Кто хочет работать, – начал я хриплым голосом, – вперед. Кто не хочет – никого не держу. Кто будет палки в колеса вставлять, с теми мы попрощаемся. Чтобы все это уяснили, понятно? – Голос мой взвился. – Совещание окончено.

Все, не глядя друг на друга, молча поднялись и вышли.

Бой с Авериним точно влил в меня струю адреналина. Я почувствовал странное состояние, как будто победа над главным инженером доставила мне наслаждение.

Я нажал кнопку селектора и велел немедленно вызвать его ко мне.

Секретарша испуганно пропищала:

– Хорошо, Игорь Алексеевич.

Аверин явился почти сразу, будто ждал продолжения разговора, с военной четкостью уселся напротив меня.

Наши взгляды встретились. Его взгляд был суров и жесток и разьедал мне глаза, как соль.

– Вызывали? – спросил он.

Выглядел он по-прежнему растерянно, хотя сжатые кулаки и взгляд из-под лба говорили о том, что он настроен решительно.

– Геннадий Петрович, если ты не напишешь сейчас заявление об уходе, – начал я очень тихо, – я тебя уволю по статье, оформив все по закону.

Он промолчал. Но мне не понравился его взгляд. Это был взгляд сумасшедшего.

– Я тебе даю шанс уволиться по собственному желанию, – как можно спокойнее повторил я.

В его глазах запылал огонь.

– Я этого так не оставлю, – прорычал он, вскакивая со стула. – Не вы меня назначали, и не вам меня увольнять.

Я с улыбкой произнес:

– Да-да-да. Прими то, что я сказал. А сейчас покинь кабинет, – яростная энергия отца как вихрь обдала меня гневом и яростью. – У вас есть короткое время, чтобы меня проинформировать о своем решении.

Абаканец выскочил из кабинета.

В голове у меня все гудело. Я резко встал из-за стола, прошелся из угла в угол.

Не прошло и минуты, как раздался телефонный звонок.

– Гречаный, – одними губами доложила секретарша.

Я взял трубку.

– Добрый день, Алексей Петрович!

– Ты чего там кипятишься? – сходу налетел он на меня.

Я помолчал. Значит, Аверин успел пожаловаться.

– Я поставил вопрос о соответствии нашего главного инженера занимаемой должности.

– Почему? – Голос Гречаного был холоден и натянут, словно стальная струна.

– Я не хотел выносить сор из избы, но, по-моему, человек сорвался.

– В каком смысле?

– Позволил себе нетрезвым прийти на работу. И это уже система. Попросту говоря, мужик пьет по-черному, закрывается у себя в кабинете и начинает квасить. Мое желание решить дело миром ни к чему не привело. Человек стал неуправляем.

– Он мне сообщил другую информацию, Игорь Алексеевич, – с каким-то иезуитским спокойствием ответил Гречаный.

– Я это понял, – спокойно ответил я.

– Мне кажется, вы торопитесь, Игорь Алексеевич, – продолжал Гречаный еще холоднее. – Не посоветовавшись, вот так сразу, рубить сплеча, я бы не стал.

– Алексей Петрович, я вам честно скажу, когда вместо главного инженера у вас спившийся барин – это уже черт знает что. Сам работать не может и другим не дает, – я вдруг рассмеялся и это странным образом действовало на Гречаного.

– Продолжайте, Игорь Алексеевич, – уже теплее отозвался он.

– Это не мой каприз. И тем более не моя прихоть. Это мнение, если хотите, всего коллектива. Я прошу вас, посоветуйте ему написать заявление по собственному желанию и расстанемся по-хорошему.

Гречаный на другом конце трубки взял паузу. Я набрал побольше воздуха и еще напористой произнес.

– Я директор. У меня должно быть мое право.

– Ладно, я вас понял. – В голосе Гречаного снова зазвучала сталь.

Я услышал как он стучит карандашом по столешнице. Наконец, он вздохнул.

– Игорь, увольнение сотрудника по статье с предприятия тебе не нужно, поверь моему опыту.

Я почти физически ощущал, как он пытается принять единственно правильное решение.

– Я знаю, что он пьет. Может, ты и прав. Но, прояви мудрость. Постарайся дело решить миром.

Гречаный положил трубку.

Несколько секунд я сидел молча, соображая, что делать, потом решительно вскочил и пошел в кабинет главного инженера.

– Я знаю, что ты говорил с Гречаным, Геннадий Петрович, – начал я, едва переступил порог его кабинета. – Уверю тебя, никакой реакции с его стороны не будет.

Он затравленно посмотрел на меня.

– Но мне не хочется портить твою трудовую книжку. Поэтому, мой тебе добрый совет. Немедленно, – я стукнул кулаком по столу, – ты пишешь заявление об уходе. И тогда обещаю, все закончится миром.

Он трезвел прямо на глазах.

Я в упор смотрел на него, словно давя.

Вдруг он, ничего не говоря, молча подвинул к себе листок бумаги и взял в руки ручку. Я так же молча встал и пошел к двери.

– Прощайте, – услышал я за своей спиной.

Я ничего не ответил.

Вернулся в свой кабинет и продиктовал секретарше приказ о назначении Тимофеева исполняющим обязанности главного инженера комбината.

Весть о том, что Аверин неожиданно уволился по собственному желанию, со скоростью молнии облетела весь комбинат. Люди шушукались. Я спиной чувствовал, как на меня стали по-другому смотреть.

Новая метла мела по-новому – но людям это нравилось.

Следующее совещание я начал с того, что представил Тимофеева.

– Прошу любить и жаловать. Товарищ Тимофеев назначен исполняющим обязанности главного инженера.

Все молча посмотрели на него. Тот чуть смущенно улыбнулся.

– А теперь продолжим совещание, – продолжил я, и мы перешли к обсуждению текущих дел.

Как ни странно, жесткая мера нашла понимание у коллектива.

Меня стали уважать и бояться. Главное – был результат.

Я давил своей работоспособностью и награждал за победы. Многие не выдерживали такой рабочий график и уходили сами, понимая, что у них нет желания и сил работать по-новому.

Я не прощал провалы, увольнял. И дело тут было не в том, что у меня была мощная поддержка, нет.

Многие работники комбината этого даже не знали. Они просто видели, как я работаю и чего требую. Со мной можно было договориться, только если человек работал.

Но если не было результата, пощады можно было не ждать. И именно этого боялись люди.

XXXIII

Каждый раз, когда я утром подъезжал к комбинату, глядя на неприглядную автобусную остановку, заваленный мусором пустырь, я с раздражением думал о том, что комбинат должен иметь соответствующий внешний вид.

Распорядился, чтобы повесили правильный текст – цитату из Брежнева «Идеи Ленина живут и побеждают».

Полутораметровые буквы, вырезанные из металла, оцинкованные, покрашенные – привлекали внимание. Рядом висела доска почета.

Фасад комбината как-то стал соответствовать духу эпохи.

Оставалась, правда, автобусная остановка. В глаза невольно бросались грязь, брошенные бутылки, огрызки, мусор, две лавочки насмерть вмурованные в землю слева и справа от газетного киоска.

Поздним вечером я видел лежащие на земле тени, которые пьяными голосами горланили песни, словно языч-

ники в сумраке приносящие свои бескровные жертвы Бахусу. Запах, который исходил от них, не оставлял сомнений в том, отчего полегли эти бойцы с собственной печенью.

В зеркале заднего вида я разглядел нелепые фигуры людей, раскинувшихся на скамьях, руки их свисали в разные стороны.

– Черт знает что такое, – сказал я тем же вечером Лиде. – Лицо комбината, а там такое творится.

Лидочка не поняла, что я имею в виду, а я не стал вдаваться в подробности.

– Мы отремонтировали детский сад, общежитие, – на следующий день бросил я Тимофееву после совещания – надо с остановкой что-то делать.

Тот безнадежно развел руками.

– Как запретишь? Там в обеденный перерыв продавщица в основном всю кассу и собирает, – озабоченно сообщил он. – Торгует фирменным пивом.

– Что за пиво? – спросил я с раздражением.

– Да «ерш», Игорь Алексеевич, – хихикнул Тимофеев. – Фирменное «пиво». Водку по двойной цене добавляет в пиво. А мужики рады. Вроде как выпить можно в любое время.

– А потом – на работу?

– Ну, куда же еще, – Тимофеев развел руками.

– И что, ничего нельзя сделать?

– А каким образом? Пивом-то им торговать можно. А они втихую – водкой.

– Рядом с административным корпусом? – В голосе моем зазвучал металл. – Тимофеев, ты что?

– А что мы можем сделать?

– Да снести к черту киоск! Немедленно! – взорвался я.

На следующий день я позвонил в отдел торговли горисполкома. Испуганный инструктор выслушал мою гневную тираду.

Я потребовал убрать киоск.

– Игорь Алексеевич, чем вам не угодил этот киоск? – испуганно спросил чиновник. – Вроде, рабочий класс. Газету купят, пиво выпьют, автобус подождут.

– Да вы поймите, – вспыхнул я, – они под прикрытием этих ларьков напиваются до чертиков среди дня. Мне не нужны пьяницы на производстве! Закройте киоск, – жестко потребовал я. – Это же моральное разложение.

Это было серьезнее обвинение.

Моральный облик строителя социализма. Мимо этого пройти было нельзя. Наше предприятие было одним из самых крупных. Показатели города, статистика – очень много всяких вещей было завязано на мясокомбинате. Тем более, когда речь шла о борьбе с пьянством.

– Я согласен с вами, Игорь Алексеевич, – ответил завотделом уныло. – Все сделаем как надо, Игорь Алексеевич.

Буквально через два дня к киоску подтянули технику, под видом ремонта саму будку сломали и вывезли, а остановку снесли.

На второй день я выезжаю из комбината и вижу картину: горят два костра на месте бывшей остановки, а посреди образовавшегося пустыря сидит группа алкашей и тянет нараспев «Враги сожгли родную хату».

Поневоле я от души расхохотался.

– Анатолий, ну что у нас за народ, – воскликнул я, обращаясь к водителю.

А остановку вскоре построили новую. Прекрасную. Но уже безо всякого киоска с левой водкой.

Каждый раз, когда я возвращался домой на нашу съемную квартиру после последнего субботнего совещания я представлял лицо Лиды, улыбку нашего сына – это было как целительный напиток.

Дом – это всегда была гавань, куда я спешил, чтобы укрыться от бурь и непогод внешнего мира.

– Ох, Игорь! – Лида встретила меня у входа, точно каким-то шестым чувством почувствовав, что я подъехал.

Я вошел в прихожую. Облокотился о косяк.

Она бросилась снимать с меня плащ.

Я нежно поцеловал ее и поспешил в детскую – к Сереже.

Вся квартира была увешена пеленками. Я шел, точно пробирался через белые стены, отодвигая пеленки руками.

«Какая же она чистюля, – пронеслось в голове, – как же она заботится о нашем сыне».

Малыш крепко спал. Я залюбовался ребенком, а потом осторожно поцеловал его в ушко.

– Как он? – спросил я шепотом,

Лида переводила взгляд с моего лица на Сережино.

– Вылитый папочка растет, – она смотрела на малыша счастливыми глазами. —Идем отсюда, ты даже руки с дороги не помыл, – потянула она меня за рукав и, осторожно ступая на цыпочках, вывела из спальни, прикрыв за нами дверь.

Мы прошли на кухню.

– Ох, как от тебя комбинатом пахнет! – воскликнула Лида, радостно блестя глазами и вглядываясь в мое осунувшееся лицо. Она обняла меня... – Правда, Игорь, какой-то совсем особый запах от тебя...

Я стоял на пороге кухни и смотрел на Лиду, и в душе моей пробуждалось что-то похожее на нежность, которому я не мог подыскать подходящее название, но которое сразу воздвигло между мной и комбинатовскими проблемами железный барьер.

Все, о работе я мог больше не думать.

Лида стала расставлять тарелки.

– Иди, умойся. У меня все готово. Ингарпол приготовила.

Она торжественно указала на большую супницу.

Я уселся за стол.

Лиди хлопотала, сервируя тарелки, раскладывая ложки и вилки.

– Ты понимаешь, как я скучала без тебя?! – Она сделала паузу. – Я так ждала тебя, я так мучительно ждала тебя, Игорь!

– Ты уже должна была привыкнуть, – произнес я с набитым ртом.

– Хотя бы по субботам мог бы появляться пораньше. А ты опять только во вторую половину дня появился.

Я обреченно развел руками.

– Что я мог поделать?!

– Ох, Игорь, Игорь, иногда без тебя так одиноко... Даже здесь... – горестно произнесла Лиди.

Я чувствовал себя разбитым и уставшим после всех волнений, что обрушились на меня за столь короткий срок. Да еще эти изматывающие шесть рабочих дней.

– Надоело все... Никто не хочет работать... Всех приходится заставлять, строить...

Лиди ласково улыбнулась.

– Почему ты такой суровый? Будь к людям добрее. Не пытайся решить все дела на свете, – мягко сказала она. – Пора, наконец, понять, что есть нормальная жизнь, нормальная, – повторила она с напором, – а не только та, что ведешь ты: без продыха и не видя белого света. – Она улыбнулась, потом, заметив, что я почти не реагирую, уселась напротив. – Игорь, слушай! – заявила она, заглядывая мне в глаза (я был полностью поглощен ее стряпней, которая всегда была на высоте), – давай с тобой куда-нибудь поедem отдохнуть, хоть в Железноводск. Я хочу побыть с тобой. Я твоя жена. Делай что хочешь, но я хочу быть с тобой. Не один день в неделю.

Я еще пребывал в магическом кругу рабочих забот, которые, как боевая колесница несли меня вперед и вперед. И я никак не мог из этой колесницы выпрыгнуть.

– Конечно же, поедем, вот только дела разгребу, – эхом отозвался я.

Я подумал о санатории Четвертого управления в Железноводске, который славился своим сервисом.

Чуду был такой вкусный, и аромат, исходивший от тарелки, казалось, сразу возвращал силы. Иногда загадочный кулинарный талант вспыхивал в Лиде с неимоверной силой.

– Ты меня не слушаешь. Я хочу отдохнуть с тобой, – продолжала Лида, заботливо подставляя мне сотейник со сметаной. – У нас даже медового месяца не было. Ну, что мы здесь сидим вдвоем с Сережей без тебя? Спасибо, что хоть в одном городе. Но я больше хочу быть с тобой.

Я согласно кивнул головой. От чуду исходил какой-то томительный аромат, делающий человека мягким и податливым. Я отодвинул, отдуваясь, тарелку. Выдохнул. И развел руками.

– Лидочка, если ты этого хочешь, я не против. Ты всегда добиваешься всего, чего только не захочешь. Скоро ремонт в нашей квартире закончится, по-другому заживем.

– Ага, заживем. Ты живешь с комбинатом, а не со мной.

– Лидочка, ты знала, за кого выходила замуж.

– Тогда поехали хотя бы в отпуск.

– Это приказ? – шутя спросил я.

– Игорь, услышь меня.

– Я разве возражаю?

– Сережа уже окреп, все хорошо. Можно оставить его на маму. А самим куда-нибудь поехать. Как все нормальные семьи. Ты три года уже без отпуска. Сам говорил.

Доводы были настолько серьезными, что мне не осталось ничего другого, как развести руками и согласиться.

В тот же вечер, как только мы остались одни, Лида взяла меня за руку, и я невольно притянул ее к себе. Мы за-

стыли посреди комнаты, словно застигнутые с поличным, и начали целоваться. Я обнимал ее с таким пылом, словно не видел целую вечность, и не мог поверить, что наконец с ней встретился.

От Лиды волнами исходило тепло, которое обжигало меня, заставляя еще острее чувствовать, как я по ней истосковался. В темноте лицо Лиды казалось еще более таинственным и волнующим, в глазах вспыхивали лучики магического света.

Ночь была безлунной. За окном мерцали звезды. Помимо воли я замер, зачарованной какой-то тайной, которую, казалось, силилась передать мне моя любимая.

Тоненькая полоска Млечного пути высветила часть неба. Мой взгляд блуждал по звездам. Они то вспыхивали, то тускнели, как маяки, не знающие покоя. Загадочные созвездия посылали нам свои таинственные сигналы, которые будили тоску, словно световые годы, нас разделявшие, были той пропастью, которую нам надо было во что бы то ни стало преодолеть. Звезды томились и тосковали своей космической тоской по чему-то очень простому, словно силясь прикоснуться друг к другу, как и мы с Лидой. Ощутимая тайна зрела в их слабом сиянии, точно такая же, что связала и нас, называясь одним невероятным словом «любовь».

Она угадала мое желание... Мы словно были заперты в одной клетке страсти. Глаза, которые не удавалось отвести, пожирали друг друга.

Желания достигли своего апогея, невероятно сильно, и мы стали как вода и пламень, превратились в некий свет, высвободившийся из нас, чтобы осветить тьму, в которую мы оба ринулись.

Я почувствовал то, чего никогда не чувствовал прежде, и закричал, и крик мой отозвался стоном, достигнув последней глубины моего «я»:

– Конечно же, да, я хочу жить с тобой, я хочу любви. – Взгляд Лиды был отсутствующий. – А если тебе там будет плохо? – спросил я.

– Не спрашивай, – прошептала она.

И целый континент огня и страсти воспарил во мне словно доисторическая птица. И в приступе страсти я закрыл глаза; и в той тьме увидел ее лицо, на дне ее темных зрачков плескался теплый золотистый свет, как обещание покоя.

– Ах, милый, как я тебя люблю, до бесконечности, – прошептала она, и я почувствовал, как доселе неизведанное чувство ворвалось, проникло в меня, словно огромная сказочная птица Феникс, даря возрождение.

Я рванулся из своего тела, разрушая все преграды и барьеры, становясь мягким и податливым, и блаженство и сладость пролились из меня, одаряя и благословляя все ее волшебное естество.

Иногда, томясь бессонницей, я любил наблюдать за сном Лиды. Она выглядела по-разному. В первые минуты глубокого покоя ее кожа словно бы становилась прозрачной, проявляя эмоции, которые скрывал день. Лики обольстительной юной женственности и уже забываемой ребячливости сменяли друг друга, то проступая на ее лице, то становясь все более рельефными, а потом вовсе исчезая, раздавленные грузом неведомых мне снов и забот, и тогда из-под них снова всплывало выражение лица маленькой девочки, какой Лида когда-то была.

Я снова и снова прокручивал в мозгу киноленту, повторявшую на протяжении какой-то минуты все мгновения нашей жизни.

Во сне мне улыбалась милая восемнадцатилетняя девушка со светящейся, как на картинах старых мастеров, кожей. Я потрогал ее за кончик выходящего локона. Такой нежный и мягкий, соблазнительный и игривый.

Я смотрел на ее закрытые веки и чувствовал, как наполняюсь энергией, которая давала мне силы противостоять всем разрушительным моментам рабочей недели.

За завтраком Лида выглядела отрешенной.

– Что случилось? – спросил я.

– Да ничего.

– Но я же вижу, что-то случилось. Давай говори.

– Игорь, давай сначала покушаем. Все потом.

В ее взгляде читалось беспокойство, но раз она решила отложить разговор...

После завтрака, взяв Сережку, мы с Лидой вышли прогуляться.

– Ты, кажется, чем-то расстроена...

– Да ничего особенного, на самом деле. Понимаешь, мама звонила, плакала, с Володей что-то не так.

– А что с ним может быть?

Я уже давно ничего не слышал о Володе – с тех самых пор как перебрался в Армавир, а он, уволившись из Анапы, вернулся в Кисловодск.

– Мама сказала – какие-то странные компании. Если, конечно, она не ошибается. Дурная компания – это самое ужасное, ты знаешь...

– У него своя голова на плечах должна быть...

– С той поры как я переехала сюда, в Армавир, он дома ничем не занимается... Приехал из Анапы и ничего не делает... Может ты на него повлияешь?

– А что Илья Владимирович?

– А что папа? Папы никогда нет дома. Все на маминых плечах. Ты разве не видишь этого. Может быть, Володе всегда не хватало отцовской руки. Я же вижу, как мама переживает. Мне бы не хотелось, чтобы он сейчас, в такой период, попусту тратил свое время. С кем он встречается, кто знает?

– Пьет?

– Какой из него выпивоха?! Курит целыми днями. Смолит, как папа! Тоскует. А ведь толковый был. Хотел стать журналистом.

– Какого черта тогда он пошел в этот мясомолочный институт? – буркнул я.

– Давай не задавать таких вопросов, что было бы, если... На них нет ответа. Я про «сейчас» говорю.

– Да нет, Лидочка! Надо говорить. Просто тогда засунули, куда могли. Лишь бы парень никаких усилий не прилагал! А это – не его дело. Он не создан для этого.

Лида горестно вздохнула.

– Ну что теперь поделаешь? Стоит мужчине остаться без работы, как на него тоска нападает. Он же толковый... – добавила она. – Жалко, что попусту теряет время. Да и маму видеть расстроенной мне не по душе.

– Так что ж мне ничего не говорите? Я подумаю, что могу сделать.

– Неужели ты думаешь, что родителям приятно видеть, как их сын бестолково проводит свое время? А что они могут сделать? Время воспитывать прошло.

– Ничего, ничего... Обещаю, что-нибудь придумаю.

– Ты с ним поговоришь?

Я запнулся.

– Я что-нибудь придумаю, – повторил я раздраженно. – Но то, что я помню по Анапе, ты знаешь, это его не красит.

– Но он же мой брат.

– Я сделаю что-нибудь, Лида.

Она вздохнула. Посмотрела на меня ласково. Хорошее настроение снова вернулось ко мне.

– Спасибо тебе. Как у тебя там? Небось, как обычно? Носишься с утра до вечера по производству?

– Ты не представляешь, старая гвардия – это что-то с чем-то.

Мы помолчали.

Лида улыбнулась, поцеловала меня и одарила лучезарной улыбкой. Что-то нежное зашевелилось во мне.

– Лидочка, ну что ты... Скоро мы будем вместе отдыхать.

Ее лицо светилось... Мне казалось, что нежность и доверие, заключенные в ее взгляде, становятся частью моей души.

– Ты меняводишь с ума, – прошептал я. – Обещаю, мы скоро с тобой куда-нибудь поедем. И все будет в порядке.

XXXIV

После того как я сменил главного инженера, атмосфера на летучках стала более спокойной. Меня больше никто не перебивал и не пытался со мной спорить. Абаканец перехитрил сам себя. Если бы он не пытался мериться со мной силами и не страдал оскорбленной гордостью оттого, что парень в два раза моложе его занял место директора, мы бы вполне могли с ним работать.

Я понимал, что Гречаный мог быть не вполне доволен моей активностью – все-таки я принял кардинальное решение самостоятельно, не посоветовавшись с ним.

Я только закончил совещание, когда секретарша доложила, что звонит Алексей Петрович.

– Я по поводу Тимофеева! – сразу перешел Гречаный к делу после приветствий.

Тимофеев уже исполнял обязанности главного инженера. Ситуация была непростая.

Когда я рассказал Славе, что назначил нового «ио», тот сразу спросил:

– Почему выбор пал именно на него?

– Это мужик хороший, душевный и, главное, послушный, Жуков более жесткий, – честно ответил я и не стал уточнять Славе, что Жуков, иной раз, напоминал мне в общении уволенного мной абаканца. В этой ситуации Тимофеев меня более устраивал. Но не Гречаного. Его отношение к Тимофееву было определенное.

– Тимофеев не потянет, – продолжил Гречаный. – Жуков более правильная кандидатура.

Гречаный сделал паузу.

Историю Жукова я в двух словах знал.

Вячеслав Михайлович работал на комбинате главным инженером еще при Дубровском, но потом получил соблазнительное предложение поехать на работу в Африку. На пять лет. В горкоме ему сказали: «Выбирай, или ты остаешься главным инженером, или больше об этой должности не мечтай. Даже если вернешься».

В итоге Жуков уехал в Африку. Привез новенькую «Волгу», заработал валюту на счет.

А когда вернулся, понял, что без комбината жить не может. Были другие предложения, но здесь он вырос, знал все – от и до. И он пошел на поклон к Дубровскому. Тот его, конечно, принял, но только на должность заместителя главного инженера.

Я успел узнать Жукова как довольно жесткого, волевого, грамотного специалиста.

Я наблюдал, как он входит на комбинат, как здоровается с людьми; выражение его лица, его речь – все выдавало уверенного человека. Он был сильный администратор. *

Его лицо было словно высечено из камня маститым скульптором – резкие очертания скул, массивный подбородок. На комбинате к нему пристало много прозвищ, а у

меня было только одно – Царь. И я старался относиться к нему соответственно.

Отчасти Жуков представлял для меня загадку. Как не всегда солнечное утро предвещает ясный день, так и его рассудительность и интеллект вовсе не были гарантией того, что он готов идти на компромиссы и уступки. По сравнению с ним Тимофеев был просто ручным.

Голос Гречаного заскрежетал, словно на том конце трубки провели ногтем по стеклу.

– Игорь, ты делаешь ошибку. Жуков человек с огромным опытом. Тимофеев гораздо слабее как специалист.

– Алексей Петрович, – взмолился я, – восстанавливать комбинат мне?! Позвольте тогда мне и формировать команду, как я считаю нужным.

Количество отрицательных флюидов в голосе Гречаного стало приближаться к критическому уровню.

– Игорь, я тебе сказал. Все.

За теплой изнанкой его отеческих интонаций чувствовался ледяной холод руководителя, которому нельзя перечить.

– Я эту кандидатуру утверждать не буду, – добавил он и положил трубку.

Я задумался. Вкрадчиво через окно пробирались сумерки. Кое-где на небе уже вспыхнули звезды. Какая из них вела меня?

Я машинально барабанил пальцами по столешнице марш. Станным образом во мне разлился азарт, точно я был участником некой игры, где все решала не сила, а смекалка и продуманный расчет.

Я набрал прямой номер Тарады.

– Здравствуйте, Анатолий Георгиевич. Это Бабаев вас беспокоит.

– А, Игорек, как дела?

– Все нормально! Тут небольшой вопрос по сырью. Я хотел посоветоваться.

Это была необходимая часть игры с Тарадой. Так просто позвонить ему по волновавшей меня проблеме я не мог. Требовалось соблюсти правила.

После череды дежурных фраз я сделал паузу и почувствовал, что удобный миг настал.

– Анатолий Георгиевич, вы помните мужика, которого прочили на пост директора? Его моим главным инженером оставили...

– Как же, конечно, конечно, – отозвался Тарада.

– Человек пил, – продолжил я. – Пришлось его уволить. Я сейчас предлагаю на его должность другого. Но тут ситуация, – я сделал паузу, давая понять проблематичность момента.

– Игорь, а в чем конкретно ситуация?

– У меня есть свое видение кандидатуры главного инженера. Хотелось бы уверенности, что Мясное объединение меня поддержит. Восстанавливать-то комбинат мне.

– Игорь, я тебя понял, – голос Тарады стал еще более теплым. – Даже не переживай. Я этот вопрос закрою с Алексеем Петровичем. Перезвони потом ему. Не волнуйся. Но и не дави. Смягчи позицию. А вопрос мы решим. Как в остальном?

– В остальном – все в порядке.

Тарада от души рассмеялся, словно я сказал ему самую добрую из вестей, какие он только собирался от меня услышать. Он сделал паузу, а затем хитро произнес:

– Слышал, про тебя говорят, что из тебя гвозди делать можно. Сам в этом убеждаюсь.

– Спасибо на добром слове.

– Звони, обязательно звони, если будут еще вопросы.

Мы тепло простились.

На следующий день я позвонил Гречаному. Соединили меня почти сразу. Голос его был суховат, но спокоен.

– Слушаю.

– Здравствуйте, Алексей Петрович. Я по поводу утверждения нового главного инженера. Представление я в объединение послал.

Я говорил так, словно и не было никакого предварительного нервного разговора до этого.

Гречаный тут же меня перебил.

– Ты знаешь, Игорь, я тут подумал, взвесил все «за» и «против», думаю, ты прав.

Я не верил своим ушам, молчал, не перебивая.

– Тимофеев – это... – Гречаный помолчал, как будто подбирая слова, – хороший выбор. Думаю, мы его одобрим.

– Благодарю вас, – произнес я. Но на самом деле благодарил я мысленно и от всей души Тараду, а вслух добавил: – Алексей Петрович, спасибо вам за вашу поддержку.

– Ну что ты, Игорь. Тебе комбинат поднимать. Наверно, ты – прав. Команда должна быть твоей от и до. Я согласен с этой кандидатурой.

Мы простились.

Я чуть не пел и плясал.

А через пару дней пришел приказ об утверждении главным инженером на комбинате Тимофеева Виктора Ефимовича.

Формирование новой команды требовало от меня нервов и времени. В одночасье сделать было ничего нельзя, да и не нужно. Главное было не выплеснуть с водой ребенка. Старые кадры Дубровского тоже могли оказаться полезными.

Я видел, что мои уроки не остаются неусвоенными. После головойойки, устроенной Байде, колбасный завод коренным образом изменился. Там теперь все сверкало и блестело. Колбаса «налево» не уходила. Количество тонн и адреса доставки в точности соответствовали бумагам. И полный контроль за всем был у меня в руках.

Оказывается, старая гвардия умела реально что-то делать.

Я был доволен.

С ними надо было только найти общий язык.

Сверкающий фарфор дорогого сервиза, свадебного подарка Лидиных родителей, оттенял пар, поднимающийся от горячего бульона.

В супнице плавали матовые куски мяса в золотистом свечении колец лука и маленьких жирных кружочков, которыми сочилась говядина.

Я сидел дома, уставший, голодный. Но счастливый...

Повсюду висели пеленки. Идеальная чистота.

То, как Лида умела и приготовить, и постирать, как она заботилась о ребенке – вызывало у меня чувство благодарности и нежности.

– Вот увидишь, – скоро закончится ремонт в нашем доме, – говорил я заговорщически, – я там такое придумал, заживем, как боги.

XXXV

На последних стадиях ремонта я почти ежедневно заезжал на квартиру, лично надзирая за ходом работ.

Когда отделка была завершена, я решил, что пришло время привезти в дом Лиду.

Прохладным пасмурным июньским утром, когда туман еще покрывал землю словно враг, подползающий к стратегическому объекту, а небо, затянутое серыми тучами будто пыталось слиться по цвету с мокрыми армавирскими улицами, мы подъехали на служебной машине к новенькому девятиэтажному дому у парка.

Лида вышла из машины и запрокинула голову.

– Вон наши окна, – указал я ей.

Она восхищенно посмотрела на меня. Я открыл перед ней дверь подъезда.

Вверх по лестнице, с горящими на каждой площадке лампочками – специально проследил, чтобы горели, –

забранными в строгие белые плафоны, без еще не успевшей налипнуть на них пыли, мы поднялись на третий этаж.

Я чувствовал себя солдатом, пересекающим побежденную территорию. Я сделал то, о чем так долго мечтала моя любимая.

У кого-то за стеной звучал голос Высоцкого, за другой дверью надрывался от крика ребенок, а я чувствовал себя счастливым.

Достал ключи и отпер дверь.

Замок открылся с легким клацаньем, на удивление тихим, и я физически ощутил торжество победителя. Оглянулся на Лиду.

– Третий этаж – это не высоко, правда же? – тихо произнес я.

Лида заглянула в распахнутую дверь. Я заметил, что она пытается сдержать свое восхищение. Сдержанность никогда не покидала ее, даже в самые волнительные моменты.

Она вошла через торжественно открытую перед ней дверь и пролетела по коридору, заглядывая во все комнаты. Взгляд ее остановился на лежавшем на полу роскошном ковре, потом она дотронулась до стены, обклеенной водонепроницаемыми финскими обоями... и погладила их.

– Хорошо, Игорь.

Я читал в ее глазах – хорошо скрываемый восторг. Она молчала. Но взгляд ее красноречиво говорил мне: – Как же ты тут все отделал!

Она сняла пальто и прошла на кухню.

Я пошел следом, закурил, отложил сигарету в сторону, зажег газовую плиту – показывая это последнее чудо техники. Здесь стояла чешская кухня – вершина, как нам тогда казалось, дизайнерской мысли.

В зале – мебельный гарнитур «Белград», нигде такой не достанешь. В спальне – венгерская мебель с невидан-

ным узором, распространяющая как будто даже запах смолы. Ванная отделана качественной плиткой. Двери – полированные. Я ощущал себя победителем, показывающим своей царице захваченные трофеи.

Лида смотрела на все спокойно, как будто только этого и ждала, но я понимал – она довольна.

– Гостей принимать начнем... Будешь здесь готовить... – я повернул ручку нового никелированного финского крана – вода звонко ударила в днище сверкающей хромированной мойки.

Увидеть такое можно было только в кино.

– Ну как? – не удержавшись, спросил я.

Мне мало было ее взгляда. Лида точно услышала мои мысли.

– Прямо как в кино, – сдержанно произнесла она. Выдержкой она была вся в мать.

Я подбежал к ней. Схватил, поднял на руки. Закрутил.

Павленко меня не подвел. Привез, как и обещал, самое дефицитное. Лидочке я всего этого не говорил. Просто наслаждался ее взглядом, в котором читал много больше, чем она произносила вслух.

Она подошла к кухонному гарнитуру, распахнула его. Прямо перед ней стоял ряд белоснежных тарелок из какого-то невероятно дорогого сервиза.

Но ее внимание тут же переключилось на казавшейся тогда огромным холодильник, возвышавшийся у самой мойки. Лида открыла его и ахнула от восхищения. У него была огромная морозильная камера, в которой лежали ванночки для льда.

К ее и Сережиному переезду я сделал сюрприз. Холодильник был полон.

Там лежали свежие продукты, сметана, молоко, только что из-под коровы... Всякие деликатесы, которые мои друзья присылали мне из других городов. В этом смысле

я был сын своего отца и не позволял, чтобы мы питались кое-как.

Из Ростова-на-Дону нам регулярно поставляли живых донских раков, из Дагестана – свежайшую черную икорку, мясные деликатесы привозили с комбината, свежую зелень и овощи – с рынков.

Это был словно знак Божьего благословения, свидетельствующий: «Лида, пока ты с Игорем, у вас все будет хорошо».

– Здесь хочется быть счастливым, – произнесла Лида и внимательно посмотрела на меня, словно говоря: «Я тобой довольна». – Ты такой молодец! – тихо добавила она.

Я поцеловал ее в щеку.

– Это вам с Сережей! – ответил я, прижимая ее к себе.

Лида потерлась головой о мою щеку. От нее исходило такое щемящее тепло.

– Как же я люблю тебя, Игорь! Я тебе говорила, что с нами все будет по-другому! Говорила?! Ты мне не верил... Ох, Игорек, как же я счастлива, что мы всего этого дождались. – Она взглянула на меня по-детски беззащитно и попросила, – И не смейся, я по-настоящему сейчас счастлива.

– Теперь это твой дом, наш дом, – сказал я, обводя рукой пространство.

Три наши комнаты казались мне тогда просто царскими хоромами.

– Смотри, – начал я снова показывать Лиде, словно мы были в музее, качество отделки, полированные двери из настоящего красного дерева с никелированными сверкающими ручками, которых днем с огнем было не сыскать...

Лида восхищенно окидывала взглядом то, что казалось нам верхом роскоши.

– Знала бы ты, чего мне это стоило!

Я видел, как лицо Лиды расцветало с каждой секундой. Но она вела себя сдержанно.

Я провел ее в спальню. Указал на венгерский спаль-
ный гарнитур с роскошно инкрустированным изголовьем.

– А это наш свадебный подарок, – произнес я со смеш-
ком, – от Ильи Владимировича...

Лида поняла мой намек.

– Игорь, перестань! У папы сейчас тяжелые дни.

Я поднял руки.

– Лидочка, я ничего не говорю.

На стене висело несколько картин без рам, но в некоем
их деревянном подобье, а из окон открывался великолеп-
ный вид на парк и скрывающийся за деревьями пруд.

– Нам так повезло, Игорь! – произнесла Лида.

Улыбаясь, я смотрел в ее тонкое лицо, искал ее взгляд.
Всегда она чуть-чуть не понимала самого главного, или по-
нимала лишь половину того, что следовало воспринимать
только целиком или уж лучше совсем ничего никак! Уже-
ли все то, что выпало на нашу долю, представлялось ей
только суммой какого-то везения?

Впрочем, какое это имело сейчас значение?

Она же здесь, она добилась своего и приехала сюда,
вместе с сыном, в этот далеко не курортный город, ко мне,
ради меня...

– Сядь, – попросил я, – тебе неудобно так...

– Нет, удобно, прекрасно, – ответила она, вновь при-
жимаясь горячей щекой к моей руке. – Удобно удивитель-
но. И разве это имеет значение – удобно или нет? Я же
с тобой! В нашем доме. Ведь это же наш дом? – спроси-
ла она как-то по-детски, точно все еще не могла поверить
в эту реальность, которую я для нее создал.

– Да, да, – повторял я, кивая.

– А что в ванной?

Лидочка побежала посмотреть ванную.

И вдруг я почувствовал какой-то признак усталости: как будто адреналин в крови иссяк. Я устало поднял голову. Голос Лиды звучал как в тумане.

Наш переезд состоялся.

Теперь у меня был тыл, в котором я мог укрываться как в крепости.

От мыслей меня оторвал стук в дверь. Я машинально посмотрел на часы.

Было половина девятого вечера. Рабочий день на комбинате заканчивался.

– Можно, Игорь Алексеевич?

В дверном проеме призраком замаячило лицо Байды – моей бриллиантовой дамы.

– Заходите.

Я механически бросил взгляд на стол. Не лежат ли какие лишние бумаги?

Байда поздоровалась. Глаза у нее беспокойно бегали по сторонам, словно она чувствовала себя проштрафившейся.

– Что-то случилось? – спросил я.

Заметив мой вопросительный взгляд, она как прыгунья с вышки выставила вперед руки, словно говоря: «Не волнуйтесь, не волнуйтесь».

– Чепе никаких нет, Игорь Алексеевич. – Ее полное лицо выдавало некое смятение, глаза сверкали лихорадочным блеском.

– Да нет, я же вижу, что-то произошло? Какая-то неприятность? – я отложил бумаги в сторону.

– Нет, это личный вопрос, Игорь Алексеевич. Можно присесть?

Я кивнул.

Байда замаялась, не зная с чего начать.

– Ну, говорите, – подтолкнул я ее.

– Я имела время узнать вас, Игорь Алексеевич. И понять ваш стиль управления.

Я молча слушал ее, никак не реагируя.

– Большой частью я со всем согласна, что вы привнесли на производство. В общем-то, наверное, так все и должно быть. Только есть одно «но». Вы ведь знаете, Игорь Алексеевич, что у меня пенсионный возраст... А на производстве такие перемены. Это отнимает все мои силы. А их у меня не так уж и много...

– Мария Григорьевна, – я позволил себе улыбнуться, – вы еще женщина хоть куда...

– Спасибо, Игорь Алексеевич. Знаю-знаю. Не надо комплиментов. Намерения ваши хорошо просматриваются.

Она сделала паузу.

Я никак на выпад не отреагировал. Байда вздохнула.

– Эти новшества уже не для меня. Я знаю, что вы про меня думаете. И не сержусь. Я услышала все, что вы мне говорили, и приняла решение: я ухожу. Подпишите заявление.

И она положила на стол заявление об уходе.

Честно говоря, я не ожидал такого исхода, и в первую секунду растерялся. Не было ли это подвохом? Я внимательно посмотрел на нее. Это была очень уставшая женщина.

«Зачем ей эта каторга? – вдруг мелькнуло у меня в голове. – Пахать с утра до вечера. Кислород я ей перекрыл. Трудиться за одну зарплату она не привыкла. Тем более с ее-то сбережениями».

Она вдруг стала предельно ясна мне. Ее решение не могло не вызывать уважение. Она не стала интриговать. Не стала бегать в горком, где ее хорошо знали и наверняка работали те, кого за эти годы она давно прикормила, чтобы просить их помощи.

– Это достойно, – заметил я.

Она удивленно вскинула ресницы, словно не ожидала такой искренней похвалы с моей стороны.

– Я уважаю ваше решение, Мария Григорьевна, – произнес я, подписывая заявление.

Так состоялось наше мирное расставание. Теперь у меня были развязаны руки.

«Как слаба человеческая природа! – размышлял я. – Надо только поставить ее перед фактом правды».

Секретарша доложила, что меня ждет в приемной Павленко.

Прошло уже два месяца, как он приступил к работе, и я был им доволен.

– Зови.

Женя вошел деловой, уверенной походкой. В руке у него была папка с бумагами, из которой он всегда как фокусник вынимал разнарядки – куда что отправлено, где с кого и что получено. Он удивительно быстро влился в коллектив, сумев завоевать мое доверие.

Мы тепло поздоровались.

Нареканий к нему с моей стороны практически не было.

– Как дела?

– Вертимся помаленьку, Игорь Алексеевич. Только голова почему-то кругом.

Я улыбнулся. Но тут же перешел на деловой тон.

– Я могу тебе сказать, что ты делаешь все правильно. В общем, я тобой доволен. Но не расслабляйся.

– Игорь Алексеевич, если вы мной довольны, то есть моей работой, у меня к вам предложение, давайте я возьму на себя и отдел сбыта, вы не волнуйтесь, я потяну.

В принципе это было то, что я ждал от него. Основные возможности заработка были сосредоточены именно

в сфере сбыта. Но доверить такую ответственную должность я мог только проверенному человеку.

Разговор наш был абсолютно открытый.

– Аргументируй, – сказал я.

Он улыбнулся.

– Я могу вам уверенно сказать: в сбыте у вас – бардак. Я со стороны сумел немного вникнуть. Там нужен свой человек. Можете на меня положиться.

Я внимательно посмотрел на него. Вспомнил характеристики, которые ему давал Слава. Женя мое молчание оценил как сомнение.

– Я могу взять его под свое крыло и одновременно закрою все снабженческие позиции. Потому что на самом деле сбыт и снабжение – звенья одной цепи.

Это была прописная истина. Колбаса открывала двери любому дефициту в строительстве.

– В принципе, я с тобой согласен, и если ты это потянешь, то мое согласие ты уже получил. Действуй.

Мы ударили по рукам.

Но формирование команды я считал не законченным.

Был теплый армавирский вечер. Комбинатская сутолока за окном стала тише. После нервной суеты дня можно было немного расслабиться.

Я полез в записную книжку, набрал номер Миши Цымбала.

– Миш, добрый вечер! – Друг отца, он помнил меня еще студентом.

– А, Игорь! Сколько лет, сколько зим! – раздался в трубке чуть надтреснутый голос.

Я не удержался, сострил. Последовали дружеские подколки. Наконец я серьезно произнес:

– Миша, такая ситуация. Место директора колбасного производства свободно. Что насчет Сергея?

Миша перестал смеяться.

– Звони ему сам. И разговаривай. Никаких проблем нет.

Миша был титан – он общался напрямую с аппаратом ЦК партии, и его мнение для меня было очень важно.

– Я знаю, – звучал в трубке его до боли знакомый голос, – что у вас был предварительный разговор. Сережа на тебя рассчитывает. Я благодарен тебе за это. То, что вы будете вместе для вас далеко не безразлично. Давай, успехов тебе. Звони сыну.

Я тут же набрал номер Сергея.

– Серега, привет.

– О-о-о! – услышал я в трубке радостный крик друга, – давно не слышал твоего голоса. Игорь, здорово!

– Ты меня оглушишь! Что у тебя там происходит?

– Я на отдыхе.

– Это я уже понял. Как Ольга? Как семейная жизнь?

Я присел на краешек стола, слушая в трубке, как друг захлеб рассказывает детали своей веселой жизни. Невольно увидел свое отражение в окне и мне показалось, что рядом я вижу Цымбала – такого, как и прежде в институтские годы, когда мы жили в одной комнате и часами напролет проводили вечера, общаясь, болтая, встречаясь с девчонками...

Учеба, гулянки, работа – все это вихрем пронеслось перед глазами.

– Какие у тебя вопросы? – напористо спросил Серега.

– Ты готов работать? – вопросом на вопрос ответил я. Серега засмеялся. Ничего не ответил. – У меня провал по кадрам – мы с моим директором колбасного цеха попрошались. Когда ты можешь приступить?

– Думаешь, что хорошо сострил?

Мне даже показалось, что я как и прежде вижу его веселую улыбку до зубов; он всегда умел понравиться...

– Я тебе серьезно говорю.

На другом конце трубки повисла пауза.

– Игорь, дай мне месяц отдохнуть, и потом я весь твой.

– Хорошо. Закрой все свои дела, – продолжал я, – погуляй, потанцуй с женой, и потом – сразу ко мне.

Сергей снова расхохотался.

– Не раньше, чем ты соблазнишь меня хорошей зарплатой...

Он всегда говорил то, как и видел понимал ситуацию. Такой человек мне был сейчас больше всего необходим.

– Знаешь, приятель, – ухмыльнувшись, сказал я, – сначала я заставлю тебя как следует потрудиться.

Мы оба оглушительно рассмеялись.

Через две недели у меня уже работал новоиспеченный директор колбасного производства, мой близкий друг Сережа Цымбал.

XXXVI

Со дня переезда из Анапы я работал как лошадь. Мне нужен был какой-то отдых.

Сереже было уже больше года. И мы вполне могли оставить его на Анну Григорьевну.

Я позвонил Лиде и сказал ей, что мы едем отдыхать в Железноводск – в элитный санаторий Четвертого управления Минздрава.

Наступил тот долгожданный миг, когда, как я думал, ничто не сорвется, не появятся причины, способные оторвать меня от отдыха. Машина была запущена и работала, как полагается.

Это был совминовский санаторий, способный подарить своим постояльцам все самое лучшее, что только могло быть в то время в Советском Союзе. Там обслуживали только высшие партийные и советские органы.

Своим уровнем от выделялся даже на фоне всех остальных, отнюдь не рядовых, санаториев. На одного от-

дышащего полагалась по два санаторных работника. Все в нем было подчинено только одному – отдыху и комфорту приехавших туда людей.

Красные толстые ковровые дорожки глушили шаги, тишина и покой задавали ритм всему происходящему. Неторопливая, размеренная жизнь. Изумительная еда, внимательное обслуживание. Все было направлено на то, чтобы отдыхающие в полной мере могли ощутить собственную исключительность.

Я сумел раскрепоститься, расслабиться, отдохнуть... Но руку на пульсе комбината продолжал держать. Когда не можешь вырваться из тяготящего круга опасений, что без тебя там не справятся, тяжесть ответственности становится особенно ощутимой и часто посылает предупредительные сигналы опасности даже тогда, когда их нет.

Я позвонил Тимофееву.

– Витя, как обстановка?

Голос его был спокойный.

– Все терпимо, Игорь Алексеевич. Работаем.

Я благосклонно усмехнулся.

– Давай, давай, не расслабляйтесь там. Вопросы ко мне какие есть?

Ответа не последовало, в трубке повисла пауза. Связь, что ли, прервалась?

– Витя, ты куда пропал? – спросил я удивленно.

Я услышал, что Витя что-то кричит на другом конце трубки. Прислушался. Кричал он не мне.

– Взрыв! – расслышал я, и сам не поверил своим ушам.

– Витя! – закричал я в трубку. – Что у вас там?

Связь оборвалась. Я ничего не пойму, что происходит. Какой взрыв? Набираю другие номера – никто не отвечает. Мне становится не по себе.

Через полчаса раздался звонок. Перезванивал Тимофеев.

– Игорь Алексеевич! – голос его дрожал, – Взорвался компрессорный цех.

В трубке послушались шум и треск.

– Ты что болтаешь? – Я не поверил своим ушам.

– Улетела крыша в компрессорном цеху. Есть жертвы.

Меня словно ударили под дых.

– Какая ситуация сейчас?

Я явственно представил себе пожар, снесенную крышу...

– Ты слышишь меня? Что ты молчишь? Я выезжаю!

Я, чертыхаясь, бросил трубку.

Воображение рисовало черт знает какие картины. Сатанинские бездны разверзлись предо мной при мысли о том, что там случилось без меня.

Я бросился собираться.

При этом снова и снова пытаюсь дозвониться Тимофееву. Долго никто не брал трубку.

Наконец Тимофеев ответил.

– Толком доложи, что случилось? – заорал я.

– Взорвался компрессорный цех. Двое наших в больнице. Сгорели. Лежат с сильными ожогами.

– Как сгорели?

– Химзащитные костюмы на них загорелись.

– Еще пострадавшие есть?

– Больше никого. Крышу снесло. Начисто.

– Здание цело? Кто работает на месте?

– Да все понаехали. Пожарные. Скорая, начальник штаба Гражданской обороны тут же прикатил, говорят во всем городе взрыв был слышен...

Хуже этого трудно было что-либо представить.

– Если будут спрашивать, скажи, что я уже еду.

Я сломя голову бросился в Армавир.

Обгорелые ветки деревьев на пути казались страшными предвестниками катастрофы, что случилась без меня на комбинате.

Невольно закрадывался вопрос – это вина подчиненных, не умеющих справиться без меня с ситуацией, или просто трагическое стечение обстоятельств?

Как назло зарядил мелкий дождь, небо занавесилось свинцовыми тучами словно мрачная декорация к трагическим происшествиям.

Меня охватила паника. «Не теряй голову», – осадил меня спокойный внутренний голос.

Нехватка информации позволяла воображению рисовать черт знает какие катастрофические картины... Я сдерживался, чтобы не гнать... Мне захотелось вернуться назад на два дня, перетасовать колоду событий. И сделать так, чтобы я уже был в Армавире, а все, что происходит сейчас, было бы просто кошмаром, который мне приснился. Я словно проходил сквозь какое-то проклятие, обретшее реальные очертания.

Прибыв на место, я сразу поспешил к месту аварии. Увиденное потрясало. У комбината словно никогда не было крыши. В воздухе витал приторный ядовитый запах.

У компрессорного цеха толпились люди, везде была грязь, пена, оставшаяся после тушения пожара, и как самое мрачное напоминание о катастрофе – красная пожарная машина, стоявшая впритык к стене цеха...

Я велел всем собраться в моем кабинете.

Настроение у всех было подавленное. Люди как будто боялись смотреть мне в глаза. Даже в кабинете, казалось, пахло гарью.

– Давайте это траурное настроение сейчас оставим, – начал я по-деловому, чтобы приободрить коллектив. – Докладывайте. Какова ситуация на комбинате? Огонь везде потушен?

– Везде. Пожарные ведут расчистку, – откликнулся с места Тимофеев.

– Аммиак проверили? Новой утечки не будет?

– Вроде, не будет.

– Мне не надо «вроде», – взорвался я. – Отвечай конкретно. Кто за что отвечал? Почему возникла утечка?

Тимофеев медленно поднялся. Глаза красные. Руки трясутся. От мужика валидолом пахнет.

– Игорь Алексеевич, в компрессорном цеху произошла утечка аммиака. Рабочих послали устранить проблему. Пошли в химзащите. Все как полагается.

– Химзащита какая?

– Все, как полагается, – повторил он. – Плюс противогазы. Прорезиненные. А там, откуда ни возмись искра проскочила, и – взрыв! Резина на них тут же вся загорелась.

– Технику безопасности соблюдали? Инженер по технике безопасности проверял? – закричал я.

– Да, вроде, проверял.

– Вроде или точно проверял?

Глаза Тимофеева забегали.

– Мы акт составили, что проверял.

– Когда составили?

Он опять молчит.

– Понятно. Значит, задним числом! Выяснили, почему произошло возгорание?

– Закоротило что-то! Мы сами толком не поняли причины. Все на них вспыхнуло. Ребята сейчас в больнице. Семьдесят процентов ожога.

– Ситуация под контролем сейчас?

– Да.

– Вы все правильно делали, – произнес я.

Казнить было некого, да и незачем! Людей надо было приободрить. Впрочем, с этим еще будут разбираться в горкоме. Но мне было плевать. Пока мне надо было под-

держат людей. Я отдал распоряжения. Теперь предстояло самое тяжелое.

Я сел в машину и поехал в больницу к пострадавшим. Меня провели в палату.

На койке, отгороженной клеенкой, лежал парень с перебинтованным лицом и туловищем. Были оставлены только прорезы вокруг глаз и рта, из которой тянулись трубки. Рука, безвольно свесившаяся с кровати... Вид его был удручающий. Мне стало больно.

Смотреть на него было равносильно пребыванию на краю высокой скалы: по коже бегают мурашки, а дно ущелья неминуемо и властно притягивает к себе.

Вокруг суетливо шныряли строгие медсестры в накрахмаленных до треска халатах. Молодые доктора что-то шепотом докладывали какому-то носатому армянину, суя ему под нос анализы и снимки.

Парень почувствовал мое появление. Открыл глаза. Они блестели, точно два уголька. Зрачки его были расширены от боли. С трудом он разлепил потрескавшиеся губы.

– Игорь Алексеевич, – с трудом проговорил он, язык его заплетался.

Я успокаивающе вытянул вперед руку.

– Тише, молчи, молчи.

– Игорь Алексеевич, вы все можете, спасите меня, – прошептал он.

Я стоял, не зная, что делать. В его голосе звучало столько надежды и мольбы, и связаны они были только со мной.

– Ты послушай... Я сейчас переговорю с врачами. Тебе помогут, обещаю.

В лице парня читалось немое отчаяние.

Я вышел из палаты. Нашел доктора, который сидел в ординаторской. Взгляд его был озабочен. Он не переставая курил сигарету за сигаретой.

Я подошел к его столу. Тот как будто не заметил моего появления.

– Извините... – обратился я к нему.

Тот удивленно посмотрел на меня.

– Что с парнем, которого привезли с комбината? Я директор.

Доктор перестал дымить. И задумался.

– Это вопрос времени.

– Что «вопрос времени»? – не понял я.

– Жить парню осталось считанные часы, – сухо произнес он.

Меня точно обухом по голове ударило.

Это был один из худших дней в моей жизни, когда «эскулап» вынес свой не подлежащий обжалованию приговор. Он не хотел меня напрасно утешать лживыми фразами и был достаточно привычен к чужому горю, чтобы не скрывать всю истинную картину случившегося.

– Все очень плохо? – спросил я.

– Мне нечего сказать вам, и обнадеживать попусту я не собираюсь, – взглядываясь в меня холодными глазами, ответил дежурный доктор. – У него семьдесят процентов ожога. Но даже это полбеды. Комбинезон, который был на нем, просто спаялся с кожей и спровоцировал химическое отравление всего организма. Мы ничего не можем сделать. Только снять всю кожу. Это невозможно.

Мне стало бесконечно жаль парня, что умирал сейчас, лежа один в палате, словно щупальца смерти, которые его опутали, могли дотянуться до всех нас.

– Я могу подключить крайком, – сказал я хмуро, надеясь, что доктор скажет: тогда «давайте». Но тот удивленно посмотрел на меня. – И ничего нельзя сделать?

Хирург покачал головой. Было видно, как тяжело ему дается это признание.

Я стоял, не зная, что сказать.

Словно поняв мое состояние, он устало посмотрел на меня.

– Вы сделали все, что могли. Мы – тоже. Идите. Мы общим.

Это было самое страшное.

Я вернулся к тому парню. Посмотрел в его глаза. Он, кажется, был уже без сознания. Я наклонился к нему поближе.

– Ты меня слышишь? Мужайся. Мы сделаем все, что можем. Врачи сделают. Ты молодой. Ты должен выдерживать.

В душе была одна боль.

Я повернулся и пошел... Лишь бы не стоять безвольно перед лицом смерти, не умалять ее не подходить – все равно она не послушается. Единственное спасение сейчас: отвлечься, загрузить себя работой, не давать продыху, чтобы ни одной посторонней мысли в голову не лезло. Привести цех в порядок, устранить аварию.

Я вышел из больницы.

На пороге рванул галстук, поглубже набрал ртом свежий воздух, чтобы не чувствовать в носу запах той палаты, где умирал мой рабочий.

Анатолий, водитель, с сочувствующим взглядом молча распахнул передо мной дверь.

– Ну как там? – спросил он.

– Плохо, Анатолий. Давай на комбинат.

Машина рванула с места. Я уставился в окно. В голове неотвязно вертелись мысли: «Как это могло произойти? Почему случилась эта авария?».

Дело даже было не в том, что мне придется отчитываться на горьком в гибели людей. Вопрос был в другом: какова же степень изношенности этого гиганта? Сколько всего еще надо переделывать, чтобы больше не было этих ужасных нелепых смертей? Ведь это же не оборонное

производство. Это мясокомбинат, символ спокойной мирной жизни.

И тут в голове как будто прозвучал чей-то язвительный голос: «Мало того, что комбинат и так выработал большую часть своих материальных фондов, так теперь еще и этот взрыв сулит немало хлопот».

Я покачал головой. Долго еще я вспоминал лицо того парня, которого так и не смогли спасти...

До работы мне было ехать минут десять. Каждый раз, когда Анатолий вез меня, где-то в глубине мозжечка, начинал зудеть гул беспокойства: «Какой сюрприз ждет меня сегодня?».

В то утро первым раздался звонок от Гречаного. Срочно вызывали на совещание.

Я помчался. Интересно, что там случилось?

– Доброе утро, Игорь Алексеевич, – поздоровался Алексей Петрович.

Голос у него был какой-то бесцветный. Так что и не поймешь, что он на самом деле имеет в виду, когда говорит слово «доброе».

– Я слышал на горкоме вас хвалили. – Он помолчал, ожидая ответа, но его не последовало. – Неплохо, неплохо. – Я выжидал, что он скажет. – Игорь Алексеевич, наше объединение закупило в Венгрии партию гусей. Тебе боевая задача. Надо сделать специальный кубанский продукт из гусяной печени. Справишься?

– Если технология есть, обязательно справимся.

– Все инструкции пришлем. Специалисты подъедут. Объяснят.

– Понял, Алексей Петрович. Начинаем работать.

– Если будет нужна помощь – немедленно звони. Любую окажем. Я повторяю – наша задача создать особенный кубанский продукт. – Он сделал акцент на слове «особен-

ный». – Учти, есть конкретные сроки. Дело находится на особом контроле края.

Начались авральные дни.

На птицефабрике заморских гусей должны были откормить, а нам только поставить на убой.

Я интересовался, когда привезут птицу, но мне каждый раз отвечали, что птицы нет.

– В чем проблема? – спрашивал я.

– У них проблема с кормами, – пояснил Тимофеев.

– Что еще за проблема?

– Печень не растет у птицы. Может, кормят не так. Может, они к русской пшенице не привычны.

– Чего только ни бывает!

Тимофеев продолжал увлеченно рассказывать.

– Гусей поместили в клетки, чтобы максимально ограничить их подвижность. Представляете, Игорь Алексеевич, в таком состоянии при специальном откорме печень гусей должна увеличиться до семисот граммов от неподвижности и обжорства. Но их и это не берет.

Каждое совещание у Гречаного начиналось с того, что он интересовался, как идет работа над паштетом. Когда Бабаеву передадут птицу? И каждый раз директор птицекомбината разводил руками.

– В чем причина? – когда Гречаный нервничал, он повторял интересующий его вопрос по нескольку раз.

– Печень, – следовал неизменный ответ.

– Что с ней!? – сердился Гречаный. – Технологию откорма нарушили?

– Нет.

– Забой делали?

– Делали, Анатолий Петрович. Не растет, проклятая.

– Сколько граммов?

– Триста. Надо дотянуть хотя бы до четырехсот.

– Может, вам их вообще обезножить, чтобы не двигались? – предложил вдруг Гречаный.

– Ну, лапы то не отрубишь, – недоумевал директор птицекомбината. – Они и так почти не ходят. Только жрут.

– Учтите, – предупреждал Гречаный. – Бабаеву надо передать все в срок! Головой отвечаете.

– Игорь Алексеевич, – возникло передо мной лицо секретарши. – Художники принесли эскизы этикетки для литографии на банку.

– А ну, покажите.

Художества, которые мне принесли, я долго рассматривал, просил объяснить, спрашивал, что-то менял. Потом картинку посылали в объединение, утверждали.

А я по-прежнему интересовался, когда привезут гусей.

Дни шли. Дата сдачи приближалась. Я проводил совещание с художниками, когда секретарша, как мышка, просунула голову в кабинет.

– Игорь Алексеевич, на проводе Гречаный.

– Переведи.

Голос Гречаного был сух.

– Игорь, сроки поджимают. Я приказал забить птицу, не дожидаясь увеличения веса печени. Это риск, технология нарушена, но делать нечего. Завтра тебе привезут птицу.

– Понял, Алексей Петрович. Сделаем все как надо.

– Я надеюсь на тебя, Игорь Алексеевич.

Это означало, что вся ответственность опять ложится на меня. Понятно.

Птицу привезли на следующий день.

Я всегда очень четко чувствовал, какие дела требуют моего постоянного контроля, а какие – нет.

Этот процесс я держал под пристальным контролем.

Мы были первопроходцами. Чем все закончится? Сначала забой. Затем производство. Каждый ключевой момент производства я держал на контроле.

И вот наконец первая опытная партия гусяного паштета была готова.

Мы собрались в цеху. Главный технолог, главный инженер, начальники цехов. Момент был действительно нервный, волнующий. В воздухе витала атмосфера торжественности. Особенный кубанский продукт был готов.

Перед каждым из нас положили по малюсенькой тарелочке с паштетом.

От паштета исходил слабый пряный запах, в котором искусенный нос мог учуять нотки тмина и чего-то более острого, похожего на соус чили. Я взял ложку, зачерпнул небольшую часть массы темно-песочного цвета. Аромат и вкус, который ощущали мои рецепторы, был дразнящий, соблазнительный, словно от деликатеса исходила команда: ну-ка съешь меня поскорей.

Во мне проснулся воистину королевский аппетит.

Это небольшое действие, участниками которого мы все являлись, напоминало торжественный ритуал.

– Какие ощущения? – спросил я.

– По-моему, восхитительно, – промычал главный технолог.

Я промолчал.

Небные рецепторы словно зывали ощутить вкус все новой и новой порции гастрономического лакомства.

– Мне хочется есть при виде одной только банки паштета, – продолжал Тимофеев.

Все заулыбались.

– Ну что же, товарищи, я вас поздравляю, – сказал я, заканчивая дегустацию.

Первую партию торжественно упаковали.

Тем же днем мне позвонил Гречаный.

– Готово?

– Да – выпалил я.

– Игорь, поступило указание из крайкома: две коробки паштета надо отправить срочно им – на дегустацию.

Голос у Гречаного вибрировал от предвкушения победы. Он справился с возложенной на него задачей – паштет выпустили в срок.

– Мы готовы, Алексей Петрович.

Экспериментальную партию паштета запаковали. Выглядело все красиво и солидно. Продукция ушла в крайком.

XXXVII

На нашем комбинате огромное влияние имел комитет народного контроля. Возглавляла его председательница – дородная женщина лет пятидесяти, с кривыми зубами, от которых так и веяло: только попались мне на зубок – перекушу.

Глядя на нее в памяти невольно возникали строчки Некрасова о тех русских бабах, которые могли не только коня на скаку остановить, но и огромный деревенский дом разрушить одной только своей нечеловеческой заботой о сохранности соцсобственности.

Фамилия ее была Прокопенко.

Была она разведенкой, злой и бездетной.

Ей нравилась ее общественная должность. В этом деле она чувствовала себя как рыба в воде.

Она любила устраивать показательные судилища, вымещая на провинившихся людях всю свою злобу за неудачную личную жизнь.

Как-то она зашла ко мне в кабинет:

– Игорь Алексеевич, извините я вас побеспокою. У нас назначено заседание комитета, материал собран очень показательный, мы вас приглашаем попристутствовать.

– Если успею, приду, – пообещал я ей, посмотрев на календарь.

Как только начиналось лето, к нам на комбинат начинали залетать перелетные ласточки – студенты, летающие из всех профильных вузов советского Союза на практику.

Из ста присланных студентов девяносто, как правило, были девочки.

Наблюдать за ними всегда было приятно – словно первые цветы весной. В их свободной походке ощущалось нечто неуловимо щемящее, и смеялись они как-то по-особенному. Весенняя свежесть их лиц резко контрастировала с угрюмыми лицами работниц комбината.

Даже если они совершали промахи и ошибки, – это были промахи существ столь обворожительных, что им можно было простить если не все, то очень многое.

Технологию изготовления колбас они путали, старым работницам, шугавшим их за разгильдяйство, иногда перечили, но задачу свою понимали и исполняли четко.

Курировал их, как правило, заведующий кафедрой, которого я знал еще с институтских времен.

Я по телефону сообщил Жоре Троицкому, что к нам на комбинат приехали практикантки.

Жора моментально оживился.

– Мы обязательно подъедем. Надо провести инструктаж.

Он не заставил себя долго ждать. Зашел ко мне в кабинет весь раскрасневшийся с жаркого полдня, словно после

бани, похожий на русского барина, в летнем импортном костюме.

Вокруг него клубился словно вихрь событий. Он громко говорил, отчаянно жестикулируя, так что издали казалось, он исполняет некий загадочный танец.

Мы пошли с ним по цехам... Я хотел показать председателю горисполкома, как мы проводим модернизацию.

В цеху стайками носились молодые девчонки-практикантки в длинных халатах, из-под которых выглядывали короткие юбчонки и стройные ножки. Лето... Жара... Ветер нескромно поднимал подола халатов и казалось что там, под ними ничего и нет.

Фантазии начинали жить в тебе своей жизнью...

Озорная дробь девичьих каблучков порой отзывалась сладким эхом где-то внизу живота, выбивая из рабочей колеи.

– Какая симпатичная практикантка, – вдруг ткнул меня в бок Жора.

– Где, какая?

– Да вон, ходит.

Я проследил направление его взгляда. Это была совсем молоденькая девчушка, шатенка с вечно удивленным взглядом. Нос ее был усыпан веснушками, отчего она казалась по-деревенски наивной. Обаятельней этого юного лица трудно было что-либо вообразить. Глаза ее казались совершенно синими, как будто кто-то залил их яркой небесной краской.

Жора задумчиво смотрел на девушку, которая повернулась к нам спиной. Фигуру ее подчеркивал плотно облегающий халатик. Я почувствовал, что Жора взял след, как гончая, учуявшая добычу. Уж больно хороша была эта девушка.

– Нужно молодежь привлекать, – задумчиво сказал Жора, – готовить смену.

– А то скоро все специалисты повыведутся, – в тон ему подхватил я. – В колбасный цех кто пойдет работать?

– Да, как говорил классик, кадры решают все, – задумчиво протянул Троицкий. – Ладно, пошли.

Жора поднялся на трибуну, заговорил про институт, про образование, про то, на какой славный комбинат попали практиканты... Цель у подобных выступлений всегда была только одна – получше разглядеть приехавших девушек.

– Ты посмотри какая! – толкнул он меня в бок, усаживаясь рядом за стол по окончании своей пламенной речи.

Я посмеялся и ничего не ответил.

Сразу после напутственных слов, мы начинали распределять практиканток – кто куда пойдет трудиться.

Я велел позвать ту девушку, что привлекла внимание Жоры Троицкого. Она вошла – удивленная, глаза так и стреляют.

– Вас как зовут? – спросил я.

– Мария!

– Значит так, Маша, вы такая выдающаяся, что обратили на себя наше внимание.

Девушка смутилась.

– Но ты знаешь, – тут же перешел я на «ты», – у нас тут перебор, должна приехать еще целая когорта студентов. А твоей характеристикой заинтересовались в городском исполкоме. Приглашают тебя поработать у них. Я не могу тебя не рекомендовать – это же исполком!

Девушка начала разглаживать на себе юбку, как бы делая вид, что ничего не понимает.

– А как же быть с характеристикой по моему основному направлению?

– А ты не волнуйся – все сделаем... Нужно только твое согласие. Если готова – мой водитель тебя сейчас отвезет и проводит.

Девчушка согласилась.

Как-то, встретившись с Георгием, я поинтересовался, как его практикантка.

Он вместо ответа поднял глаза к потолку.

– Очень толковая девушка оказалась.

Я понимающе рассмеялся.

А Жора еще долго благодарил меня от чистого сердца.

В тот день все шло отменно. Как говорится, задалось с самого утра. Обход цехов прошел без происшествий. Люди работали, план – выполнялся.

В возникшую на миг паузу вдруг вкрался деловой голос секретарши, которая доложила, что на проводе – собеседник из Центрального Комитета Партии. Я не поверил своим ушам.

Сначала мне даже это показалось чьей-то шуткой – никогда из ЦК напрямую ко мне не обращались.

– Игорь Алексеевич? – услышал я очень четкий голос, умиротворенный, но властный.

– Да! – ответил я.

– Будьте добры прибыть в отдел пищевой промышленности ЦК партии. Быть надо послезавтра. Пропуск вам заказан на шестом подъезде. До свидания.

Раздался щелчок отбоя.

Я был в растерянности.

Позвонил в крайком.

Там о причине вызова ничего не знали.

– Езжай, – сказал Гречаный серьезно.

Делать нечего. Сажусь в самолет. Лечу.

В голове, конечно, крутятся всякие мысли. Что там случилось? Почему вызывают? Ведь так просто чудес не бывает. Но если даже в крайкоме не знают...

Вопросов больше, чем ответов.

Вот и знакомое здание на Старой Площади.

Красные ковровые дорожки. Мощь, величие, исходящее от закрытых дверей, за которыми вершатся судьбы страны.

Всему этому не придаю значения. Ищу нужный мне кабинет. Вхожу. Представляюсь.

Напротив меня сидит какой-то управленец, важный, как гусь, даже не предлагает сесть и начинает вежливо спрашивать.

– У нас вопросы к вам в отношении продукта комбината.

– Слушаю вас.

– Как паштет попал в крайком партии?

– По приказу объединения.

– Хорошо, объясните мне, вы как гусиный паштет производили?

Я растерялся.

– По технологии...

– Вы анализы готового продукта проводили? – голос моего собеседника меняется в диапазоне от деревянного до металлического.

– А можно мне объяснить, что произошло?

– Вы бактериологический анализ проводили?

– Ну... Мы сами пробовали. После этого не было времени – попросили сразу отправить в крайком...

Я тут же понял, откуда дует ветер.

– Вы как считаете, на законных основаниях продукт комбината, пройдя все нормативы, попал в крайком?

Холодок побежал по моей спине.

– Кто вам вообще дал право, выпускать продукт, который не прошел бактериальный анализ? Вы понимаете, что вы могли отравить людей!?

Я стою ни жив, ни мертв. С трудом нахожу слова:

– Мы все подчиненные люди, есть моменты, когда внешне все развивается. В том, что продукт качественный, я уверен. Мы все делали в стерильных условиях.

– Стерильно-не стерильно, но о вашем поведении будет доложено министру. Мы передадим все материалы о нарушениях в министерство. Вы свободны.

Я как мог изобразил полное и единодушное согласие с вердиктом важного лица и тихо вышел.

Когда я рассказал об этом отцу, он смеялся от всей души.

– Так его пронесло от твоего паштета?! – мощный подбородок отца затрясся от хохота.

– Но самое смешное, папа, продолжал я, – продают этот золотой паштет за копейки. Ты прикинь, себестоимость, с учетом всего того, что мы тратим, в десятки раз превосходит отпускную цену. Ну, каково?!

– В этом и заключается сила нашей социалистической экономики, – с усмешкой ответил мне отец.

Мы залились смехом.

– А как он вообще к тебе попал?

– Да я только потом узнал, что Медунов ездил в Венгрию и попробовал там этот пресловутый паштет. И так он ему понравился, что он решил сделать наш, особенный, кубанский продукт. Специально к съезду партии. Особый подарок. И это была специальная акция, о которой, конечно, мне ничего не сказали. И то, что мы послали в крайком, они взяли да отправили в Москву.

За завтраком Лида невзначай заметила мне:

– Звонила Лариса, ты их с Ильей приглашал в Сочи? Было бы здорово, если бы они приехали, развеялись. Я могу им сказать, что мы их ждем?

– Конечно. А что случилось?

– Да у них ссоры какие-то бесконечные пошли с Ильей. Только чуть-чуть наладилось, как опять. Я и подумала: неплохо было бы им все бросить, поехать отдохнуть!

– Конечно, – откликнулся я. – Им же есть на кого Машу и Люду оставить?

– На бабушку.

– Тем более. Илья – молодец. Я не многих отцов знаю, способных так любить своих девочек.

– Ты, что ли, хуже? – усмехнулась Лида.

– Нет, он реально помешанный. Мне Лариса говорила, он моет их сам.

– Ты мне это рассказываешь?

Я засмеялся.

– Он, конечно, славный мужик... Правильный, повернутый на детях еврейский папаша. А что за ссоры, я не понял?

Лида скептически посмотрела на меня.

– Я же тебе говорила.

– Ты о чем?

– Забыл? Лариса же не хотела Люду. Аборт собиралась делать. От Ильи уйти...

Я вспомнил. Лида рассказывала мне это – тогда информация прошла мимо меня, поглощенного работой. Но сейчас я был поражен.

– Хорошо, родители вмешались, – закончила Лида рассказ. – Настояли, чтобы оставила... слава богу, такая красавица родилась.

– А почему она не хотела?

– Игорь! – Лиде явно было не по душе говорить на эту тему. – Ты знаешь, что там иной раз... Слухи про Илью, когда он в отъезде... Что там чужие языки до нее донесут?! Лариса не была уверена в ответственности Ильи перед ней и Машкой.

– Так все плохо? – Мои брови взметнулись вверх.

– Ну, плохо-не плохо, а лучше этого никому не переживать.

– Понятно. – Я миролюбиво поднял руки вверх. – Сейчас-то у них как?

– Вроде все спокойно! Но Илья по-прежнему бывает дома от случая к случаю. А чем он там занимается?

– Зарабатывает – это уже хорошо.

– Да. – Лида достала из буфета чистую тарелку. Поставил передо мной. Стала накладывать жаркое. – Девочки у Ларисы на куколок похожи, – Лида положила мне на тарелку пышущее жаром блюдо.

– Машка – вся в отца.

– Угу, а Людочка больше на тебя похожа. Заметила? – спросил я.

– Да? – удивилась Лида. – Не замечала.

Я отставил в сторону тарелку.

– А ты приглядиись, вылитая – ты. Ну что? Я сыт. Спасибо. Будешь разговаривать, скажи пусть едут, развеются.

Я поцеловал Лидочку и поднялся из-за стола.

Утро началось с летучки, на которой слушали доклад Тимофеева. Дело касалось выполнения плана по отгрузке продукции. Я слушал молча, даже не прерывая взволнованного докладчика. У меня уже давно выработалась привычка к тому, что меня все боялись.

Лицо вроде бы выражало сосредоточенность и вовлеченность, но на самом деле с каждой минутой я чувствовал усиливающуюся головную боль, которая никак не собиралась меня отпустить. И это ожесточенная борьба с мигренью отражалась в пульсирующей венке на виске. Боль давила на меня, замедляя время, и это раздражало больше, чем все остальное.

Меня вернул к действительности голос секретарши.

– Игорь Алексеич!

Я поднял голову. «Что еще?» – говорил мой недовольный взгляд.

– Игорь Алексеевич, просили передать, сейчас начинается заседание Комитета народного контроля. Вы туда пойдете или нет?

– Да, да, да, – произнес я скороговоркой. (В голове мелькнула мысль: «Я же обещал!») – Сейчас закончим и зайду.

– Ну ладно, – обернулся я к Тимофееву. – Все понятно?! Тимофеев за всех кивнул.

– Тогда всем спасибо. Мне пора.

Я отправился на заседание Комитета народного контроля. Действо уже было в самом разгаре.

Прокопенко подобострастно привстала, когда я вошел, но я подал знак рукой не прерываться, продолжать, а сам уселся с краю стола на одиноко стоящий свободный стул.

Прокопенко была в ударе.

– Товарищи, продолжим наше собрание, – сердито постучала она ручкой по графину, призывая всех к тишине. И свирепо посмотрела на сухонькую старушку, которая стояла перед ней, как школьница.

Я поневоле стал разглядывать нашу работницу. Это была изможденная, с совершенно седыми волосами, женщина.

– Вы как посмели красть соцсобственность – вдруг заорала на нее председательница. – Почему вы это сделали? Отвечайте комитету по существу.

Пожилая женщина стушевалась, съежилась.

– Работаю здесь, на этом комбинате, уже тридцать шестой год, – робко начала она. – Живу в общежитии. Одна я. Детей нет. Господь не дал.

Председательница метнула на нее яростный взгляд.

– Без религиозной агитации здесь, – потребовала она. – Бога нет.

Старушка испуганно начала оправдываться.

Я с интересом посмотрел на Прокопенко. Мне на секунду показалось, что она душевнобольная. Какое истинное удовольствие доставляла ей экзекуция над несчастной женщиной!

– Можете нам не говорить про общежитие, гражданка, у нас таких как вы тут – полный дом. Нас другое интересует... Как вы посмели опозорить весь наш коллектив?

Пожилая работница замерла. Она хватала ртом воздух и от страха и смущения не находила никаких слов. Пару раз она кинула взгляд в зал, где, возможно, сидели ее товарки, но не получила оттуда никакой поддержки. Тогда она сиротливо застыла, и глаза ее стали блеклыми, как выцветшая больничная пижама.

Моя бровь начала произвольно дергаться.

– Воровство социалистической собственности, – Прокопенко возвысила свой голос, – строго карается по закону. А вы совершили именно воровство. Вот как это называется.

Сколько же эта женщина отпахала на нашем комбинате, и почему какая-то гримза может ее так чехвостить?

Работница молча смотрела подслеповатыми глазами на орущую функционерку и прямо на глазах как будто съеживалась. Она становилась все меньше и меньше, а на виске ее – было видно – стучала тоненькая синяя жилка, слабая, как и вся ее жизнь.

– Сколько лет вы отработали на производстве? – спросил я бабушку.

– Сорок лет, – ответила она покорно.

– Так вы сорок лет этими вещами занимаетесь? – встала вдруг Прокопенко.

Старушка испуганно посмотрела на нее.

– Доченька, всю жизнь работала – копейки не взяла! Никогда не позволяла себе этого, а вот баночки эти, каюсь, соблазнилась, взяла. Так много про них все говорили. Очень захотелось гусиного паштетика попробовать.

Я громко отодвинул стул, на котором сидел. Противный скрежет заглушил все звуки. Председательствующая дама вздрогнула.

– Пойдите, – громко обратился я ко всем собравшимся.

Председательница перевела на меня взгляд своих сверкающих глаз, недовольная, что я прерываю экзекуцию.

– Уважаемая, – обратился я к работнице, – мы вас услышали. Больше этого никогда не делайте. А теперь – идите.

Члены комитета на минуту онемели. Первой очнулась председательница. Лицо ее вдруг пошло красными пятнами, и она выпалила:

– Игорь Алексеевич!

– Так! Светлана Ивановна, – посмотрел я на нее строго, – опустим этот вопрос. – И еще суровей посмотрел ей в глаза. Она не выдержала, отвела свой взгляд. – Переходите к следующему вопросу.

Это было неожиданно. Прокопенко потеряла дар речи, видимо, пытаясь переварить собственное унижение, а потом покорно кивнула.

Я почувствовал, что не хочу больше здесь находиться. Молча махнул рукой на Прокопенко и вышел из зала.

В коридоре стояла та несчастная женщина, как будто не зная, что ей делать. Во взгляде ее плескалось море тоски. Изможденная, рано состарившаяся женщина, отпахавшая на этом комбинате почти всю свою жизнь, из любопытства украла пашет, о котором столько говорили. Теперь она стояла в коридоре опозоренная и раздавленная.

Я покачал головой.

XXXVIII

Каждое утро мой водитель Анатолий, как всегда невозмутимый, поджидал меня у подъезда, куря свою неизменную папиросу.

Я уселся в машину.

– Погнали, Толя!

– Как скажете, Игорь Алексеевич!

Машина рванула с места.

Не успел я войти в кабинет, как раздался звонок.

– Игорек!

На другом конце трубки был Тарада.

– Я тут еду в Железноводск через четыре дня. Всю семью везу. Проскочу мимо тебя. Я не хочу никому говорить о своем маршруте. Прошу тебя, организуй, где передохнуть в дороге, просто перекусить, развеяться... И никому не говори, что я еду. Я – в отпуске.

– Анатолий Георгиевич, – откликнулся я, – можете не волноваться.

На примете было одно безлюдное место, которое я давно присмотрел – там можно было отдохнуть спокойно.

Поляна у речки. Поблизости есть еще озерцо.

Я тут же набрал своего помощника.

– Валера, в субботу будем принимать гостя. Надо пикник устроить.

– Игорь Алексеевич, вопросов нет. Как обычно все сделаем: вино, шашлык, зелень, овощи.

– Э-э нет, как обычно не пройдет. Это очень важный гость. Не забудь икру, шампанское, раки, коньяк. В общем – тащи все, что есть.

– Так может оркестр сообразить надо?

– Ты давай не шутики шути, а думай, как подготовиться. Такие гости не каждый день навешиваются.

Я позвонил своему старинному знакомому Жене, курировавшему в институте практикантов.

– Жень, мы выезд организуем на природе. Подтащи своих девчонок, проверенных. Чтоб наливали, обслуживали, за столом следили. Ну, ты понимаешь.

– Понятно, Игорь Алексеевич. Вопросы нет.

– Только я тебя прошу, самых лучших. У нас особый гость.

Не успел положить трубку, как тут же раздался селектор.

– Игорь Алексеевич, – сообщила секретарша строгим голосом, – вас тут Илья Юшваев спрашивает.

– Переведи на меня. – Я схватил трубку.

– Не поверишь, только что тебя вспоминали! – выпалил я.

– Привет, Игорь. Ты тоже не поверишь. Я сейчас в Армавире. Можно заглянуть к тебе?

– И ты еще спрашиваешь? Жду у себя.

Он появился буквально через час. Секретарша провела его в кабинет.

– Игорек! – он радостно распахнул руки.

– Илюша, здравствуй!

Мы крепко похлопали друг друга по плечам.

– Извини, я буквально на ходу! Вот так, без приглашения, – начал оправдываться Илья.

– Какие приглашения? Постой, может, пойдем куда? Посидим... Давай хоть... – я задумался, куда его потащить.

Но Илья протестующее поднял руки.

– Нет, нет, Игорь! Прости! В следующий раз. Сейчас просто хотел тебя увидеть. Надо быстро двигаться дальше. Еду из Краснодара, – пояснил он. – Заготовки, то да се.

Я понимающе кивнул.

Илья совершенно не изменился. Все такой же юный, крепкий... С непослушной упрямой челкой, которая падала ему на глаза. Он с восхищением смотрел на меня, переводя взгляд на стены с портретами наших руководителей, стол, заваленный бумагами. Наверное, в его глазах я выглядел каким-то небожителем.

– Ты что на меня так смотришь?! – воскликнул я.

– Ну ты.. прямо... герой... – немного смущаясь, произнес он.

Потом что-то еще пробормотал, но в его глазах я прочитал все: гордость, радость за меня, за то место, которое я занимал под солнцем.

– Ты сейчас куда?

– Да домой, домой. Дела были. Заготовки. Вот думаю, дай я к тебе заеду.

– Правильно сделал. Как ты сам?

– Понимаешь, дела иногда туго идут. Специфика своя... Шкуры-муры, кондиция-некондиция, но я кручусь. Пока все складывается неплохо. Масштабы у меня, конечно, не такие как у Ильи Владимировича, – Илья уважительно присвистнул, – но... конечно, поддержка – это очень важно. Удобно у тебя спросить?

– Конечно, спрашивай.

– Может, я к кому могу обратиться? Мне шкуры нужны. Я подумал, у тебя – убой.

Он с надеждой посмотрел на меня.

Секретарша постучалась и поставила на стол поднос с двумя чашками чая.

Илюша вопросительно смотрел на меня.

– Ты извини, что тебя этим грузу.

– О чем ты говоришь! Давай так. Ты сейчас спустишься к Жене – это мой зам по сбыту. Поговори с ним. Я его предупрежу.

Я тут же связался с Прокопенко, предупредил его.

– Можешь не волноваться. Он поможет.

Илья готов был броситься мне на шею.

– А у тебя как дела? Как Сережа?

– Растет, растет. Такой мужичок вымахал! Богатырь! – Я засмеялся, – Как Лариса?

– Ну как? Машка уже почти большая. Людочка догоняет. Обе такие замечательные.

– Куколки поди?

– Ох.. я за них боюсь... Вырастут, хвостов парням крутить будут.

Он посмотрел на часы.

– Могу представить, чего тебе стоит удерживать на плаву такую махину.

Во взгляде его читались восторг и радость.

– Я тебе сейчас цеха покажу.

– Игорь, извини, я тороплюсь. Я же проездом, просто хотел тебя увидеть.

Илья как-то резко взгрустнул.

– Ты чего? Что еще?

– Да ты здесь не при чем. С Ларисой опять поругался, – ответил Илья смущенно. – У нас с ней... – он покачал ладонью, изображая лодку.

– Штормит?

– Да, сейчас как-то полегче. После рождения Людочки. А раньше-то было... – Он страдальчески поморщился.

– Ну, ты исправил ситуацию?

– Если бы знать как. Сейчас звонил Ларисе, а она говорить со мной не захотела, трубку бросила. Говорит, я опять шастаю не известно где.

– Господи, и ты на это обращаешь внимание? Обычное дело. Не с той ноги встала, – заметил я.

– Нет. Здесь другое. Я давно с тобой об этом хотел поговорить. Лариса на меня обижается, когда я все время в разъездах. А у меня работа такая. Твоя же понимала, когда ты вообще жил в другом городе. А моя понимать не хочет. Говорит, что я о доме не думаю. А я разве не думаю? Вот сейчас сказала, что я за две недели ни разу домой не позвонил. Как будто Илья Владимирович часто звонил, когда уезжал. У меня что телефон там есть? Я ей говорю, у меня связи нет. А она не верит. Подозревает что-то. Нет, Игорь. Ты скажи, Лариска, может, думает, что у меня там баба? Но ведь это не так. Ей-богу...

Я усмехнулся.

Как Илюша был верен, мы все в семье знали. Вспомнил я и про рассказ Лиды о Ларисе.

– А Лариса говорит, у Машки корь началась, – продолжил Илюша. – Ну что я могу сделать, сам посуди?

Илья глотнул из чашки чай. По лицу его разлился румянец, но спокойней он не стал.

Тут раздался зуммер селектора.

– Игорь Алексеевич, – мягко прошелестел голос секретарши, – вас ждут уже пятнадцать минут на совещании, которое вы назначили.

Я посмотрел на Илью.

– Старик, извини, хорошо сидим. Но у меня дела.

– Все понимаю.

– Слушай, надо почаще видаться. А то что мы все урывками да урывками. Надо, чтобы никто нас не тревожил.

Я ударил ладонью по столу.

– В общем, насчет Сочи решили? Ты едешь? Обещаю, замечательно проведем время.

Илья расцвел.

– Игорь, вопросов нет.

– Ну, тогда, хорошо. Мы с Лидой вас ждем.

На этом мы расстались.

«Удивительное дело! Сколько это человек дарит тепла, – думал я, торопясь на совещание. – Вроде, ничего не происходит, сидим, общаемся, а какое приятное ощущение остается после его визита».

На следующий день я с утра пораньше выехал на поляну, где предстояло встречать Тараду.

Надо было проследить за всеми приготовлениями лично. Чего-то не учтут, что-то не довезут, мелочь, а впечатление будет смазано. Я четко усвоил от отца – надо уметь все организовывать.

Убедившись, что все готово, я выехал навстречу Тараде. Тот появился, как я и думал, незадолго до обеда. Впереди служебной машины шли гаишники.

«Волга» мягко притормозила. Анатолий Георгиевич вышел из машины.

– Привет, Игорек!

– Анатолий Георгиевич!

Мы обнялись. Он похлопал по плечу. Обернулся к подскочившему офицеру-гаишнику:

– Ребята, дальше я сам.

Тот козырнул и исчез. Тарада обернулся ко мне.

– Слушай, Игорек, как я устал... Не верится, что могу хоть немного отдохнуть. И дорога длинная, – протянул он, потягиваясь. Втянул в себя воздух, ободряюще показал

мне большой палец, обвел взглядом пустынные окрестности. Что-то было в этом забытом людьми уголке природы, почти не тронутом цивилизацией, что заставляло чувствовать себя спокойно и умиротворено.

В белом полотняном костюме и шляпе с высокой тульей он казался словно сошедшим из кадра какого-то фильма.

– А воздух! – вздохнул он, хитро щурясь. – Тут бы жить и жить. Не хуже, чем в Железноводске! Как ты тут справляешься?

– Крутимся помаленьку.

– Мы тоже. Ольге Сергеевне, – он кивнул на супругу, которая выходила из машины, – врачи велели съездить на воды. Вот едем выполнять предписания.

– Здравствуйте, Олечка.

– Здравствуйте, Игорь! – улыбнулась она.

Их дети тут же принялись носиться вдоль дороги. Ольга потянулась.

– Ну что, здесь ехать совсем недолго, – обратился я к Тараде. – Последний рывок. Вы за мной езжайте.

Мы снова сели по машинам и отъехали километров десять по проселочной дороге прямо к подножию горы, где протекала Кубань, впадающая в озеро.

Я провел их по маленькой тропинке прямо к небольшой поляне. Там уже давно томились шашлыки. Мужики крутили шампуры. Поодаль стояли два шатра, где все готовили.

Жена Тарады с удовольствием скинула туфли и прошлась по мягкой траве.

– Как хорошо тут у вас!

Она была статной, красивой женщиной. В широкополой белой шляпе, зауженном в талии платье, она казалась всем довольной и милой. Лицо ее, точно вылепленное из мрамора, никогда не знало никаких эмоций, кроме легкой улыбки.

Их дочь и сын, выскочив из машины, бросились ловить бабочек. Ольга Сергеевна наблюдала, как резвятся ее дети, и на губах ее блуждала загадочная улыбка.

Прямо перед нами раскинулось небольшое озерко.

– Дорогая, – обернулся Тарада к жене, – отдыхайте.

– Пока мы будем говорить, ваша жена с детишками может на катере прокатиться, на воде свежо.

– Оля, – обратился Тарада к жене, – а хотите на лодке прокатиться?

Вместо жены радостно откликнулись дети:

– Хотим, хотим!

– Мы и удочки приготовили, – вступил в разговор мой водитель и, показав на спиннинги, тут же ухватился за веревку, подтягивая лодку ближе к берегу. Ольга Сергеевна благосклонно улыбнулась. Она пристально посмотрела на меня из-под ладони и, ничего не говоря, пошла в лодку.

Мотор с треском завелся, и ялик умчал семью Тарады на самую середину озера, где мои помощники начали закидывать удочки. Тарада стоял, глядел вслед семье, и махал рукой.

Цикады принялись стрекотать свой вечный гимн солнечному свету, а мы, разговаривая с Тарадой, двинулись по тропинке к небольшой палатке, что манила своей тенью.

– Жарковато тут на солнце, – пояснил я.

Анатолий Георгиевич кивнул, благожелательно улыбаясь, и пошел следом за мной.

Мы скрылись в небольшом леске. Солнце умерило свой пыл. Казалось, что по всей поляне разлиты нега и покой.

– Да, – согласился Тарада, словно продолжая монолог с самим собой. – Человек на природе – это особое состояние. Ни суеты большого города, ни аврала... Зачем люди не живут всегда на природе, а Игорь?

Я остановился и помолчал, словно давая понять, что любой ответ будет ошибочен. Анатолий Георгиевич, казалось, был погружен в раздумья. Мы подошли к палатке. Я уступил ему дорогу, приглашая войти внутрь. Он удивленно посмотрел на меня. Отодвинул полог.

В глубине стояли две миловидные девушки. Одна – с ярко накрашенными губами, другая – с чуть вздернутым носиком, в красном платье в горошек. В глазах обеих плясал огонь.

Анатолий Георгиевич благосклонно посмотрел на девушек. Те заулыбались.

– Маша, – представилась одна.

– Катя, – добавила вторая.

Полог за Анатолием Георгиевичем задернулся. Я пошел проверять, как идет подготовка к застолью.

По-прежнему стрекотали цикады. Воздух был недвижим. Где-то по озеру плыла на лодке жена Тарады с детьми. От шашлыков сладко тянуло дымком. Пели птицы.

Анатолий Георгиевич вышел из палатки минут через двадцать... Он шел легкой походкой, поигрывая сорванной веточкой. Цвет его лица, блуждающая улыбка и даже марш, который он насвистывал, выдавали в нем человека всем чрезвычайно довольного.

Он подошел ко мне.

– Ну хороши, – протянул он. – Что ж, можно и по шашлычку, – воскликнул он.

Мы стали махать рукой Ольге, подавая знаки причалять.

Ольга что-то прокричала в ответ.

Я помалкивал, смотря вдаль на поле, которое начиналось сразу за небольшим леском.

– Ты смотришь, словно это не поле перед тобой раскинулось, – усмехнулся Тарада, – а твой комбинат.

– Да я, Анатолий Георгиевич, думаю построить спортивный комплекс на комбинате. Это крайне необходимо... Людям отдыхать где-то надо.

Я представил, как могу реализовать идею; это было точно озарение, как будто и в самом деле я видел перед собой не ровные гектары распаханной земли, а теннисные корты и коробку спортивного зала. Мои глаза загорелись. Я помолчал, давая время Тараде вникнуть в масштаб моих замыслов.

Тарада молча поднес к губам бокал с шампанским, пригубил, чему-то улыбаясь.

– А что? Хорошая идея. Ты весь в своего отца, – заметил Тарада, поглядывая на меня, и хохотнул. – Постоянно о каком-то строительстве думаешь? Почему ты не пошел в строительный?

Он подсел ко мне поближе, возвышаясь, словно сказочный богатырь. Какое-то время мы молчали, наслаждаясь величием природы, которая распахнула перед нами свои объятия. Потом Тарада снова повернулся ко мне.

– Игорь, у меня к тебе просьба, – понизив голос, начал он. – Ты не проскочишь с нами до Железноводска, мне надо кое-что сделать. Я потом тебе все объясню.

– Анатолий Георгиевич, можно я добавлю?

Он благостно кивнул.

– Сделаю, можете не волноваться.

Заехав в Железноводск, я выполнил просьбу Тарады. По дороге вспоминал, как тепло мы провели время у озера. «Вот что значит любитель жизни», – бормотал я, выходя из кассы.

Настроение было отличное.

Тарада с семьей остались всем довольны, а я заручился его поддержкой в отношении своих новых планов.

– Куда едем? Домой? – спросил водитель.

– Анатолий, дом нам только снится. На комбинат.

Совещание в этот раз пришлось на вечер.

– Товарищи, мы будем строить спортивный комплекс.

Тимофеев недоверчиво посмотрел на меня.

– Что?

– Спортивный комплекс, – повторил я.

– Зачем? – задал вопрос Жуков.

– Затем, что спортом надо заниматься, – отрезал я. –

По проекту также предполагается строительство теннисного корта и сауны.

– Для гостей? – спросил кто-то.

– Для всех, – ответил я. – И футбольное поле.

Видимо, загадочный ген, доставшийся мне от отца, заставлял меня все делать основательно, строить на века и, даже если это было для всех, – все равно как для себя.

– А финансирование? – не унимался Жуков. – На какие шиши все строить?

– За счет внутренних резервов. Поверьте мне, они есть, – сказал я убежденно. Кроме того, у нас есть деньги, выделенные на капитальный ремонт. Будем использовать и наличные, и целевые – с капремонта.

На огромный стол с хрустом легли чертежи, на которых рукой проектировщиков были нарисованы и футбольное поле с искусственным покрытием, и теннисные корты.

Все, разинув рты, смотрели на то, что я предлагаю.

– Игорь Алексеевич, а мы потянем? – вновь раздался чей-то вопрос.

– Потянем, – ответил я. – Резервы есть.

– А сауна какая? – вдруг заинтересовался неожиданно Тимофеев.

– Настоящая. Финская. И русская, – отрезал я.

– Неслыханная роскошь, – пробормотал Жуков. Лицо его приняло крайне серьезное выражение.

– Перед нами остро стоит вопрос социалки. Людям надо отдыхать, надо иметь возможность восстанавливаться.

Тимофеев с восхищением посмотрел на меня.

– Игорь Алексеевич, – набрал он полную грудь воздуха, как будто собираясь нырнуть, – вы меня знаете. Я за вами хоть в огонь, хоть в воду. Если надо в спортзал – значит, в спортзал. Если проект есть, начнем работать.

– Вот и хорошо, товарищи. А теперь все свободны. С завтрашнего дня начинаем работать.

XXXIX

Я не лукавил, когда говорил, что строить мы будем за счет внутренних резервов.

Оборот, который у меня был, позволял расплачиваться наличными за строительство. При этом мне вовсе не приходилось нарушать Уголовный кодекс. Это был парадокс системы. Ты мог зарабатывать деньги прямо из воздуха.

К первому лету в Армавире я уже успел стать узнаваемым человеком в городе. Разогнал всех лентяев и набрал людей, которым мог доверять. Это позволило кардинальным образом изменить жизнь комбината.

Как-то за обедом Павленко поделился со мной, наклонившись к самому уху.

– Игорь, сегодня люди ко мне заходили, абсолютно надежные ребята, поверь мне, плотно сидят, просили забить

скотину. И мясо положить на хранение. Готовы платить. Нужно твое добро.

Я помолчал.

На комбинат частенько захаживали разного рода уверенные в себе нагловатые личности – одетые из «Березки» джигиты на люксовых «Волгах», которые искали встречи с руководством.

– Жень, будь внимателен. Конечно – это наши полномочия. Мы вправе что-то делать. Это не фондируемые вещи. Но будь осторожен. Система непростая. Обязательно нужно проводить по каждой сделке бумаги через бухгалтерию.

– Игорь, я все возьму на себя. Не беспокойся.

– На все должны быть документы, – строго повторил я. – Смотри сам по количеству: сколько можно пропустить так, чтобы всем было хорошо.

– Игорь, ты даже общаться с ними не будешь. А еще потребкооперация обращалась. Заготовители. У них мяса полно. Девать некуда. Просили положить на хранение – у них там караул. А половину переработать в колбасу. Условия такие же. Комбинату они оплатят все издержки. И такую же сумму – сверху... Поверь мне, этим людям можно доверять.

– Только имей в виду – не подпускай их ко мне! Я их видеть не должен.

Павленко оказался опытным психологом, который хорошо разбирался в людях и четко вычислял, с кем можно работать, а кого лучше обойти стороной.

Встречи, как правило, проходили в ресторанах или более укромных местах. Если Павленко говорил «да» – лица бравых джигитов веселели, и разговор заканчиваясь бутылкой марочного армянского коньяка.

Все это был, так сказать, фон, на котором разворачивались невидимые драмы и трагедии. А суть заключалась

в том, что мяса было больше, чем могли переработать. Продать весь объем сразу не могут – значит, надо положить на хранение в холодильник или переработать в колбасу; или закупили скот, а не знают где забить – без комбината решить это было невозможно.

Как мы и договаривались с Илюшей Юшваевым, через две недели мы семьями встретились в Сочи. У меня там было множество друзей, и встречали меня там, как короля – лично секретарь сочинского горкома с начальником местного отделения Мосмяса Рымаруком. Наш комбинат был основным поставщик мясных изделий в Сочинский регион.

Мы с Лидой приехали поездом, а Илюша с Ларисой на своей машине.

Я настоял, чтобы они разместились вместе с нами в громадном флигеле санатория. Мне хотелось поговорить с Ильей по душам, дать ему какой-то совет, успокоить.

– Игорь, тебя к телефону, – прервала мои мысли Лидочка.

– Игорек, с приездом, – услышал я родной голос.

– Миша, привет!

– Тут ко мне на днях придет Анатолий Георгиевич, – гудел Гельман. – Сам понимаешь, приходи обязательно, ему будет приятно. Я приглашаю.

– Спасибо, Миша!

Ресторанов в то время в Сочи было много – все пело и плясало. Но вне конкуренции был только один – «Кавказский аул», директором которого был Миша Гельман.

Попасть в этот ресторан что называется «с улицы» не получилось бы. Это было одно из самых шикарных заведений подобного рода в Советском Союзе. Качественная кухня, первоклассное обслуживание, незримая атмосфера роскоши и тщеславия делали этот ресторан

одним из самых вожаденных мест отдыха элиты кубанского края.

– Ты понимаешь, куда я тебя веду? – пошутил я, сообщив Илье, что мы будем ужинать в «Кавказском ауле».

Он с удивлением посмотрел на меня.

– «Аул» – это самое недоступное место в мире. Более недоступное, чем Эверест.

Илья рассмеялся.

– Да брось, что я, в ресторанах не бывал, что ли?

– В таком не бывал. Рупь за сто даю.

Илья вошел в ресторан и, как мне показалось, немного оробел. Не то, чтобы он никогда не видел такую роскошь, нет. Дело было не в роскоши, а в том европейском шике, который сумел привнести в своей ресторан Гельман. Там выступало самое лучшее варьете в Советском Союзе. Девушки, высокие и стройные, как березки, плыли по сцене, вызывая исполнением канкана бури эмоций у посетителей.

Тарада появился как царь. Все сразу стали шумно вставать – секретарь крайкома партии не каждый день захаживал в ресторан. Здесь это был Бог.

Тарада был расслаблен и весел.

– А, Игорек, – обрадовался он. – Как дела?

– Все отлично!

Тарада обернулся к Лиде.

– Лидочка! Красавица! Как я рад тебя видеть!

Лида смущенно улыбнулась.

– Спасибо, Анатолий Георгиевич.

Тарада радостно заулыбался, закивал. Обернулся ко мне.

– Давай ты рассказывай. Что нового? Как отец?

– Да, все нормально.

– Это самые лучшие новости, когда все просто нормально.

Тарада похлопал меня по плечу, обратился к следующему.

Людей за столом было немного – человек двадцать. Каждый – на виду. Илья чувствовал себя немного не в своей тарелке. Он, конечно, видел Тараду у меня на свадьбе, но тогда тот не был секретарем крайкома и его не окружало такое количество партийных тузов. Уровень гостей, принадлежащих к краевой администрации, и подострастие персонала при обслуживании, наверное, давили на него.

На столе уже стояло отменное вино – изысканное «Киндзмараули». Поднесли холодные закуски, мясо, шашлыки, красную рыбу, зелень такого изумрудного цвета, который был словно украден у драгоценных камней. Запеченное мясо источало одуряющий аромат.

В тот вечер Миша Гельман превзошел сам себя по части кухни и сервиса. Это был Сочи, который большинством советских людей ассоциировался с мечтами о чудесах социализма.

Мы беспрестанно шутили, рассказывали анекдоты, повышая градус веселья. Было хорошо и весело. Время текло незаметно. И уходить не хотелось.

Илья еще что-то говорил, но усталость уже брала свое.

В три часа ночи мы стали собираться. Все порядком поднабрались и устали. Гельман тепло простился со всей компанией, и мы все пошли в гостиницу. Разбрелись по номерам. Завалились спать. Я спал как убитый, и мне снилось что-то хорошее.

Утром встречаю Ларису – у той круги под глазами, она вся на взводе.

– Лариса, ты чего? – удивленно спросил я.

– Да мы все ночь не спали.

– Какие дамы? – не понял я.

– Мы не спали, – расстроено произнесла Лариса.

– Почему?

– Илью всю ночь рвало. Только к утру легче стало. Хотели уже скорую вызывать, да он отговорил.

Я был искренне встревожен и поспешил в номер Ильи. Тот лежал на кровати весь синий, с кругами под глазами.

– Илюша, ты чего? Перепил? – бросился я к нему.

– Нормально, – слабым голосом ответил он. – Что-то съел.

– Да не может быть, чтобы ты отравился! У Миши не могло быть ничего не свежего.

Илюша печально покачал головой. Оклемавшись, он зашел ко мне.

– Игорь, позволь тебя с Лидой пригласить в ресторан.

Вечером вчетвером мы пошли в тот же ресторан к Гельману, и он принимал нас так же радушно, но сидели мы уже одни. Сидели очень душевно, вспоминали наше прошлое, Кисловодск, и шутили, и смеялись, и долго трепались, не в силах остановиться.

– Илья, – я внимательно посмотрел на Ларисиного мужа, у которого на висках уже были заметны седые волосы, – ты насколько меня старше?

– Да на пару лет всего, а что?

– А волос-то у тебя седой! – я озорно засмеялся. – Уела ты его, Ларка, соки выпила!

Илья сделал серьезное лицо и поднялся с рюмкой в руке.

– Игорь, я хочу выпить за тебя. Я смотрю, сколько ты сделал. Тебя беречь надо, ты у нас особенный!

Лида сидела, польщенная.

– Да ладно, хватит тебе... – отмахнулся я, но искренность, с которой говорил Илья, не могла не польстить. Я почувствовал теплоту к этому человеку.

– Нет, нет... Меня удивляют масштабы предприятия, которым ты руководишь, – продолжал гнуть свое Илья. –

Я был у тебя на комбинате, помнишь, цехов не видел, но видел твоих работников. Они все как ошпаренные бегают. Ты умеешь заставить работать. Вот, казалось бы, у меня тоже производство, но ведь такого размаха даже близко нет. А почему? Мы близкие люди, – Илья пьяно ткнул меня в плечо, – поэтому я говорю, что я думаю. И ты мне рот не затыкай. У нас есть свои мгновения радости, вот этого веселья, как сейчас. Поверь, я этого никогда не забуду. – За тебя!

Мы дружно подняли бокалы.

Илья начал рассказывать удивительные истории про свои заготовки и связанные с ними приключения, а я обрисовывал ему в ответ будни своего комбината.

И главное, повторю, нам было чертовски хорошо и душевно. Мы уединились с Илюшей, и я спросил как у них с Ларисой.

Илья покрутил головой: мол, ни шатко, ни валко.

– Ты это, старик, брось, – урезонил я его. – Все у вас будет нормально. Главное, не обращай внимания. Лида вон тоже по дому с ног сбивается. Ну, работа у них такая, понимаешь. А выплеск давать надо. А на кого им выплескиваться, как не на нас?! Они же кроме детей и четырех стен ничего не видят. Понимаешь?

– Может, ты и прав, – протянул Илья, успокаиваясь.

– А вообще, я тебе как-то уже пытался растолковать: чтоб у мужиков серьезных проблем с женами не было, их надо вовремя целовать, понял? И подарки дарить. А то им одиноко становится. Это психология такая, женская. С ними надо либо у юбки сидеть, либо в дальнее плавание уходить. А промежуточные варианты никому не нравятся. Усек?

Заплатил за всех Илья, и, хотя съедено и выпито было немало, может быть столько и накануне, желудок Ильи воспринял все очень спокойно – никакой идиосинкразии на комфорт и роскошь не продемонстрировал.

– Вот видишь, – пошутил Илья при прощании. – Не идет мне халяга впрок, а когда гуляю на свои, все просто как по маслу.

– Илья, – я положил ему руку на плечо, – ты славный парень! В следующий раз будешь платить за всех нас сам, чтобы ужин показался тебе особенным. Обещаю!

Илюша расхохотался.

Мы продолжили наш отдых.

На следующий день Лида вдруг предложила:

– Игорь, а чего мы все в Сочи сидим?! Давай куда-нибудь съездим.

Я вскинул брови, удивившись капризу любимой:

– И куда же?

– Не знаю. Придумай что-нибудь...

В Сочи в это время работал начальником холодильного отделения Мосмьяса некто Рымарук по кличке «тоннасто». Это прозвище он получил из-за его таксы: он брал по сто рублей за передержку каждой тонны продукции в холодильниках. Он и подсказал отличную идею:

– Игорь! Тут теплоход ходит из Сочи в Ялту, можно сгонять туда, развеяться.

– А что, хорошая идея!

Я поспешил сообщить о предложении Лиде:

– Лидочка, давай прокатимся в Ялту!

– Ялта – это же в Крыму! Туда долго ехать.

– А мы по морю. Тут теплоход отходит в ночь, потом через день вернемся. Проведем денек в Ялте...

– Правда? – удивленно улыбнулась она, – поехали!

Само путешествие в прекрасных каютах было волшебным. Капитана предупредили о том, что мы – особые гости, он лично интересовался, как мы себя чувствуем. Ощущение от путешествия было необыкновенным. Я, кстати, первый раз плавал тогда на круизном теплоходе. И там, и в Ялте – мы ощущали себя почти небожителями.

Мне даже нигде не пришлось заплатить ни одной копейки – Рымарук везде сопровождал нас и «стелил дорожку».

Вместе с Ильей и Ларисой мы провели прекрасно время в Ялте, потом еще отдыхали в Сочи.

Лишь спустя неделю мы вернулись с Лидой в Армавир.

XL

Дела на работе шли своим чередом. Я с головой был поглощен строительством спортивного комплекса. Теннисные корты были почти достроены, шла доделка площадки для футбольного поля.

Но главное – моя гордость – финская сауна.

Специально для нее мы достали сверхдефицитное дерево, особый отделочный материал, поставили бильярдный стол – все там было готово для того, чтобы радовать глаз и принимать дорогих гостей.

Я чувствовал себя первопроходцем, естествоиспытателем в духе Мечникова, который привил к бездушному дереву социалистического хозяйствования нечто неслыханное – заботу о человеке.

За окном стоял теплый мартовский день, в горах еще лежал снег, а в долинах уже всю разгоралась весна. Я за-

кончил разговор с технологом и гадал – успеют ли привезти оцинковку до того, как погода опять испортится. Размышления прервал телефонный звонок.

– Игорь, привет! Троицкий беспокоит.

– Здравствуй, Жора.

– Игорь, у меня к тебе просьба – к тебе заедет сегодня Леонид Тягачев. Пожалуйста, прими его – у него есть одна просьба. Это хороший мужик, старший тренер горнолыжной сборной Союза. Вот такой парень! Проводит командные сборы у нас в горах. Ловят последний снег. А вечером мы уже вместе пересечемся.

– Да-да, приму.

Я с головой был погружен в заботы, положил трубку и почти тут же забыл о визите.

В середине дня секретарша по селектору сообщила:

– К вам на прием Леонид Тягачев.

Я вышел навстречу гостю в приемную:

– Здравствуйте! – улыбнулся я незнакомцу и протянул руку. – Игорь.

– Леонид, – так же просто сказал незнакомец.

Это был двадцатидевятилетний спортивный, цветущий, жизнерадостный мужчина. Ладонь у него была теплая, а рукопожатие – крепкое. «Точно спортсмен», – мелькнула у меня мысль.

– Жора рассказывал мне о вас много хорошего, – радужно произнес незнакомец.

– Врал поди. Георгий у нас человек с фантазией. Проходите, – пригласил я его в кабинет и бросил секретарше: – Два чая приготовь нам.

Леонид с интересом разглядывал интерьер кабинета. Потом не удержался:

– Ну и хоромы у вас – царские! Игорь, за какие заслуги раздают такие шикарные кабинеты?

– Так и заботы у нас – не босяцкие.

– Да-а-а... Хорошо обустроились. Игорь, разрешите вам преподнести наш презент.

И он вручил мне горные лыжи.

Я был удивлен – впервые мне приходилось держать в руках такое снаряжение. Они были импортные, легкие, почти невесомые.

– Да я никогда не стоял на таких, – воскликнул я.

– Так я поставлю, не проблема. Поверьте – это хороший отдых. Великолепно снимает стресс. Никакие шикарные кабинеты не заменят это безумное чувство свободы, которое испытываешь там, в горах. Спуск – это неповторимое удовольствие. Так что, ручаюсь, будем кататься.

– Да, дела, – протянул я, разглядывая диковинные для меня лыжи, отставил их в угол и обернулся к гостю. – Георгий мне сказал, что у вас есть какая-то просьба!

Тот улыбнулся.

– Игорь, вся моя команда днем и ночью спит и видит вашу колбасу.

Я рассмеялся.

– Неужто сборную страны не докармливают?

– Не то чтобы, но... Подкинуть бы нам не мешало... Мужики в команде молодые, кровь с молоком, быка живьем сожрать могут, а им манную кашу только и не дают, – и он снова улыбнулся, просто и естественно, приглашая меня разделить с ним его хорошее настроение. – Если бы ты мог, Игорь Алексеевич, подбрасывать мясо, колбаски, консервы, было бы здорово. На рекорды же работаем. Советский спорт вечно благодарен будет.

– Леонид, это не проблема. Я что-то придумаю. Только накидайте мне – что вы ожидаете по количеству.

Леонид показался мне простым, улыбчивым, без короны. Очень общительный и открытый.

Тем же вечером в парной я обучал Леню законам и правилам банного дела. Жора сидел рядом, делясь своим «богатым опытом» по этой части.

В этой бане мы бывали практически каждую субботу. Обустроил ее начальник Армавирского летного училища – brave генерал-лейтенант, понимающий толк в банном деле. Он делал все по уму – парились мы с молоком, медом, плюс различные травы, которые настаивались и томились там же. Вообще, баня была лучшим способом и местом решения многих важных дел. В облаках пара суровая душа начальников оттаивала и становилась податливей на различного рода компромиссы.

Наша компания состояла из начальника милиции, заведующего торгом, меня, Жоры, генерал-лейтенанта. Иногда присоединялись друзья и гости. Под целебный парок мы не только дружески общались, но и решали какие-то вопросы... Это была братская тусовка, в которую каждый вносил свою лепту: генерал-лейтенант предоставлял баню, я обеспечивал продуктами – хашем, нефilterованным пивом... Словом, чем каждый был богат.

Леня как замороженный следил за моими манипуляциями. А я слушал его рассказы и не верил своим ушам: человек объездил полмира. В его рассказах мелькали Париж, Цюрих, Альпы, Испания...

«Подумать только, – мелькнула мысль, – парню только двадцать девять лет, а он уже где только ни побывал».

– Леня, а ты когда встал на лыжи? – спросил я.

– Да семь лет мне было. Вот твой сынишка подрастет, обязательно на лыжи его поставим. Заодно, – Леня хитро посмотрел на меня, – и его папашу тоже.

– Ну, дай бог. Только учти, я, мужик хоть и спортивный, но летать не умею.

– Покатишься вниз, крылья сами отрастут, – усмехнулся Леня.

– Не знаю, не знаю, – покачал я головой. – А тренером давно?

– Да уж пятый год пошел!

– И как? Твое?

– А я, Игорь, секрет понял...

Жора хохотнул:

– Везде у тебя секреты...

Леня очень серьезно посмотрел на него:

– Просто поставить на лыжи молодых много ума не надо. Грамотно тренировать – это не только в лыжи упираться. Чтобы вырастить чемпиона, его надо холить, баловать условиями: гостиницы, канатные дороги, а еще, – Леня благодарно посмотрел на меня, – кормить не только манной кашей. Разнообразное питание, я это по себе знаю, основа успеха. Плюс лучший инвентарь. На плохих лыжах быстро не поедешь.

– Слушайте, – воскликнул Жора, – мужики, летим в Лаганаки. Ленечка, ты готов представить нам свою сборную, чтобы мы убедились, готовы ли твои спортсмены защищать родину!

В Лаганаки располагалась горнолыжная база нашей сборной.

Жора прищурился и посмотрел в упор на начальника училища. Тот почесал затылок.

– Вопросов нет! – воскликнул тот. – Дам вертолеты.

– Контрольная делегация летит! – азартно воскликнул Жора и спросил. – Леня, а у тебя там спортсменки есть или только спортсмены?

– Жора, ты это брось, – сказал я строго, – там не практикантки, а спортсменки.

Леня засмеялся.

– Жора, девочки у нас – что надо. Будущие чемпионки. Сам увидишь.

– Увидишь, увидишь, – пробурчал генерал. – На дворе весна, а им снег подавай.

Весело шутя, мы продолжали париться.

Вертолет поднял нас на огромную высоту. Внизу как на ладони раскинулись горы, пронизанные жилками шоссейных дорог. Аж дух захватило! Стрекоча, огромная железная машина, покачиваясь, неслась в небо, а я сидел, прилипнув к окну, и не мог оторвать взгляд от открывающейся красоты.

Нас трясло, кружило. Мы тревожно поглядывали друг на друга и ... нервно смеялись. Душу преисполняло предвкушение чего-то необычного.

Наконец мы приземлились на базе. Оказаться в преддверии лета посреди зимы было шоком. Везде лежал снег – километры девственно чистого снега.

Нас тут же окружили спортсмены. Точнее спортсменки, которые, галдя, начали забрасывать Леню вопросами и просьбами. Они встретили его как отца семейства. Тот со всеми было ровен, весел.

А девчонки оказались – загляденье. Глядя на них, я понимал, что это будущие чемпионки, возможно, кто-то из них установит новый мировой рекорд.

Леня показал, как надо правильно стоять на лыжах, тормозить, как управляться с палками, как приседать.

Я оттолкнулся и помчался вниз. Медленно, потом все быстрее и быстрее. По сторонам замелькали ели, все тело напряглось, трасса пожирала все внимание, а спуск – силы. Я думал только об одном: как не упасть!

Километры искрящегося белейшего снега, огромная скорость... Я закричал от счастья и радости.

– Эге-гей!

Горы подхватили мой крик, умножили эхом. Я вдохнул полной грудью... Воздух можно было резать ножом: вязкий, чистый, свежий.

Внизу открылась потрясающая своей красотой долина. Какую еще романтику и где надо было искать? Это был

тот экстрим, которого мне так не хватало в моей размеренной и до скуки обыденной жизни. Я сильнее оттолкнулся палками и помчался вниз.

XLI

Комбинат у нас был громадный, в парторганизации состояло более тысячи коммунистов. Естественно, что с таким составом она имела статус райкома партии.

Секретарем нашей парторганизации был Алексей Викторович Данилов. Это была очень влиятельная должность, не зависящая от администрации комбината.

Той зимой я с Алексеем Викторовичем собрался в Краснодар, на бюро крайкома.

Накануне до позднего вечера он помогал мне готовиться к выступлению с докладом:

– Игорь, не упряжься. Делай, как я говорю. Я на партийном поприще все-таки не первый год, мои советы тебе только на пользу.

– Знаю, – фыркнул я. – Только утомительно, уже третий раз готовим этот чертов доклад, а воз и ныне там..

– Это ты зря так. Все очень хорошо. Особенно, если сделаешь акценты там, где я тебе пометил. Они это любят.

Мы были с Даниловым друзьями, у нас сложились хорошие отношения, и я доверял его громадному опыту в партийной работе. Он во многом помогал мне. Это было исключением из общепринятых правил, обычно руководители парторганизаций держались обособленно, кичась своей независимостью от руководителя предприятия. У многих это вызывало неподдельное удивление.

Не без труда ему удавалось обуздать мое юношеское рвение изменить все и сразу. Он берег меня, чтоб я не набил по молодости шишек.

В путь мы собрались ни свет, ни заря.

– Что, Алексеич, поземка разыгралась, – заметил Данилов, выходя из административного корпуса.

Он подошел к машине, открыл заднюю дверь и начал медленно и неловко залезать на заднее сиденье. Долго кряхтел, устраивая поудобнее свою больную ногу.

– Ревматизм что-то скрутил, – пожаловался он, заметив мой нетерпеливый взгляд.

– Поспеть бы, – озабоченно произнес я.

Данилов вздрогнул и прямо к глазам поднес циферблат часов. Он всегда носил огромные часы, чтобы ему было удобней следить за временем. Его круглое добродушное лицо выдавало добряка. Споров у меня с ним никаких не было. Работали мы душа в душу.

– А где Анатолий? – удивленно спросил я, когда на сиденье водителя плюхнулся неизвестный мне малый с чисто выбритым подбородком. От него пахло машинным маслом и только что залитым бензином.

– Я подменный водитель, Игорь Алексеевич, Игорь Троянов. – Только тут я его узнал. – Анатолий заболел.

– Давай, поехали. Опаздываем, – скомандовал я.

Пурга усилилась. Данилов озабоченно повертел головой.

– Ничего не видно.

– Да не беспокойся ты, Алексей Викторович, – бросил я. – Успеем.

«Волга» нутужно взревела мотором.

– Часа за два поспеем? – спросил я шофера.

– Поспеем, – мрачно кивнул он.

Данилов с хрустом развернул газету.

Я углубился в свои мысли, прокручивал в голове детали своего доклада. Но мысли мои все больше занимала погода. Ничего не предвещало ее ухудшения, и тут – бац! – в день, когда надо ехать в Краснодар – пурга. «А ведь можем и не успеть, – думал я. – Опоздаем».

Водитель вел машину настолько быстро, насколько позволяли дорога и видимость. Но мне было неуютно – новый водитель, казалось, вел менее уверенно, чем мой Анатолий, с которым мы куда только не ездили...

Когда мы выехали из города было еще раннее утро. Свет еще не разрядил зимнюю предрассветную тьму, поземка была как ведьма, машину периодически заносило на поворотах.

– Осторожнее! – заметил я водителю. – Но имей в виду, мы должны быть вовремя.

Тот ничего не ответил, поглощенный дорогой.

Данилов коротко хохотнул за моей спиной.

– Что такое, Алексей Викторович? – спросил я.

– Да так, смешная новость, – он не стал объяснить мне, что его рассмешило, а я не захотел спрашивать и опять погружился в чтение доклада.

Прошел, может быть, час. Я оторвался от бумаг и посмотрел по сторонам.

– Где мы? – спросил я.

– Из Усть-Лабинска сейчас выедем, Игорь Алексеевич, – хрипло ответил мне шофер.

«Плохо... Медленно едем», – подумал я. Обернулся назад. Данилов сидел, погруженный в чтение. Я почувствовал, как у меня сосет под ложечкой. «Съел, наверное, что-то не то», – решил я.

Пурга усилилась.

Я почти начал засыпать, монотонная езда действовала усыпляюще, как вдруг скорее почувствовал, чем увидел: сбоку от меня выросло нечто темное, шофер выматерился, противно закрипели тормоза, и «Волгу» понесло юзом.

Вокруг почернело. Сквозь залепленное снегом стекло казалось, что у нас на пути вырос огромный монстр. Я инстинктивно упал головой на колени водителя, уклоняясь от угрозы.

Бах! Мощнейший удар, и меня с силой швырнуло на лобовое стекло.

Две столкнувшиеся машины, исковерканные, застыли на перекрестке. Вокруг места происшествия стали собираться люди. Из других машин выбежали пассажиры. Испуганные, они подходили к месту аварии, смотрели на разбитую вдребезги «Волгу», охали, ахали...

– Да он весь в крови, лица не видно...

– Жив ли?

– Да как жив? Глянь, весь капот в крови.

Я едва слышно застонал.

– Ты погляди, живой!

– Эй, на каблуке, езжай быстрее дальше! Там в пяти километрах пост! Вызывай скорую! Срочно!

Какая-то машина сорвалась с места. Озабоченные голоса и советы неслись со всех сторон. Пурга усилилась. За два метра ничего не было видно. Из раскуроченной «Волги» с трудом вылез Данилов. Правую заднюю дверь заклинило, и он долго пытался открыть левую:

– Где шеф?! – крикнул он. – Живой? В больницу его!

Он еще что-то пытался говорить, потом как-то неловко покачнулся и стал сползать, рукой царапая борт «Волги».

Снег пошел такой густой, точно хотел замести нас с головой. Вокруг суетились люди. Примчалась скорая и всех пострадавших увезли в больницу. Ничего этого я не видел.

Очнувшись, я не понял, где нахожусь.

Белые стены. Слепящий свет ламп, сверкающий кафель и вокруг много людей, которые суеются.

Я попробовал поднять руку...

– Лежите, – раздался мужской бас.

Прямо надо мной стоял, склонившись, врач. Вокруг в смятении метались доктора, перебрасываясь фразами.

Адская боль пронзила все мое тело. Казалось, что меня разрывают на куски.

– Где я? – спросил я хриплым шепотом.

– В больнице, – раздался участливый женский голос. – Вам лучше пока помолчать.

Где-то под кожей все сильнее разливалась боль. Она текла широким мерным потоком, грозя затопить все тело, а потом овладеть сознанием. Я попробовал сглотнуть ком, застрявший в горле. Из гортани вырвался хриплый стон.

– Молчите, – снова предупредил меня женский голос.

Я скосил глаза, силясь увидеть его обладательницу. Это была медсестричка, перебинтовывавшая мне голову.

Я попробовал оценить размеры катастрофы. Пиджак на мне был порван. Голова, по всей видимости, в крови.

Мне сделали укол. Я почти не почувствовал его. Врач, хирург, который первым заговорил со мной, подошел ко мне, взял в руки иглку и уколол мою пятку.

– Что-нибудь чувствуете?

– Больно, – дернул я ногой.

– Это хорошо, что больно, – обрадовался хирург. – А вот так?

Я опять почувствовал боль и разлившееся за ней жжение. Доктор удовлетворенно кивнул головой, отдал короткое распоряжение.

Медсестра сделала второй укол. Боль усилилась.

Я лежал, распростертый перед людьми в белых халатах, беспомощный, а в голове гудел набат.

– Сообщите в крайком, в Краснодар, – опять прохрипел я.

Медсестра посмотрела на меня сердито.

– Лежите, вам говорят. Скажите спасибо, что вы вообще живы остались. Сообщили уже, сообщили.

То ли от уколов, то ли от шока, я впал в состояние среднее между сном и явью.

Несколько раз мне казалось, что меня куда везут. Я открывал глаза и понимал, что меня в самом деле везут на каталке. Затем меня взяли и переложили на другой стол. Когда меня поднимали нестерпимая боль пронзила все тело. Я закричал.

– Хватит орать! Мне надо проверить, сколько ребер у вас сломано, – сердито пробурчал женский голос.

Врач-рентгенолог не церемонилась. Я захотел ее увидеть, но она стояла вне поля моего зрения. Я пошевелился и тут же застонал.

– Я же сказала, – грубовато откликнулась она. – Сейчас у вас все болеть будет. Потерпите.

Она подошла и стала поворачивать меня на бок, а я опять взвыл, как будто под ребра мне вонзили вилы.

– А-а!

– Потерпи, сынок, – сказала она ласково. – Теперь уже все.

Я стиснул зубы. С тихим скрежетом включился рентгеновский аппарат.

Я лежал, боясь вздохнуть, чтобы не разбудить спящую боль.

– Ничего себе, – услышал я замечание врачихи.

– Что случилось? – спросил я еле слышно.

– Переломан ты весь, вот что.

Она вышла из кабинки и кликнула в коридоре медсестру, что привезла меня на рентген. Вдвоем они снова переложили меня на каталку.

– Если жив буду, отвезите меня домой, – попросил я. – Не хочу оставаться в больнице. Лучше дома.

– Что за капризы! – возмутилась молоденькая медсестричка, толкающая мою каталку. Я чувствовал каждой переломанной косточкой все неровности цементного пола. Взгляд невольно выхватывал тусклые, мигающие под потолком лампочки.

– Вас сшивать надо, а не домой везти, – продолжала увещевать медсестра, не обращая внимания на мои «охи» и «ахи».

– Я говорю вам, – попробовал возвысить я голос, – чтобы вы отвезли меня домой. – Медсестра никак не отреагировала. – Это не просьба.

– Да что ж ты такой капризный! – вдруг взорвалась она, и, бросив меня лежать на каталке в смотровой, куда-то убежала.

Вернулась она с давешним врачом, который сейчас выглядел еще более сердитым и злым. Он равнодушно посмотрел на меня. Потом взял в руки ручку, поднес к самому моему носу и велел следить за кончиком. Начал водить ручкой в разные стороны, потом, нахмурившись, отложил.

– Сотрясение есть, но в принципе не очень тяжелое, – пробормотал он и посмотрел на снимки, лежавшие в изножье каталки. – Переломы тоже, но показаний для операции не вижу.

Он помолчал.

В смотровую вошел еще один доктор. Постарше и более статный. Седые волосы убраны под белую шапочку.

Если бы не очки на носу, я мог бы принять его за мясника с нашего комбината.

Новый доктор также стал смотреть мои снимки, перебрасываясь загадочными фразами со своим коллегой. На меня они вообще не обращали внимания.

– Да-а-а, – сказал тот, что постарше, – удивительно, что он не сломал позвоночник. Судя по всему, повезло. Длительная терапия.

– Здесь я не останусь. Везите домой! – потребовал я.

«Мясник» наконец-то соизволил обратить на меня внимание.

– Мы не можем отпустить вас домой, Игорь Алексеевич.

– Я здесь не останусь.

Доктор усмехнулся.

– Только если под вашу ответственность. Поймите, вам нельзя сейчас двигаться. Вообще. И как вы перенесете дорогу до дома – никто не знает, – озабоченно заявил он и поскреб подбородок с трехдневной щетиной.

– Я согласен терпеть, только везите, – просипел я.

Доктор недовольно покачал головой.

– Зиночка, оформляйте бумаги на выписку. Только пусть он подпишет, что отказывается от госпитализации, – сурово добавил хирург.

Медсестра Зиночка бросилась заполнять необходимые бумаги.

– Вот, – протянула она мне лист, – распишитесь здесь. Я расписался.

– Мы вам сейчас сделаем обезболивающие в дорогу. Так что скоро станет легче, – сочувственно произнесла она.

Затем очень осторожно меня переложили на носилки, и я опять ненадолго отключился.

Пришел я в себя в машине. Это была карета «Скорой помощи».

– Где я? Куда вы меня везете? – невольно испугался я.
– Домой, домой едем, – успокоила меня медсестра.
Я прикрыл глаза.

Лида хлопотала на кухне, Сережка играл в комнате – в свои любимые машинки, когда раздался звонок. Лида вытерла руки, вышла в коридор, открыла дверь и остолбенела.

В коридоре стояли незнакомые люди...

– Лида! – позвал я слабым голосом.

Люди посторонились, и Лида начала сползать по стенке, прижав руку ко рту и издавая протяжное «и», которое издают женщины, в чьи дома приходит горе.

– Да все нормально, Лидочка... Живой, – прохрипел я.

Меня внесли на носилках. Лида начала кричать, хватаясь за голову.

– Живой, живой, – хрипел я, – перестань.

– Что с ним? – кинулась она к санитарам, втаскивающим меня в квартиру.

– Перестань... Видишь, говорить могу, – успокоил я.

Со стороны я, видимо, представлял собой устрашающее зрелище – сквозь бинты проступала кровь, под глазами – черные круги.

Меня с трудом перенесли на кровать. Боль была адской. От малейшего движения в тело как будто вонзались сотни игл. Я застонал.

– Помогите ему, – запричитала Лида. – Как это случилось? – обернулась она к медсестре.

– Как, как? Авария. Скажите спасибо, что живой остался ваш муж, – хмыкнула она.

Должно быть какая-то доза здравомыслия, носившаяся в воздухе, передалась от медсестры Лиде, потому что она вдруг успокоилась и взяла себя в руки.

– Слезами ничем не поможешь. Тут больница нужна, но ваш муж отказался от госпитализации, – и она кивнула на меня. – Ничего, оклемается, – ободряюще произнесла она. – Ну, полежит.

– Сколько? – спросила испуганно Лидя.

– Пока кости не срастутся.

– Успокойся, Лидочка, – подал я голос, – еще плясать буду. Восстановлюсь.

– А сколько это будет длиться? – спросила Лидя медсестру.

Она переводила взгляд то на меня, то на санитаров, то опять на меня. По ее лицу пробежали тени ужаса и сострадания... Наверное, мое расквашенное лицо, все в кровавых порезах, повергало ее в шок.

Я попытался приподняться на локте, это вызвало во мне новый приступ боли, была нестерпима сама мысль о том, что до него могут дотронуться...

– Учтите, ему можно только лежать, – произнесла медсестра.

Глаза Лиды расширились от ужаса. Малейшее прикосновение причиняло мне боль разной степени тяжести: от напоминавшей легкий укус до удара кувалдой...

Я снова попытался приподняться на локте, но руки отказали. Я со стоном откинулся на подушку, ожидая, пока боль отступит.

– Ладно, – сказала, наконец, медсестра, – вот ваши назначения. – Она снова с сожалением посмотрела на меня, потом на Лиду. – Вообще-то вашему мужу нужно стационарное лечение. Никто не знает, какие у него перспективы по восстановлению...

Вместо ответа я слабо махнул рукой...

Медсестра вдруг улыбнулась.

– Игорь Алексеевич?

– Что?

– А вы чертовски везучий человек.

Я прикрыл глаза. Слабость накатывала волнами. Лида пошла провожать санитаров. А я остался лежать, разбитый, неподвижно глядя в потолок.

Лида была очень бледной, когда вернулась в комнату. Плакать она уже перестала, но красные веки и поблекшие глаза говорили сами за себя. Я приподнялся, протянул руку, чтобы взять ее ладонь, успокоить – это тут же отозвалось жуткой болью во всем теле.

Лида испуганно бросилась к столу, где лежали лекарства – поднесла мне горсть таблеток.

– Врач сказала, чтобы ты выпил, когда начнется боль.

Я молча погладил ее по руке.

– Не волнуйся.

– Игорь, как же так случилось?

– Удар пришелся на мою сторону, – прошептал я через силу. – Сказали, что выбросило из машины от удара, но я не помню. Очнулся в больнице.

Я смотрел на Лиду и на душе у меня становилось спокойнее – я был дома, под надежной защитой.

С трудом проглотил таблетки. Во рту чувствовался привкус крови.

– Тебе что-нибудь еще принести? – спросила Лида.

Я отрицательно качнул головой

– Думаю, мне, в самом деле, очень повезло, – прошептал я.

Перед глазами всплыли дорога, снегопад и невесть откуда появившийся грузовик.

«Лишь бы не остаться хромым», – вертелись в моей голове мысли. словно услышав их, Лида произнесла:

– Надо что-то делать! Надо что-то делать! – Как заклинание бормотала Лида, страдальчески глядя на мое лицо.

– Да не выдумывай, выкарабкаюсь, отлежусь...

– А если тебе станет хуже? – испугавшись одной только мысли, воскликнула она, когда я закрыл глаза. – Скажи, что тебе еще дать?

Я покачал головой:

– Ничего.

Как хорошо я теперь знал цену этого благословенного состояния – здоровья, которого вдруг в одну секунду лишился. Этой возможности беззаботно распоряжаться своим телом, не чувствуя никакой заминки, когда хочешь поднять руку или ногу.

Как это все Господь устроил?

– Ты уже лучше выглядишь, – прервала мои невеселые мысли Лиды.

– Вот и хорошо, – еле слышно просипел я. – Зато ты выглядишь еще лучше, чем когда я встретил тебя первый раз.

У Лиды был очень несчастный вид, когда она смотрела на меня.

– Пойди к Сереже, а я полежу, – прошептал я и снова провалился в забытие.

Как в полусне я слышал, как она говорит по телефону.

– Алло, папа? (так она называла моего отца)... Игорь попал в аварию. – Пауза... – Только что привезли, всего в крови... – сквозь всхлипы слова были плохо слышны, да я и не пытался всего расслышать. – В Краснодар ехали. Под Лабинском. – Слова доносились, как сквозь вату. – Он настоял, чтобы привезли домой.

Окончания фразы я не расслышал. Провалился в сон. Когда открыл глаза, Лиды сидела рядом.

– Ты отцу звонила? – спросил я.

Она молча кивнула.

Двигаться я не мог. Лежал пластом. Но хотя бы мог ворочать языком.

– Ты же его напугала...

На глаза Лиде снова навернулись слезы.

– Молчи уже....

Я едва не засмеялся оттого, что мне удалось провести боль, которая, отпустив меня, все еще не возвращалась. Может быть, в самом деле таблетки были такие чудодейственные.

Лида снова тихо заплакала. Вдруг нахлынули воспоминания о том, как она ждала наших первых двойняшек, и мою душу начинали одолевать страхи.

Я очнулся от звонка в дверь. Сколько времени я пролежал в забытьи?

С трудом осилил череду движений, необходимых для того, чтобы приподняться. Наверное, я в этот момент был похож на муху, у которой оторвали крылышки и три ноги в придачу.

В квартиру ворвался вихрь. Еще во сне я услышал трубный глас отца.

– Где он?

Отец ворвался в комнату как был: в пальто, в зимней шапке пирожком и, увидев меня, облегчено выдохнул и подлетел ко мне.

– Живой?! Вижу, что живой! Что случилось? – протрубил он.

– Да вот, пап... – Я откинулся на подушку.

Отец подвинул себе стул и тяжело уселся на него, так что тот жалобно заскрипел. Он внимательно рассматривал меня.

– Что, Игорек? – напряженно спросил он.

– Паршиво! – отозвался я.

– Вижу... Но Бог есть... Ты – жив. – Отец воздел руки над головой. – Что с тобой произошло? Лида толком объяснить не может.

– Ну как же... Авария. В грузовик влетели. Поломало меня всего, как врачи сказали.

– Врачи... Врачи у нас все знают... – отец невесело усмехнулся. – Ты давай, лежи, – велел он.

На лице его появилось жалостливое и сочувственное выражение.

Я закрыл глаза, как бы засыпая. Одно дело командовать, другое самому от кого-то зависеть. Отец внимательно разглядывал меня.

– Руками можешь двигать?

– Да, пап, все в порядке, только ощущения, будто меня трактор переехал.

– Почему в больнице не остался?

– Да что мне в той дыре валяться?! Залечат. Лучше дома...

– Дома... Дома... – передразнил отец... – Ладно... Главное – руки-ноги на месте. Не волнуйся – поставим тебя на ноги. Я договорюсь, поедешь в Москву.

– Да какая Москва, пап?!

– А тут ты кому такой нужен?! – тут же повысил он голос – Вот подлечат тебя – тогда вернешься к своей колбасе. А пока – давай – выздоравливай!

Он обернулся и крикнул в соседнюю комнату, где с Сережей возилась Лидочка.

– Дочка, собери на стол, нам нужно хорошо выпить за его здоровье. Как говорится, чудеса – случаются, но они редко приносят с собой еду.

Я отключился. Опять поскакали секунду и минуты...

– В общем все понятно, – расслышал я снова трубный глас отца.

– Исай, ты где там застрял? Входи... Посмотри на этого счастливого. Лиза!

Я приоткрыл глаза. Моему изумлению не было предела: за спиной отца стояли Исай и Лиза. Я мог представить кого угодно – только не их.

– А вы здесь откуда? – ахнул я.

Лиза склонила надо мной свое уставшее лицо и поцеловала в лоб. От нее исходил еле ощутимый аромат духов. Ее бесконечно добрые глаза оставались такими же, как и прежде, а вот лицо – лицо выглядело каким-то серым и осунувшимся.

– Игорец, – прошептала она. – Я так испугалась, когда Алексей сказал мне. Славу Богу, мы были рядом. Примчались тут же.

Следом за ней возникло лицо Исай. В его глазах плясали все те же знакомые искорки вечно неугомонного искателя приключений.

– Ты молодец, – выпалил Исай. – Мужик! Так держать. Главное – живой, а все остальное – до свадьбы заживет, – и он, довольный, захохотал.

– Значит так, день-два, и в больницу, в Москву. Я сейчас это решу, – пробасил отец.

В каждой его фразе сквозила уверенность. Он поднялся.

– А где мой внук?! – раздался его зычный голос.

В этом был весь мой отец. Мир вертелся под его указку.

Лида тут же появилась в дверях комнаты, держа на руках Сережу.

– О-о, гигант! Ты посмотри, какой богатырь! – затрубил отец. Сережа заулыбался, протянул к нему ручки.

– Узнал, узнал дедушку, – умилилась Лида.

– Лиза, помоги Лиде, – отдал распоряжение отец, словно капитан на мостике. – Надо перекусить.

Он уже уверился, что со мной все будет в порядке и пребывал в своей привычной стихии: командовал, распоряжался.

Опять поскакали секунды и часы.

– Как ты уцелел... – вопрошал риторически Исай.

– Ай, вей! – отвечала Лиза. – Чтобы умереть, всегда достаточно времени!

Она все время заглядывала ко мне в комнату, ненадолго отлучаясь на кухню, где хлопотала Лида и уже устроились отец и Исай.

Они разговаривали о чем-то своем... А Лиза, каждый раз возвращаясь к ним, все время повторяла:

– Нет, это чудо, что ему так повезло.

– Чудес не бывает, – отрезал Исай. – Это везение.

– В Торе сказано: чудеса предназначены для тех, кому недостает веры, – упрямо произнесла Лиза, и губы ее сжались в тонкую ниточку.

– У нас сегодня праздник! Второй день рождения! – басил отец, захмелев.

Несмотря на поздний час из кухни потянуло терпкими ароматами.

Мне казалось, что отец то возится с Сережей, беря его на руки, агукая, целуя в щеки и лобик, то подбрасывает высоко в воздух и слушает, как радостно смеется его внук – наш наследник, и меня переполняло ощущение покоя.

Отец продолжал поднимать рюмку за рюмкой, произнося здравицы.

Он не делал «трагическое» лицо, не старался быть «чутким», он рассказывал анекдоты. С его уст то и дело слетали имена: Геннадий Бровин, Василий Зиняков. Отец пересказывал в лицах свой разговор с Бровиным, секретарем Брежнева, вспоминал, как они познакомились, устраивая одного чеченца на должность директора. Я тогда еще работал в Анапе. Исай охал и ахал, и даже Лиза замирала, слушая среди каких тузов вращается мой отец.

Вся наша маленькая кухня ходила ходуном, когда Исай и отец в два голоса начинали гоготать, радостно и весело, словно отгоняя своим жизнелюбием тоску и уныние, которые принесла в наш дом страшная авария.

Лида тоже повеселела.

Испуг и ужас унесли из нее, как ветер. Теперь она казалась просто задумчивой и усталой. Я вдруг понял, как сильно она была потрясена моей аварией, как были истощены ее нервы, натянувшиеся, как струны. Только самообладание не позволило ей снова расплакаться, но тревога сквозила в каждом ее жесте, каждом взгляде, который она бросала в мою сторону. И все это было порождением той самой секунды, когда она подумала, что я покалечен или того хуже.

Лиде по возможности помогала Лиза. Я невольно рассматривал ее – она выглядела нездоровой. Цвет лица был пепельно-серым. Волосы, некогда пышные, поседели и поредели. Она ходила, повязанная цветастым платком. Я знал, что она переживает трудные дни.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил отец, когда Лиза уселась рядом с ним передохнуть.

– Славу Богу, – просто ответила Лиза.

Отец кивнул.

– Как прошла операция?

– Сам не видишь? – Лиза укоризненно посмотрела на отца, потом дотронулась до платка, который скрывал то, что осталось от ее роскошной шевелюры.

– В мозгу копались, – тихо откликнулся Исай. Он моментально сник при одном вопросе о Лизинем здоровье.

– Ну, а что доктора? – требовательно спросил Алексей.

– Говорят, что надо ждать. Они сделали, что надо, – эхом отозвался Исай.

– Надейтесь, вот и все, что они говорят, – добавила жестко Лиза, и суровая складка пролегла у губ.

Отец покачал головой.

В глазах Лизы постоянно жило страдание, но сегодня, сейчас, видя, что я живой – она была счастлива.

На следующее утро, едва придя в себя, я первым делом спросил:

– Лиды, кто мне звонил?

Она бросилась перечислять. Я перебил ее.

– Поставь телефон возле моей кровати, я должен сам отвечать.

Мне не давала покоя неуемная натура.

– Игорь, я договорилась с медсестрой, ты скажи, когда совсем тяжело будет – сделаем укол, – предупредила Лиды, устанавливая аппарат на стул рядом с кроватью.

– А где отец?

– Папа обещал с утра прийти.

Не успела Лиды это произнести, как раздался звонок и на пороге возникла мощная фигура отца.

Он бросился ко мне в комнату и радостно и удивленно заметил:

– О! Уже телефон подтянул. Во дела! Ты смотри, не прыгай много! Значит, я уже переговорил по поводу твоей аварии. Тебя ждут в Москве, клинике Четвертого управления. Сегодня сам вылетаю туда, вечером все решу. С этим проблем не будет. Главное, как тебя доставить в Москву. Лучше езжай поездом. Сейчас ты на трап самолета не залезешь...

– Да куда там, пап?

– К светлому будущему! – расхохотался он. – Завтра-послезавтра будь готов выехать. Сопровождающих медиков организуешь, то да се... Там и увидимся.

Как всегда он предпочитал действие раздумью.

Его жизнелюбивая энергия порой казалась мне неуместной. Но я и сам полностью унаследовал эту черту его характера, которая выручала меня не раз.

Он еще недолго поговорил со мной, затем простился и умчался в аэропорт.

Я с завистью смотрел на него. То, что я был прикован к постели, было для меня пыткой худшей, чем сама физическая боль.

Я откинулся на подушку. Телефонный аппарат разразился громким трезвонem, так что я даже вздрогнул. Сколько я проспал? Или мне показалось, что приходил отец?

Я поднял трубку:

– Алло. Слушаю...

– Ба! Да ты что, уже сам и к телефону подходишь?! – загремел в трубке голос Жоры Троицкого. – Ты вчера всех тут на уши поставил. Тарада звонил – интересовался что с тобой, да как!

– Ну вот, видишь, как бывает, – тихо произнес я. – Как там актив?

– Да забудь ты про этот актив. Все нормально. Тебе сейчас на ноги становиться надо. Таблетки, медицина, лекарства – только скажи, все организуем.

– Да у меня, вроде, и так все есть.

– Добре, добре – засмеялся Жора.

– Ты мне скажи, как Данилов? – спросил я.

В трубке повисла пауза...

– Давай я к тебе подъеду, если ты не спишь.

– Если любопытно посмотреть на калеку, заезжай.

Через каких-то пятнадцать минут я услышал, как Лида открыла дверь, и в коридоре послышались знакомый гул Жориного голоса, перезвон банок, бутылок, словно в квартиру пришел не один гость, а ворвалась целая компания.

Жора спрашивал, Лида отвечала, шутила...

Сбросив дубленку, он ворвался в мою комнату, превращенную заботами отца и Лиды в больничную палату.

– Ну, здравствуй, Игорь!

Он принялся. По всей комнате тянуло ароматом лекарств, стоявших рядом со мной.

В руках у Жоры был пакет, полный апельсинов.

– Ты точно как в больницу явился... – с улыбкой заметил я.

– Это тебе скрасить серые будни выздоровления и отметить твой день рождения, – протянул мне фрукты Жора.

– Ты же знаешь, на моем дне рождении мы гуляем в конце августа.

Жора засмеялся:

– Теперь у нас будет еще один повод выпить за твое второе рождение.

Его лицо вдруг стало серьезным:

– Да, ты и впрямь у нас в рубашке родился.

– Не буду спорить. Ну, хорош балаболить! Скажи, как Данилов?

– Игорь... – Голос друга дрогнул.

Я удивленно посмотрел на Жору.

– Он умер. Мы не хотели тебя говорить... Такая трагическая нелепость...

– Что? – Мне показалось, я ослышался.

Жора смотрел виновато, и до меня стал доходить смысл этого страшного молчания.

– Как это случилось? – голос мой прозвучал глухо. – Он же сидел на заднем сидении?

– Скорее всего, ударился головой о переднюю стойку кузова.

– Да какая передняя стойка, говорю же: он сзади сидел!

– Игорь, от удара крыша сложилась пополам, а передняя стойка вошла в салон на метр.... Он об нее и ударился. Внешне – только ссадина. Шофер говорит, что он даже из машины выскочил сам... Все бегал, тебя искал. Водитель сказал, последние его слова были: «Где шеф? Нам выступать надо», и упал, прямо там, у машины, без сознания. Его вместе с тобой привезли на скорой... Думали, что ты там самый серьезный, а когда его стали смотреть, оказалось – кровоизлияние в мозг, сразу на стол положили, операцию сделали. Но поздно.

Я с ужасом слушал, что он мне говорил, и в голове моей не укладывался смысл этих слова.

Я – жив, а Данилов – мертв.

Сам собой всплыл голос врачихи: «Счастливы вы, Игорь Алексеевич!», резковатый, высокий... Так вот, что она имела в виду. То, что я должен был умереть, а остался жив, а мой товарищ, который сидел сзади и должен был жить – погиб.

Выходит, я в рубашке родился?!

Я уже не слышал, что говорил Жора.

Голос его был свежий, как весенний ветер. Но я думал о Данилове, о трех его дочерях. О том, как устроены жизнь и смерть. Вспомнил, что Данилов читал газету, и опять, как в страшном кошмаре, увидел, как я падаю головой на колени водителя, словно передо мной кто-то прокручивал страшные кадры – машина мчится, потом неожиданно тормозит, слышен визг шин, и – чудовищный толчок, меня со всей силы швыряет о лобовое стекло, вспышка – ослепительная, яркая, и я уже ничего не чувствую, и не слышу, и не вижу.

Так вот как, оказывается, выглядит смерть!

Кого она обходит стороной? К кому приближается? По всем законам физики я должен был погибнуть.

Каким образом я выжил, мне было непонятно, но это падение меня спасло. А вот Данилов, который был надежно защищен рядом кресел, погиб.

– Ладно, Игорь. Что произошло – то произошло. Ты, главное, сам поправляйся, – вновь донесся до меня голос Жоры. Видимо, в какой-то момент я почти отключился. – Если что нужно, звони, все организуем. Не буду тебя больше утомлять.

Он подошел ко мне, наклонился, пожал руку. Все было как в тумане.

На церемонию прощания меня привезли на скорой прямо из дома. Я простился с другом через открытую дверь кареты, приподнявшись на носилках. Людей со-

бралось видимо-невидимо. Все пространство перед гробом было заполнено венками. Черные траурные ленты как змеи развевались на ветру.

Жена и дети Данилова сиротливо жались в сторонке, отрешенные, выплакавшие все свое горе в одиночку дома, потухшие, обессиленные. Я мысленно пообещал, что сделаю все возможное для его девочек.

На вокзал меня привезли в сопровождении врачей на скорой, осторожно внесли на носилках в купе, выкупленное целиком.

Лидочка прильнула к моей небритой щеке мягкими нежными губами, я почувствовал, соленый привкус слез, которые она тайком проливала, нежно простился с ней, и поезд медленно тронулся – все дальше от перрона, мимо маленьких деревень, кубанских станиц – вперед, в далекую и манящую Москву.

Большую часть утомительного пути я пролежал с закрытыми глазами. От тряски разболелось все тело.

Я чувствовал себя изнуренным путником, уставшим не от ходьбы, а от мыслей о том, не останусь ли я хромым на всю жизнь, скоро ли смогу вернуться к работе.

Я давал себе слово не думать, отдыхать и копить силы на борьбу за выздоровление, которая мне предстояла. «Что такое эти боли, главное, я жив!» – говорил я сам себе.

Теперь я знал цену здоровью, этому благословенному состоянию, когда тело слушается тебя. Как сильно я радовался каждому новому зимнему дню – от одной только мысли, что всего этого я мог бы уже не увидеть.

Медсестра, что меня сопровождала, мягкая, внимательная женщина, сначала деликатно пыталась со мной разговаривать, чтобы отвлечь от страданий, рассказывала о радостях простой сельской жизни своего мужа, который ходит на рыбалку...

Но я слушал плохо, отвечал невпопад. Да и неинтересно мне было. Поняв это, она вскоре замолчала и только периодически интересовалась, как я себя чувствую и не надо ли мне сделать обезболивающий укол.

Вечером следующего дня на перроне в Москве меня так же ждала скорая, которая отвезла меня в больницу Четвертого управления Минздрава, где меня уже поджидала отдельная палата.

Наутро, как и обещал отец, собрался консилиум. Меня вкатили на каталке в облицованное белым кафелем помещение, где было полным-полно врачей.

Засуетились медсестры, кто-то брал у меня кровь, кто-то изучал анализы, затем все суетились вокруг медицинского светила в голубой шапочке, который вошел в сопровождении свиты и молча остановился возле меня, пристально разглядывая снимки, историю болезни и анализы.

– Вы чем-то расстроены? – спросил он у меня.

– Устал, наверное. И боли.

– Скоро отдохнете. А боль пройдет.

– Надо надеяться!

Уже с нескрываемым раздражением я смотрел на его холеное лицо, на белые сильные пальцы, что ощупывали мои кости. Он действовал уверенно, словно священнодействовал.

«Тебе бы так отдохнуть!» – подумал я, а вслух произнес:

– Дело в том, что мне поскорее надо оказаться в строю.

Доктор усмехнулся, строго посмотрел на меня, словно я сказал очевидную глупость, затем кого-то резко окликнул, порывлся в моих снимках, выудил на свет рентгеновский снимок и вперился в него.

– Надеюсь, не безнадежно? – спросил я.

– Безнадежно или нет – решаем не мы с вами, голубчик, а матушка природа или его величество случай, – отве-

тил он, – но могу вам сказать точно одно: мы поставим вас на ноги ровно в те сроки, что заповеданы вам природой, и ни на день раньше. А то, что вам нужно куда-то торопиться, можете спокойно забыть. Понятно? – и он строго посмотрел на меня.

Все это время Лида жила с сыном в Армавире. Все два месяца, что меня латали и чинили, мой заместитель следил, чтобы в доме были свежие продукты и все необходимое.

Буквально через день, несмотря на свою занятость, меня навещал отец. Статный, шумный, он входил в палату, и она как будто сразу становилась меньше.

– Приезжаю, словно поп, исповедовать и причащать, – кричал отец, смеясь. – Ну, как ты тут?

– Просвечивают, греют, массируют, колют... Такое ощущение, что я – подушка для булавок.

– Что-нибудь подвезти надо?

– Пап, тут со мной и так, как с министром, носятся... Как тебе это удалось?

– А как удалось? Почет и уважение. Ты же знаешь, весь секрет только в этом. Все остальное, – он махнул рукой, – только результат этого, – и отец победно рассмеялся.

– Они меня по сто раз на день колют.

– Терпи. Лишь бы впрок шло. – Отец ласково улыбнулся.

– Тут меня профессор смотрел. Сказал, что им велели быть со мной особенно внимательными.

– Правильно велели, – кивнул отец. – Свои ребята. Не волнуйся. Я им, что надо, подтащу.

– Я понимаю, ты так всех закрутил, что они сами не понимают, кто я такой.

– Ты счастливчик, – отрезал отец. – Я говорил с твоим лечащим. Это чудо, что ты позвоночник не сломал.

– Зато сейчас они вполне это могут сделать, потому что массируют меня чуть ли не по два раза на дню. Ты бы видел, какие медсестры тут...

– Вот с этим повремени. Ты на лечении, а не на свидании, – отец опять хохотнул. – Послушай анекдот... Он начал рассказывать, а я лежал и думал, что теплота отца, его жизнелюбие действуют на меня лучше всяких капельниц и уколов. Он смеялся, травил анекдоты, делился новостями о Лиде и своем внуке, спрашивал, что мне надо, заваливал апельсинами и всей той всячиной, что полагалось носить в больницу. Я смотрел на все это, и сердце мое преисполнялось тепла от того, каким заботливым отец может быть, сколько может дарить нам любви, которую, как мне иногда казалось, намеренно скрывает не только от нас, но и от самого себя.

Я медленно поправлялся. И все реже и реже спрашивал сам себя, как я тогда уцелел? Правы были мудрецы, когда говорили: не будь любознателен в том, без чего можешь обойтись. Иначе ты узнаешь больше, чем будешь способен понять.

Периодически мне звонил Жора Троицкий, звонили с комбината, интересовались моим здоровьем. Спустя месяц позвонил водитель Анатолий.

– Игорь Алексеевич, как здоровье?

Я улыбнулся.

– Хочешь мне апельсины привезти? Доктора проверяют на мне последние достижения медицины. Думаю, что их слава окажется не мнимой.

– Игорь Алексеевич, – Анатолий, как казалось, был чем-то обеспокоен, – а что делать с разбитой «Волгой»? Она же почти новая была.

– А в чем дело?

– Она разбита вдребезги. Можно дожидаться экспертизы, предъявить иск и на этом основании потребовать возмещения ущерба. После этого заняться ремонтом...

– Не дожидайтесь, – перебил я его. – Мне все равно нужно ездить. Постарайтесь ее восстановить. Что надо делать?

– Да там кузов нужен новый. Целиком. Остекление. Перекинуть мотор с коробкой, они целые остались.

– Не ждите. Машина должна быть на ходу к моему возвращению.

– Понял. – Анатолий простился.

Я уставился в потолок. Бездействие угнетало. Я тоскиво посмотрел на календарь, считая дни, оставшиеся до выписки.

«Интересно, что сейчас Лида делает?» – подумал я.

Лида возилась на кухне, когда раздался звонок в дверь. Она прикрутила газ – каша для Сережи должна была томиться долго – и пошла открывать дверь.

Перед ней на лестничной площадке стояла женщина с авоськой в руках. Лида не сразу признала мою мать. Турунж была странно одета. В коротком пальто, из-под которого торчали подола трех платьев, надетых одно на другое.

Лида попятилась, мать, оттолкнув ее, вбежала в коридор, и с криком: «Где он? Он умер, да?! Умер?!» – бросилась вглубь квартиры.

Лида поспешила за ней.

Добежав до кухни, Турунж остановилась и жалостливо спросила:

– Где Игорек?

Только тут Лида догадалась, что ей все про меня рассказали, но как всегда бывает со слухами – преувеличив и напугав.

Про мою аварию был осведомлен Захар, мой дядя по матери, живущий в Краснодаре. Что он ей рассказал – неведомо, но только Турунж тут же сорвалась в Армавир, моля всех Богов, чтобы я был жив.

Какие картины нарисовало ее воображение – я не знаю, но только она почти уверовала, что дела со мной обстоят очень плохо.

Лида, как могла, принялась ее успокаивать.

Она слышала столько рассказов про бедную Турунж, но в основном от Хаво! Возможно, перспектива оказаться нос к носу с моей матерью наедине не казалась ей заманчивой.

Она мягко продолжила:

– Турунж, вы не волнуйтесь. С Игорем все в порядке.

Турунж молча смотрела на Лиду, как будто не зная, с кем она говорит.

– Где он?!

– Да живой он, живой. В больнице, в Москве.

Искра недоверия мелькнула в глазах моей матери.

– Это неправда! Все скрывают от меня правду!

Лида растерялась, потом еще ласковее произнесла:

– Пожалуйста, говорите тише, ребенка испугаете!

Турунж ее не услышала. Но ангел Лида продолжила ее успокаивать, рассказывая, что меня хорошо лечат, что опасности никакой больше нет и со мной все в порядке.

Успокоившись, мать обрела обычную долю здравого мышления.

– Покажи мне внука, дочка, – попросила она.

Лида вынесла сонного Сережу на руках. Турунж посмотрела на него, и лицо ее на секунду стало прежним: молодым, прекрасным, словно не было ни тюрьмы, ни лишений, словно она видела перед собой меня.

Она протянула руки к Сереже, чтобы взять его, но Лида испуганно отпрянула.

– Он спит, – прошептала она. – Его не надо будить. Испугается.

Турунж понимающе взглянула на Лиду, потом, кивнула. Ей трудно было совладать с эмоциями.

Чувствовала ли она, что ее боятся, или боль прошлых обид нахлынула на нее? Она встала посередине кухни и снова стала расспрашивать про меня, как будто я был маленький и нуждался в ее защите.

Лида терпеливо отвечала.

Турунж успокоилась. Они еще немного посидели, и она стала собираться домой.

В прихожей Лида сунула ей в карман деньги. Думаю, Турунж этого даже не заметила.

Она ушла, не простившись.

Лиду потом еще долго преследовали страдальческие глаза моей матери, и страшное одиночество, исходившее от нее, которое как шлейф сопровождало ее повсюду, где бы она ни появлялась.

Лида рассказала мне о визите Турунж по телефону и, не удержавшись, добавила:

– Игорь, мне кажется, она такая одинокая.

– Да ты не волнуйся, Лидочка, там есть кому за ней присматривать.

Я тогда не воспринял близко к сердцу боль и тоску Турунж, с головой погруженный в проблемы своего восставления и прочие заботы.

Через два месяца меня выписали. Воистину говорят, если ваш час не пробил, не убьет вас даже медицина.

Доктора Четвертого управления совершили чудо, поставив меня на ноги.

Я вышел из больницы и на секунду замер. Это было такое восхитительное чувство, словно с тебя сняли оковы. Подставил лицо свежему ветру, сдувавшему с меня всю хворь.

После серых больничных потолков небо казалось удивительно ярким. Ветви деревьев раскачивались, словно приветствуя шумом листвы. После больничного заточе-

ния мне казалось, что кружится голова, и земля вот-вот уйдет из-под ног.

Я счастливо улыбнулся. Сделал один осторожный шаг, потом другой. Снова чувствовать свое тело, ходить, двигаться – все эти простые радости наполняли меня новым смыслом жизни. До этого неценимые – они дарили ощущение странного наслаждения.

Меня уже ждала машина, присланная отцом. Поехали в аэропорт, оттуда – рейс домой, в Армавир.

Конечно же, до полного выздоровления было еще далеко. Предстояло сначала научиться ходить без костылей, потом без трости.

Но молодость делала свое дело...

Скоро я бегал, как и прежде. Как сказано древними: всему свой час. Время рожать, время собирать камни, а также – постигать истину.

С истиной у меня всегда были простые отношения: где бы я ни был, она всегда находила меня.

Нашла она меня и в этот раз.

Когда я вернулся в Армавир, ребята уже восстановили мою «Волгу», купили новый кузов.

Авария и все происшедшее тогда могли уже казаться страшным сном, если бы не юридические формальности.

По факту столкновения двух машин, грузовика и служебной «Волги», было возбуждено дело. Должен был состояться судебный процесс.

И вдруг ко мне приезжает мать того парня, который сидел за рулем грузовика. Это была низенькая женщина с широкими бедрами, с грустными глазами и поношенном пальто.

Она вошла в кабинет и остановилась, не зная, что делать, боясь присесть, и так и осталась стоять. Я уже знал про нее. У нее тоже случилась беда. Семья многодетная, растит детей одна, без мужа, пятерых. Парень, который

сидел за рулем грузовика – был старшим. Кормилец и опора. Он служил в армии солдатом-срочником.

Я предложил ей сесть. Не сходя с места, она вдруг умоляюще произнесла:

– Ради бога, помогите мне, это мой первенец, его могут посадить. От вас многое зависит. Если не будете предъявлять иск, это может смягчить приговор, а если напишите, что это было несчастный случай...

Она не договорила. Ее неподдельная скорбь и отчаяние говорили сами за себя.

Что-то шевельнулось в моей душе. Данилова было уже не вернуть. А губить еще одну жизнь, ни в чем, в общем-то, не повинного парня?..

– Успокойтесь, что могу, я сделаю. Пусть ваш сын придет ко мне, хочу поговорить с ним, – сказал я ей тогда.

Он не заставил себя ждать. Приехал почти тотчас.

Я задал ему пару вопросов. Смотрю – нормальный пацан. Ну, посадят его в тюрьму. Он оттуда уголовником вернется.

Я тогда принял для себя единственно правильное решение. Поднял трубку телефона, набрал номер прокурора города:

– Бабаев на проводе, соедините меня с Сан Санычем.

– Алло, здравствуйте, Александр Александрович, это Бабаев.

В ответ в трубке раздалось приветствие.

– Да, все в порядке, спасибо. У меня вот сейчас парень сидит – водитель грузовика, с которым мы столкнулись по пути в Краснодар. Это беда. Зачем делать вторую? Постарайтесь закрыть это дело. Жаль парню судьбу ломать. У него мать одинокая. Он единственный кормилец. У меня материальных претензий никаких нет. Поэтому, прошу, по возможности постарайтесь не ломать парню жизнь.

Я положил трубку, посмотрел на парня.

– Ты все слышал.

Он смотрел на меня как на Бога.

– Игорь Алексеевич, Игорь Алексеевич... – только и повторял он.

– Все, иди! – я махнул рукой.

XLII

Стояла ранняя весна. Деревья казались как будто высеченными из мрамора на фоне сине-белого неба. Листва, еще совсем нежная, только-только тронула ветви деревьев, и мир казался юным, как в самом начале творения.

Лидочка показалась мне какой-то насупленной.

– Ты о чем задумалась, Лидуся?

Коляска с ребенком наехала на сухую ветку, а Лида этого даже не заметила.

– Привыкла к мысли, что дома все хорошо, а когда мама невесела, то и у меня все из рук валится.

– А что случилось? – удивился я.

– Да у папы что-то там не клеится. Мама говорит, он сам не свой. Без работы сидит. А когда работы нет, тут поневоле начнешь задумываться. Я не очень понимаю, но мне кажется, что у мамы с папой не все гладко.

– Ты о чем, Лидуся? Анна Григорьевна, да она просто ангел... С Ильи, кажется, только что пылинки не сдувает.

– Нет, Игорь, я по-женски чувствую. Мама на папу за что-то сердится.

– А в чем проблема?

– Говорю тебе, не знаю. Я это сердцем чувствую. А на словах только одно – папа сидит дома или играет с друзьями в карты. Куда-то ходит, нигде не работает. Я так думаю, сбережения кое-какие есть...

– Поверь мне Лидочка, зная твоего папу, они у него довольно серьезные.

– Я чувствую, между ними что-то изменилось. – Лида замолчала. – И почему то одно, то – другое, – горестно вздохнула Лида.

– Ты еще спроси, откуда в мире зло? То ты жаловалась, что папы нет дома – это плохо, то теперь – он сидит дома – и это тоже плохо?

– Ну, Игорь! Мама ничего не говорит. Откуда я знаю, что у них там происходит. Стоит мужчине остаться без работы, как на него тоска нападает.

– Ты это всегда говоришь, – возразил я.

– Так на себя посмотри... Пока ты в больнице находился – какой был? Даже не знаешь, что тебе важнее – работа или семья.

– Ну, Лидочка, это запрещенная тема.

– Маму видеть расстроенной мне не по душе.

– Я подумаю, что могу сделать.

Лида улыбнулась и поцеловала меня. Затем одарила лучезарной улыбкой и снова обняла.

– Я тебя не узнаю! – нежно нашептал я ей.

– Перестань, здесь же никого нет.

– А Сережа?

Мы оба рассмеялись.

Я поцеловал ее. В лучах заходящего солнца ее лицо светилось нежнейшим персиковым цветом, который, казалось, мог оценить только величайший художник мира.

Я почувствовал, как душа моя воспаряет. Нежность и доверие, которые посылал Лидин взгляд, становились частью моей души, залогом того самого светлого, что нас ожидало.

– Ты меня сводишь с ума, – прошептал я. – А насчет отца не волнуйся. Мы что-нибудь придумаем.

Я вошел в кабинет прокурора города. Тот сидел за столом.

– Присаживайся, Игорь Алексеевич, вот почитай.

Он бросил на стол передо мной лист, исписанный четким почерком.

– Что это?

– Тебя касается, – он замялся.

Это было неподписанное письмо, в котором говорилось, что это я сидел за рулем машины, попавшей в аварию. Почему делали такой вывод? Только потому, что я восстановил за государственные деньги кузов служебной «Волги», потратив на это три с гаком тысячи народных рублей, тогда как возместить эти деньги должны были граждане, виновные в аварии. Может, виноват был все-таки я, раз защищал солдата-шофера, не стал предъявлять ему материальных претензий! И вывод – я нанес материальный ущерб государству.

Чушь несусветная!

– И что? – спросил я. – Что можно спросить с несчастной многодетной женщины и ее нищего сына?!

Прокурор развел руками.

Жестокость людских сердец, желание во что бы ни стало испить чьей-то крови так и сквозили в каждой строчке этого письма. Как я мог через суд отбирать деньги у нищей женщины?!

– Я понимаю, что эта анонимка – наговор. Но факт оставался фактом. Я должен как-то прореагировать.

– Ну, реагируйте, что я могу сказать.

Кто стоял за этим доносом? Кому моя персона не давала покоя? Как говорили мои предки: «Человек редко умирает собственной смертью». В девяноста девяти случаях из ста к этому приводит зависть людская.

Конечно, дело развалилось, но нервы мне достаточно потрепали. Про доброту людскую я с тех пор имею очень четкое представление.

Когда я рассказал об этом отцу, и про анонимки, и про слухи, что за рулем сидел я, он усмехнулся и сказал:

– Знаешь, мне твой дед все время говорил: «Тот, кого не преследовали, тот не еврей». Каждый из нас повинен в чужих грехах. Привыкни к этому. Зависть – последнее из чувств, которое отмирает в человеке. Таков наш мир.

Мы оба горько посмеялись. Это был тот самый редкий момент, когда мы чувствовали полное взаимопонимание друг с другом.

– Так что, Игорь, позаботишься о ближнем – потом судьба позаботится о тебе в трудную минуту.

– Кстати о ближних! Пап, тут у Ильи ситуация некая возникла, – сказал я. – Он без работы сидит. Как ты думаешь, удобно мне обратиться к Анатолию Георгиевичу?

Отец задумался.

– Игорек, наверное, будет правильной, если я с Ильей сам подъеду к Тараде. Я его «подвяжу под себя», а там и проблему решим. Мы все равно с ним встречаться будем, – подытожил отец.

Я согласно кивнул.

Мы еще поговорили про наши семейные дела и тепло простились.

Как и обещал, отец вскоре приехал в Краснодар. Туда же помчался и Илья Владимирович. Они договорились встретиться в ресторане.

В полутемном зале со стенами, выкрашенными салатовой, точно листья по весне, краской, было пустынно и прохладно. Из кухни пахнуло чем-то жареным, пряным, дразнящим. Отец помахал рукой, показывая: «Чуешь смак?», и обнял Илью.

– Черт, Илюша, ты отлично выглядишь?

– Спасибо, Леша, на добром слове. Но за красивые глаза еще никто копейки не давал.

Друзья рассмеялись, похлопали друг друга по спинам, снова обнялись – крепко и торжественно, будто позируя невидимому художнику.

– Ну-ка, давай, махнем за встречу. – Отец поднял рюмку.

В последний раз, когда он видел Илью, тот выглядел импозантно, как денди, – подтянутый, с аккуратно зачесанными назад волосами, в шикарном импортном костюме со щеголеватым платочком в нагрудном кармане.

Илья поднял свой бокал.

– Ты тоже не меняешься, Леша. Но самое удивительное, кажется, никогда не устаешь! Сколько тебя знаю, ты все время будто только что после хорошего курорта.

Отец рассмеялся.

– Ты бы знал мои курорты, – произнес он, со значением поглядывая на Илью. Вокруг услужливо сновали официантки. Отец обратился к одной:

– Тащи все, дочка...

«Дочки»-официантки исправно раскладывали все, что требовалось по правилам совершенно ненужного, но тем не менее обязательного, этикета.

Стол стремительно преображался – нежнейшая золотистая картошечка, рыбец, свежайшая форель, громадное блюдо с изумрудной зеленью, отливающие рубином помидорчики, нефритовые огурчики, запотевший графин с водкой.

Отец закинул щедрый пучок зелени в рот.

– Ты как будто чем-то недоволен, Илюша. Али какая дивчина отказала?

Мужчины рассмеялись.

– Да мне в моем положении сейчас только и смеяться, – откликнулся Илья Владимирович.

– Об отдыхе подумываешь, что ли? – фыркнул отец. – Ты же молодой мужик, Илья! Ты это перестань, – хохотнул он. – Успеешь отдохнуть, хватит дурака валять, давай к нам на Кубань, защита есть.

Илья Владимирович развел руками, как бы говоря: кто же против?

Отец провел рукой по роскошной шевелюре, направляя волосы назад.

– Как дети?

– Дети нормально. Все при деле, чего больше желать?!

– Ну, это главное, – согласился Алексей.

Мужчины помолчали.

– Вас сразу и не найти. Как партизаны спрятались! – раздалось за их спинами.

Отец стремительно обернулся, улыбка расплылась по его лицу. Он поднялся, следом за ним встал Илья Владимирович. Анатолий Георгиевич возник неожиданно. Огромный, веселый, открытый.

Они с отцом обнялись. Тарада обернулся к Илье Владимировичу, церемонно обнял и его – крепко и торжественно, словно винясь в том, что они видятся не так часто, как хотелось бы. Рядом с Тарадой и отцом Илья Владимирович казался каким-то шуплым.

Они словно олицетворяли собой выражение «довольные всем люди». Свобода, которой они пользовались, целиком происходила от власти, которую они имели. По крайней мере, двое из них.

Друзья перебрались в отдельный кабинет: тот самый знак внимания, который повсюду на Кубани сопровождал отца и Тараду. Уселись по кругу, на равном расстоянии друг от друга, словно бойцы, готовые похвастаться ратными подвигами.

Представлять Илью Владимировича Тараде нужды не было. Они познакомились еще на моей свадьбе.

– Ну что ж, давайте за встречу, в горле пересохло, – начал отец.

– Потом выпьешь, сейчас мы будем есть, – высоким тенором запротестовал Тарада.

Тембр его голоса был каждый раз особенным, словно он играл на нем как на музыкальном инструменте.

Отец любил эти непринужденные посиделки со старыми товарищами, когда каждый говорит, что у него на уме, не особенно стесняясь в выражениях:

– Есть? Что за выдумки? Кто ест во время встречи старых друзей?

– Хочешь не хочешь тебе придется поесть, – гнул свое Тарада, подмигивая Илье. Мол, не тушуйтесь и не обращайтесь внимания, пока мы с ним не обменяемся положенным числом колкостей, разговор не начнется.

– Ладно, когда он настаивает, приходится есть, – откликнулся отец. – Видишь мой живот?! – он ткнул Илью в бок. – В него войдет все, что есть на этом столе, и все равно он не наполнится. Почему так происходит, не знаю. Но я не пьянею. Со временем наука попытается раскрыть мой секрет. Может, докопаются до какого научного открытия.

Отец, смеясь, поднял рюмку с маслянистой белой жидкостью.

– Гора с горой не сходятся, а люди – постоянно! – провозгласил он.

Тарада одобряюще кивнул:

– За встречу.

Алексей хитро посмотрел на него.

– Я тут читал в местных газетах все, что ты говорил позавчера на партактиве. Ты, как всегда, на высоте. Вос-торг.

Тарада мягко улыбнулся.

– Хватит надо мной издеваться. Так я и поверю, что ты что-нибудь читаешь.

– Ну уж, газеты обязательно читаю, надо быть в курсе, – просто ответил отец. – Мы чувствуем себя на Кубани прекрасно, потому что здесь есть ты, – произнес он, по-прежнему хитро улыбаясь.

Тараду словно погладила по руке красавица. Было видно, что ему приятны слова моего отца.

А отец знал бесчисленное множество таких прибауток и мог травить их часами.

Тарада на секунду обхватил голову руками, а потом снова поднял глаза.

– Ох, моя бедная мама, – начал рассказывать он. – Она мне часто говорила: Толя, в этой жизни прав тот, у кого рот больше – больше и проглотит. В Бессарабии у нас есть блюдо «мамалыга», наша – особенная, ты должен знать, – толкнул он в бок отца, – это не то, что у вас, на Кавказе, у нас она по-другому готовится. Так вот, в нашем городе готовить настоящую молдавскую мамалыгу умела только одна моя русская мама.

– А я всегда считал тебя евреем, – усмехнулся отец.

Тарада заржал во все горло.

– Но больше моя мама ничего молдавского готовить не умела, – продолжил он. – Зато какими у нее получались украинский борщ или русские пельмени! Шеф-повар самого лучшего московского ресторана отдыхал, когда она готовила. Она была необычным человеком. Верила всему, что ей не скажешь. Можно было показать ей Луну и ска-

зять ей, что это Солнце, она бы поверила. Но чутье и интуиция у нее были, какие Бог дает только гениальным математикам или доверчивым людям. Она могла безошибочно угадывать, кому подфартит, а кому – нет. Если она советовала брать прикуп, я ее всегда слушался. Если она говорила: «Постерегись», я обычно говорил «пас» и всегда оставался в выигрыше! До сих пор не пойму, как она это могла? Вот где загадка, которую ни один ученый не разгадает. Если бы ее фамилия была Мессинг, я бы понял, но моя бедная мама... – И он удивленно развел руками.

– Мало ли чего нельзя объяснить, – эхом отозвался молчавший до сих пор Илья Владимирович.

– Вот-вот... – согласился отец и заговорщически перешел на шепот, склонившись к друзьям. – Я верю, что Бог – есть, и в этом нет сомнений, не при секретаре крайкома будь сказано, – прошептал он хитро, – но раз Он, – отец указал пальцем в потолок, – прячется последние две или, сколько там, тысячи лет, не появляясь ни перед кем, даже самым благочестивым из нас, стало быть, мы никак ему не обязаны. Тогда что? Остается следовать советам земных мудрецов: «Ешь, пей и наслаждайся!»

И отец победно захохотал, поднимая очередную рюмку.

Да, воистину искусство ведения беседы вечно и безгранично, как и сама Вселенная! Ничего человека не радует так сильно, как задушевная беседа.

Мужчины трепались долго и обо всем. Они затрагивали тему и искусно вели ее как виртуозные скрипачи мелодию на старинной скрипке. Таких тем у них могло быть великое множество: вчерашний футбольный матч и сегодняшнее настроение Медунова, очередное постановление партии и свежий анекдот от Ильи Владимировича.

Друзья давно уже отодвинули тарелки и расслабились, наслаждаясь атмосферой доверия.

Но подлинное искусство разговора заключается в том, чтобы в нужный момент вставить правильное слово: Алексей упомянул про проблему Ильи.

Тарада моментально протрезвел и задумался.

– Нужна работа? – переспросил он, как бы желая удостовериться, что понимает все верно.

Отец кивнул.

Тарада помолчал, что-то соображая, потом хлопнул ладонью о колено.

– О чем разговор? Как можно не помочь такому человеку! – Тарада опрокинул рюмку. – Я все улажу. Илюша, вопрос решен. Завтра позвоню и скажу, куда тебе подъехать.

Илья Владимирович с достоинством поблагодарил Тараду и поднял за него тост. Отец, заметив, как Тарада начал умоляюще махать руками, словно говоря Илье «Ну что вы, какая мелочь, забудем!», воскликнул, лукаво поблескивая зрачками:

– Как говорили мои предки, тот, кто подстрекает творить добрые дела, величественнее того, кто их вершит.

И все трое разразились смехом, поднимая рюмки за Алексея.

Ситуация Ильи была разрешена с такой теплотой, братской заботой и непринужденностью, что это не вызвало у него никакой напряженности. Готовность помочь, открытость и легкость, с которой отец проделал это, просто вдохновляла.

На следующий день Илья Владимирович одним звонком был назначен директором заготовительной конторы Лабинска – небольшой станицы неподалеку от Кисловодска.

Мне не терпелось увидеть Лиду, рассказать, что проблема решена. Когда я приехал вечером домой, она меня огоршила.

– Я звонила домой. Мама мне все рассказала про встречу.

Лидочка благодарно поцеловала меня в щеку.

– Спасибо тебе за папу. От кого, как не от тебя, ему ждать подмоги?

– Во-первых, тут нечего благодарить, во-вторых, это скорее моего отца благодари.

– Я думаю, папа, честно говоря, другого и не ожидал.

– Родные на то и родные, чтобы вытаскивать друг друга из различных ситуаций, – заметил я.

Лидка пристально посмотрела на меня. Она смотрела на меня так долго, что я удивился. Разглядывала так, словно видела в первый раз. Наступила пауза. Она длилась так долго, что казалось, в комнате зазвенел сам воздух. Затем Лидка подошла и поцеловала.

– Ты такой колючий, Игорь. Но я тебя люблю.

– Еще бы ты меня не любила, – отшутился я. – Кого бы ты тогда могла пилить?

– Я тебя не пилю, неправда, – Лидка пождала губы, как маленькая девочка. Взгляд ее говорил: не дразни меня.

– Ах, ты меня не пилишь? Значит, ты у меня самая лучшая жена на свете.

Я обнял свое сокровище. Наши тени, соединившись на стене, напоминали одного человека. Наверное, это и есть счастье, когда даже ваши тени кажутся одним целым.

– Ты знаешь, мама решила ехать с папой в Лабинск, – огорошила меня Лидка.

– Зачем? – удивился я, размыкая ее объятия.

– Я сама не понимаю. Говорит, что папе нужна забота.

– Столько лет она думала иначе, позволяя ему по полгода пропадать на заготовках?! – удивился я.

– Я же тебе говорила... – Лидка с укоризной посмотрела на меня. – У них сложный период. Я думаю, пока дома

были все мы, я, Лариса, Володя, маме было чем заняться, а теперь... мне кажется, ей тоскливо. Лариса живет своей жизнью, я – своей. Она совсем одна дома. Целыми днями. И потом, она же хочет поддержать папу. Думаешь, она не видит как ему тяжело?

– Если она начала видеть это только сейчас, то она очень хорошо скрывала, что у нее хорошее зрение, – пошутил я.

– Да ну тебя... Ты не понимаешь, ведь для мамы это испытание.

Я удивленно посмотрел на Лиду.

– Она первый раз покидает дом. Столько лет жить на одном месте, и теперь представь... Они едут на все чужое.

– А где они там будут жить?

– Мама говорит, снимут дом. Не знаю. Никогда она еще с папой никуда не ездила, а тут вдруг такое желание. Я ее отговаривала, но она ни в какую.

– Ладно, посмотрим, что у них получится, – закончил я. – Я уверен, что Илья Владимирович со всем справится.

XLIII

Станица, куда Илья Владимирович привез Анну Григорьевну, произвела на нее впечатление с первой же секунды, как только они вышли из машины.

Несколько мужиков в кирзовых сапогах и суконных серых пиджаках, с кепками-блинами на плешивых головах толковали о чем-то, сбившись в кружок посередине двора. Мужики на секунду прервали разговор, чтобы посмотреть на машину и вышедшую из нее Анну Григорьевну, и опять загалдели, отчаянно жестикулируя и матерясь.

Чуть поодаль в ожиданье стоял пастух с кнутом в руке. Он был в длинном прорезиненом плаще-дождевике, с окурком, прилипшим к нижней губе, в кирзовых сапогах с налипшей на них грязью. Синюшная его физиономия говорила о его образе жизни красноречивее всех слов. Местечко казалось не от мира сего. Точнее, не от того мира, к которому привыкли Лидины родители.

Смеркалось. Темнота стала стремительно заполнять площадь, зарядил мелкий, противный дождь, стуча по крышам и подоконникам, точно град. Где-то вдали гудели паровозы: пронзительно и надсадно, точно вызывая друг друга на поединок. Немногочисленные фонари, освещавшие единственную площадь, которую-то и площадью назвать язык не поворачивался, казалось, только усиливали, а не разгоняли мрак.

Это была то самое место, где им предстояло жить вдали от родного дома невесть сколько времени.

Анна Григорьевна поехала.

Илья Владимирович предусмотрительно снял квартиру, которую им подсказали новые знакомые в заготконторе.

И они начали жить как истинные молодожены – на новом месте, наедине друг с другом, привыкая заново выстраивать отношения.

Бытовая жизнь потекла размеренно и скучно в своем занудном постоянстве: Илья Владимирович работал, а Анна Григорьевна занималась домашним хозяйством. Хотя никаких особых хлопот, кроме как что-то постирать, погладить, да приготовить поесть, у нее не было.

Всю жизнь она привыкла готовить на всю семью, следить за тем, чтоб сорочки у мужа были чистыми и выглаженными, да и за детьми успевала приглядывать. Она была создана для домашнего очага и уюта. Весь дом держался на ней, благодаря ее ежедневной работе! Здесь же все было иначе – у нее появилось время, которое совершенно нечем было занять, ибо все уже было давно приготовлено, белье постирано и поглажено, в доме убрано, а день еще и не думал заканчиваться.

И если бы кто-то со стороны решил, что у них наступила семейная идиллия, то он бы жестоко ошибся.

Однажды отец спросил меня:

– Как там идут дела у Ильи? Давно от него не было слышно вестей?

– Хорошо, пап, насколько я могу судить. С ними Лида чаще общается. Но, вообще, он попал в интересную ситуацию, как мне кажется.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался отец.

– Только то, что мне говорит Лида и видят мои глаза.

И я в двух словах рассказал что думаю.

Лишившись доходной части, Илья Владимирович пребывал в некоей растерянности. Для хозяина дома, для главы семейства это было болезненно не только с точки зрения отсутствия больших денег, но и совершенно по другой причине, более глобальной – потерять работу для еврей-кормильца значило больше, чем просто остаться без доходной части.

Это было сродни потере авторитета в обществе, где твой ценз в глазах жены неизменно поддерживается количеством приносимой добычи. Если добычи становится мало, твой авторитет падает.

Это было не праздное наблюдение. Это была реальность, за которой стояли вековые традиции семейной жизни.

Внутреннее смятение Ильи Владимировича было настолько сильным, что не могло не проникнуть в душу Анне Григорьевне. Дети уже выросли и вылетели из родного гнезда. Родители остались предоставлены сами себе.

Именно тогда Анна Григорьевна и решила ехать в Лабинск с мужем. Может, таким образом она хотела поддержать Илью Владимировича. Загладить былые годы невольного отдаления, которое наступает, когда быт и выросшие дети постепенно отдаляют мужа от жены, превращая их просто в добрых друзей.

К моменту приезда в Лабинск Анна Григорьевна казалась чуть поблекшей, но не потерявшей стати и красоты

еврейской дамой с черными, иногда вспыхивающими искрами внимательными глазами. Она понемногу стала обживаться и даже строить какие-то планы.

Всю жизнь она нигде не работала, была домохозяйкой... И вдруг, оказавшись на периферии, захотела наверстать упущенное – записалась на бухгалтерские курсы, в надежде со временем найти работу.

Она не сомневалась, что у нее все получится. Тем не менее действительность разочаровала ее ожидания. Работать, разумеется, она никуда не пошла. Не смогла устроиться или не захотела – не известно. На пару со своей тенью она целыми днями вела хозяйство, убирая их маленькие, сумрачные комнатки, в которых никто не говорил, кроме радио, а в свободную минуту листала книжицу из тех, что взяла с собой.

Ее баулы, привезенные с собой, так и не разобранные, стояли на видном месте, затянутые тусклым полиэтиленом, словно напоминание о том, что она в любую минуту может сорваться обратно к дочерям...

Можно только представить, как она смотрела, воспринимала свое новое положение! Ни привычного домашнего уклада, ни комфорта благоустроенного жилья. Все новое, маленькое, необжитое, а главное – невыносимое ощущение того, что живешь как птица, запертая в клетке. Реальность оказалась для нее неожиданной.

Первое время, когда Илья Владимирович приходил с работы, она пробовала с ним разговаривать. По прошествии времени она стала замечать, что не знает о чем говорить с собственным мужем. Она пробовала интересоваться его работой, но то ли ей не хватало знаний о самой специфике, то ли Илья не желал вдаваться в подробности, только после двух-трех вопросов она замолкала, находя молчание более уместным, чем ни к чему не обязывающий разговор ни о чем.

Тогда она начинала зевать, ссылаясь на усталость, и уходила поскорей в спальню.

На следующее день все повторялось. Илья Владимирович уходил на работу, и она вновь оказывалась запертой в четырех стенах, не зная чем заняться, не имея ни привычного круга общения, ни любимого вида за окном, предоставленная только самой себе и одиночеству.

Она сидела в четырех стенах словно в темнице – в жаре и одиночестве, предаваясь мыслям и воспоминаниям, которые копились в ней десятилетиями.

Но все ее воспоминания о совместной жизни сводились только к былым обидам, о которых, как оказалось, к своему собственному изумлению она помнит. И это приводило ее в отчаяние. Тайники памяти вдруг стали открывать перед ней свои мрачные сокровища.

Прошлое оказалось не колыбелью, а тюрьмой, в которой отдохновения было столько же, сколько в клетке с тиграми.

Оказавшись нос к носу с человеком, которого она, сколько себя помнила, называла мужем, она вдруг столкнулась с бесчисленным количеством неудобных вопросов, произрастающих из прошлого.

Почему он так часто уезжал от нее? С кем он там встречался? Почему так поступал с ней?

Возможно, будь все по-прежнему – не лишился он заработка, если бы им не пришлось срываться с насиженного места, она бы так и жила, как раньше, запрещая себе что-либо чувствовать, вспоминать, и прежде всего обиды. Но здесь, взаперти, ситуация вдруг изменилась.

Возможно, она бы и хотела с пылкостью прижаться к щеке мужа, но не могла, и с ужасом поняла, что за годы совместной жизни, понемногу недоговаривая друг другу, они отвыкли друг от друга, отвыкли от душевной близости, которая связывает воедино только любящих людей.

И за это теперь приходилось расплачиваться и ему, и ей.

То, что они принимали за духовную близость, оказалось на поверку не чем иным, как просто общими интересами. А дети выросли.

Она выглянула в окно. За окном проходили какие-то чужие, угрюмые люди. Один их вид внушал чувство беспокойства. И за этим она приехала сюда?

То, что Илья стал чужим, становилось ей ясней день ото дня, стоило ей только прикоснуться к нему, когда он приходил после работы уставший и голодный.

– А чего вы такая напряженная? – спросил ее как-то Илья Владимирович, когда она встретила его очередным вечером тарелкой курзе, в котором плавали аппетитные кусочки. – Что-то случилось?

– Да нет, ничего. Наверное, давление. Пойду, прилягу. Вы тут ешьте. Я потом уберу.

– Аннушка, ну, останьтесь, – Илья Григорьевич попробовал ухватить жену за руку.

Та ловко увернулась.

– Я же сказала: устала, отстаньте.

– Да с чего вы могли устать? – не выдержал Илья Владимирович. – Вы мешки, что ли, на спине целый день таскали?

– А хоть бы и мешки. Твое-то какое дело? – отрезала Анна Григорьевна, впервые назвав Илью Владимировича на ты.

Илья Владимирович оторопел.

– Я тоже устал, работал.

– Это только слова, – холодно произнесла Анна Григорьевна, – а где на самом деле – никто не знает.

Илья Владимирович потерял дар речи. Он хотел что-то возразить, но не мог. Его потряс ледяной взгляд Анны Григорьевны.

Она никогда так раньше не смотрела на него. И это действовало, как холодный душ. Анна Григорьевна ушла в свою спальню, прикрыла дверь и зарыдала. Она сидела на краю кровати, в абсолютной темноте...

Что только не проносилось перед ее глазами! Их свадьба, рождение детей, а потом все заслонила темнота. Странная, непонятная, мгла, которая поглотила ее.

Откуда она взялась, Анна Григорьевна ответить не могла. Но именно эта мгла все разрушила. Как женщина она пыталась подчиниться ситуации, что-то исправить, и вдруг поняла, что это просто невозможно – прошлое не склеить.

Обиды бывшего вставали перед ее взором, неприступной стеной заслоняя милосердие. – Мы просто не привыкли быть вместе, – произнесла она неожиданно вслух, утирая слезы платком. – И это уже не исправимо.

Она легла, повернувшись лицом к стенке. Так ей казалось легче успокоиться, понять, что с ней происходит, а главное, решить, что она должна делать – ради себя, ради своих детей.

– Сделать шаг навстречу друг другу в принципе было бы возможно, – прошептала она, – но для этого у меня не хватит ни сил, ни щедрости души.

Это она прекрасно понимала.

На следующее утро она как всегда встала ни свет, ни заря.

Илья Владимирович делал вид, что ничего вчера не случилось.

Анна Григорьевна молча поставила перед ним голубую чашку с какими-то показавшимися ей нелепыми узорами, тарелку с невесть откуда взявшейся трещиной, точно кто пользовался ее посудой по ночам. Налила кофе. Затем неожиданно чужим и незнакомым голосом отчеканила, будто по слогам.

– Я сегодня всю ночь думала, Илья Владимирович...

Тот попробовал усмехнуться, отшутиться, но не успел.

– И я хочу вам сказать, что завтра возвращаюсь домой. Здесь я больше жить не буду.

И она уронила на последнем слове блюдце. Медленно, будто в замедленной съемке, блюдце спланировало на пол и разбилось на мелкие осколки.

– Я сейчас все уберу, – ледяным голосом произнесла Анна Григорьевна, и Илья Владимирович впервые в жизни не нашелся, что ей ответить.

Когда мне Лида сказала об этом, я не поверил своим ушам.

– Что она сделала? – переспросил я.

– Мама говорит, что вернулась от папы обратно.

– Да ты что!

– Она сказала, что разговаривала с Ларисой, та попросила о помощи с детьми, и мама уехала. Но мне кажется, что она просто сбежала.

И тут мне Лида рассказала, как они жили все эти три месяца. Мы помолчали, осмысливая происшедшее.

– Интересно, что там стряслось? – наконец произнес я.

– В том-то и дело, что мама говорит: ничего. Она просто разочаровалась.

– В чем?

– Не понимаю.... – Лида горестно развела руками.

– Или ты хочешь сказать – в ком? У нее с Ильей Владимировичем что-то не так?

– Не знаю. – Лида выглядело испуганной.

– Да ладно, у кого не бывает, – манул я рукой. – Перестань.

– Ты думаешь, они помирятся? – спросила меня Лида с надеждой.

– Ну, конечно. Вот увидишь. Только дай время.

Лида слушала и кивала, словно заставляя себя поверить в то, о чем с такой уверенностью говорю я.

XLIV

Я влетел в приемную и сразу прошел в кабинет. За окном собирались тучи, где-то вдалеке глухо ухал гром. «Гроза, что ли, собирается?» – невольно подумал я, закрывая за собой дверь. В привычной обстановке я действовал почти автоматически. Развернул утренние газеты.

– Игорь Алексеевич, через сорок минут совещание, – напомнила секретарша.

– Угу, – бросил я.

В газетах было все то же самое: пятилетка за четыре года, урожай риса на Кубани – заслуга Медунова. Я пробежал страницы по диагонали. Глаза остановились на броском заголовке: «Эпидемия коррупции». В заметке рассказывалось о вскрытых органами делах, в которых был замешан директор сочинского магазина «Океан» Арсен Приудзе – он попался на взятке. Кроме него в статье мелькали фамилии людей, которых я не знал, но количество попавших

под следствие людей впечатлило. Это было продолжение знаменитого «Рыбного дела», когда арестовали всю верхушку рыбного хозяйства Союза, и теперь вот, видимо, решили добить людей в регионах. Одно дело, когда кого-то задерживают в Москве или где-нибудь еще. А это – у нас, здесь!

Соображения прервал голос секретарши:

– Игорь Алексеевич, звонил ваш брат, просил связаться.

– Спасибо, – ответил я, отбросил в сторону газету и тут же набрал номер Славы.

– Привет, Игорь, – отозвался он на том конце провода. – Ты там где носишься? До тебя второй день не дозвониться.

И только тут я вспомнил, что мне уже сообщали о его звонках.

– Да закрутился, Слав. У тебя что?

– Игорь, у меня к тебе дело...

– Валяй.

– Знаешь, я тут с одной девушкой познакомился. Я хотел, чтобы ты на нее посмотрел. Все, которых отцовские свахи находят, – это какой-то тихий ужас! А эта – совершенно другая. И при этом – еврейка. Так что отец возражать не будет. Мне важно твое мнение.

– Да не вопрос, Слав! Давай мы с Лидой подъедем в Ростов, посидим где-нибудь, пообщаемся.

– Тогда в это воскресенье. Идет?

– Договорились.

Я положил трубку. Вот это сюрприз! Любопытно, какой окажется его избранница?

В выходной день мы с Лидой сели в машину и отправились в Ростов на смотрины.

– А что, Слава всерьез решил опять жениться? – спрашивала Лида по пути.

– Да отец ему все невесту ищет. Всех озадачил, все аулы уже в курсе, что Слава будет жениться.

– И что же он?

– Лида, ты б видела тех барышень, которых ему все время подсунуть пытаются. Это кошмар! Ну, не подходят ему заматеревшие чумазные горянки. Он современный, светский парень, ему другая жена нужна. Ничего у отца с Мишей Бабаевым не выйдет.

– Получается, что он против воли отца хочет жениться.

– Э, нет. Тут другое дело. У нее мать еврейка. Значит, она – еврейка. Но отец – русский. Плюс к этому она городская. Не такая зашоренная, как те девахи из захолустных деревень.

Я узнал Славика со спины по его высокой спортивной фигуре.

– Слав! – махнул еще издали я ему рукой на улице.

Он шел под руку с девушкой.

– Здравствуй, Игорьь. – Мы обнялись. – Здравствуй, Лидочка, – Игорь поцеловал ее. – Знакомьтесь, это Элла.

Перед нами стояла среднего роста красивая девушка.

– Ну что, пойдём в «Весну»? Ты должен помнить это место, – предложил я.

Мы, шутя и делясь воспоминаниями, дошли до ресторанчика и замечательно провели в нем время, общаясь, веселясь и балагурия.

Я поглядывал на избранницу брата и с приятным удивлением отмечал, что она общительна, неплохо воспитана, но вместе с тем достаточно открыта.

На следующий же день мне позвонил Славик:

– Ну, Игорьь, что скажешь?

– Знаешь, Слав, я тебе советов давать не буду. Но это – вариант. Нормальная деваха. А дальше – сам смотри. Такую отец со своим другом тебе из аулов не притащат, помняи мое слово.

Слава в ответ рассмеялся.

– А Лида что говорит?

– Да она похожего мнения о ней. За одну встречу сложно узнать человека, но Элла на меня произвела хорошее впечатление.

Положив трубку, я понял, что в душе и сам надеялся на то, что Слава наконец-таки нашел свою половинку и будет с ней счастлив. Я в очередной раз прокручивал то, с какой нежностью он улыбался ей, как внимателен и обходителен был в ресторане. Все это давало мне основания полагать, что у их отношений есть будущее.

XLV

В один из вечеров я приехал домой как всегда поздно, поднялся на наш этаж, коротко позвонил.

Дверь мне открыла Лида.

– Ну, наконец-то! – обняла она меня.

Я успел заметить только немного странное выражение лица Лиды, как взгляд упал на стоящую за ее спиной ... Турунж.

У нее были растрепанные пепельные волосы, круглое одутловатое лицо и глаза – словно увлажненные слезами. Только она не плакала. Она смотрела на меня, растерянная, и в глазах ее плескалось море. Море нежности ко мне, словно она по-прежнему видела перед собой маленького мальчика.

На вид ей было за шестьдесят, хотя на самом деле только исполнилось пятьдесят два года. Признаки неумолимой старости проявились на ее лице раньше обычного, назначенного природой срока.

Что-то горькое шевельнулось в моей груди. Я рванул-ся к ней. Руки сами распахнулись, и она вдруг оказалась в моих объятиях, и мне показалось, что я слышу как гулко бьется ее сердце. Громко и неистово, словно оно, а не го-лос, повторяет мое имя.

Турунж секунду смотрела на меня, потом взяла мое лицо в свои шершавые ладони и замерла.

– Сынок, – просто прошептала она.

– Ну что ты, – я почувствовал, как волна смущения за-ливает мое лицо. И даже не от ее пристального взгляда, а от осознания того, что передо мной стояла женщина, которая меня родила. Ощущение было столь неожиданным, что я рас-терялся. Я не знал, как себя вести в ее объятиях. Ведь мамой я называл ту, кто меня воспитала – Хаво. Невозможно было в одно мгновение заставить почувствовать себя ее сыном.

Волнуясь и чувствуя себя не в своей тарелке, я повел ее за собой на кухню. Лида уже хлопотала, ставя чайник, доставая какие-то сладости.

Я не знал, что сказать матери, кроме самых банальных слов:

– Садись, покушаем.

Она кивнула головой, потом удивленно посмотрела на меня, словно тоже не знала, о чем говорить с собствен-ным сыном.

– Нет, спасибо, сынок. – Она перевела взгляд на Лиду и произнесла так, будто ее и не было в комнате. – А она у тебя умница! Видимо, очень хорошо готовит.

– Да, – откликнулся я. – Очень вкусно готовит.

Снова повисла длинная пауза.

– Это хорошо. – Турунж произнесла это уверенно, с какой-то гордостью, словно никогда и не сомневалась в том, что так обязательно и должно было быть.

– У тебя как? Все нормально? – спохватился я. – Ниче-го не случилось? Как Захар? Как остальные братья?

Я спросил это почти наобум.

– У них все хорошо, – ровным, без эмоций голосом ответила Турунж. – Тебя очень захотелось повидать. – Она улыбнулась. – Я же совсем одна там. Они меня, конечно, навещают, но... Это же не то, как если бы ты приехал.

Эти слова прозвучали словно удар хлыста. «А ведь я мог бы хоть раз это сделать» – мелькнула мысль.

– Хотела посмотреть, каким ты стал, – продолжала Турунж спокойно. – У меня же из всех карточек только эти.

Она полезла в сумочку и достала из нее фотографию. Я не поверил своим глазам. На ней был запечатлен маленький мальчик с длинной, по самые глаза челкой. В гольфах. Стоящий на стуле. И рядом с ним – молодая женщина.

Я почувствовал, что мне становится дурно. Это был Гена. Его фотография, которую она всегда с собой возила. Затем она достала мою фотографию. Потом Славину. И Элину.

– Какие вы большие стали, – произнесла она отрешенно и посмотрела на меня, и в то же время как будто – сквозь.

В голосе ее звучала такая наивная материнская гордость, будто мы были единственными в мире детьми, которым удалось вырасти и стать взрослыми. Она что-то говорила и, казалось, сама становилась счастливей оттого, что говорит про нас, повторяя про успехи и то, как у каждого из нас сложилось.

– А как ты нашла мою новую квартиру? – вдруг неожиданно спросил я.

– Да я ведь была уж здесь. Когда ты в больницу попал.

– Ах, да! – Я вспомнил, что мне говорила Лида.

Турунж ласково смотрела на меня. Я смотрел на нее, иногда не в силах вынести всепоглощающей любви, сквозившей в ее взгляде. И тут до меня дошло, что передо мной сидит не просто женщина, которая родила и вскормила меня, а которая хотела воспитать меня! Но у нее от-

няли эту возможность... К горлу подкатил комок. От бури эмоций меня отвлекли тихие Лидины шаги. Она вернулась на кухню с Сережей на руках.

Турунж обернулась и застыла. На ее лице просияла улыбка. Она, не отрываясь, смотрела на Сережу, а я с – изумлением – на нее. Лицо матери в секунду изменилось почти до неузнаваемости. Морщины разгладились, в глазах засверкали с неожиданной силой искры жизни. Я был не в силах отвести от не глаз.

– Внучек!.. Ты мой хорошенький... – она протянула руки к Сереже.

В тот момент Турунж казалась абсолютно счастливой, словно вместо Сережи она видела меня, такого же – годовалого, которого ей не довелось нянчить, не довелось носить на руках и которого у нее в итоге отобрали.

Глаза ее вспыхнули с новой силой. Она вопросительно посмотрела на меня, мол, можно взять его на руки?

Лидя, словно услышав ее немой вопрос, сама протянула Сережу бабушке.

Я согласно кивнул.

Турунж бережно приняла на руки малыша, словно это был хрустальный сосуд. Маленький Сережа был удивительно спокоен. Смотрел на незнакомую тетю своими огромными ясными глазами и молчал.

Турунж закрыла глаза и крепко прижала его к груди. Возможно, на секунду ей удалось поверить, что она и в правду держит меня, и в глазах ее появился тот самый блеск, те самые слезы, которых она всю жизнь ждала.

Я отвел глаза. Предательски защипало в глазах, и внутри стало так пусто. А потом откуда-то из глубин памяти выплыла фраза: «Бог не может поспевать везде, и потому он создал матерей».

Я не понимал раньше, что это значит, а сейчас – понял, прочувствовал. Стоял и смотрел на Турунж, словно мне

только сейчас открылась главная тайна жизни, какие-то очень простые и понятные, как азбука, истины, величественные, как сам космос.

Эта тайна заключалась в природе материнской любви, которых она и я были лишены. Я не помнил, сколько длилось это постижение тайны. Мгновение? Минуту? Час? Оно пронзило меня и оставило. Мы словно загипнотизированные стояли с Лидой и смотрели на нашего ребенка, который лежал на груди Турунж.

Вдруг мальчик встрепенулся и Лидочка тут же взволнованно протянула к нему руки. Тот, точно услышал безмолвный сигнал, как по команде заплакал.

– Давайте я его возьму, – мягко произнесла Лида, забирая Сережу, – а то он у нас уже тяжелый.

Она тут же унесла его из кухни. Турунж немного растерянно посмотрела ей вслед. Она все поняла. Лицо ее сразу снова постарело, обрюзгло, покрылось морщинками. Улыбка растаяла. И я снова увидел перед собой преждевременно состарившуюся женщину.

Мне стало бесконечно грустно.

– Ты плохо себя чувствуешь? – спросил я Турунж.

– Нет, – тихо ответила она. – Пожалуй, пора уже идти.

Голос ее звучал глухо, издалека. Она вздохнула, как птица, пойманная обратно в силки, и улыбнулась мне.

– А как же чай? – вдруг спохватился я.

Она согласно кивнула и села за стол. Мы остались одни. Сидели долго, и я все расспрашивал ее о жизни, рассказывал ей о себе. Это было так естественно и удивительно в одно и то же время. У меня даже мелькнула мысль: «А не оставить ли ее жить у нас? Чего ей прозябать в этом Дагестане? Здесь я бы мог купить ей дом! Ну не здесь, в Кисловодске... В одном городе с моей семьей. Там бы я мог за ней присматривать. Она ведь нездорова»... «Не в себе», «психически неуравновешенная» – именно такие ярлыки

на нее навешали. Она и вправду иной раз могла потерять контроль над собой. Но ее душевная болезнь была от горя и невзгод, которые ей пришлось пережить.

И вдруг меня обожгла мысль. Но ведь у меня есть мать – Хаво. Это выглядело предательством по отношению к ней. Мои чувства к Турунж были подавлены, я не мог их раскрыть, скованный чувством вины.

Может быть поэтому я тогда так и не сделал того, о чем подумал в момент нашей секундной, минутной близости. О чем я потом глубоко сожалел...

А ведь она – эта женщина с исковерканной судьбой – ничего для себя так и не попросила, не потребовала, нуждаясь только в одном: в любви, которой я ей тогда и не мог дать.

Она жила только этим – инстинктом нереализованной материнской любви. Она могла мгновенно забыть все плохое из своей жизни, переключившись на своих детей и внуков.

Что самое поразительное, за весь разговор она ни разу не сказала что-то плохое в адрес отца. Даже наоборот, нашла в себе силы быть благодарной ему за то, что он устроил нашу судьбу.

Она осталась ночевать у нас.

Я не мог ее отпустить просто так.

Но утром я уже не думал ее удерживать, не вспоминал о вчерашних мыслях: о том, чтобы купить ей квартиру где-нибудь поближе к нам. Жизнь и заботы несли меня в другом направлении.

На прощание я протянул ей сто рублей – как будто это было все, что я ей мог дать. Она посмотрела на меня непонимающим взглядом своих бездонных любящих глаз, потом повернулась и молча стала спускаться по лестнице.

Спустя три десятка лет меня спросили, а почему я дал ей так мало? Ведь имел же возможность полностью устроить ее жизнь?

А на самом деле ответ был прост.

Я был предан другой семье. И это была семья моего отца, который вычеркнул женщину, что породила нас на свет, не только из своей, но и из нашей жизни.

Тот проблеск чувств к ней был скорее сиюминутной жалостью к престарелой женщине, искренним состраданием к ее незавидной судьбе, но не больше. Настоящее осознание ее боли и трагедии пришло гораздо позже.

XLVI

В день Славиной свадьбы наш двор на Катыхина бурлил и веселился. Женщины сновали вокруг столов, крытых белоснежными скатертями, поднося и унося тарелки с яствами, блюда с фруктами...

Ждали раввина, который должен был благословить молодых – праздники в нашем доме всегда свидетельствовали о том, что у нашей семьи еврейские корни и заветы Моисея для нее что-то значит.

Женщины, помогавшие накрывать и готовить, сновали взад-вперед, наталкивались друг на друга, хохотали и снова поспешали хлопотать. Мужчины-гости двигались медленно, весомо, их жены наоборот – порхали как бабочки. Солнце припекало, но свежий ветерок, веющий с гор, проносил вожаделенную прохладу.

Мы с Лидочкой подъехали, когда события были уже в самом разгаре – очередной аврал в Армавире задержал меня на комбинате.

Улица перед нашим домом в Кисловодске была заставлена машинами – разноцветной кавалькадой отливающих металлическом блеском «Волг». Это были люксовые версии, заметно отличающиеся от машин серийного выпуска. Особенно выделялось авто Лени Боднева – с меховыми чехлами на сидениях и сверкающими на солнце светоотражателями.

Мы вышли из машины. Гомон и суета во дворе на секунду оглушили. Я улыбнулся и тут же ко мне подбежал Слава. Мы крепко обнялись.

– Привет! Поздравляю! Надеюсь, ты нашел свою вожденную половину. – Я тепло похлопал брата по спине. Мне хотелось сказать ему что-то особенное, но слова не приходили на ум. И я просто хлопал его по спине.

– Слава, прими мои поздравления – с улыбкой сказала Лида.

– Рад видеть вас, дорогие мои! Спасибо! Проходите, тут все наши, а я пока пойду, найду Эллу.

– Я тоже хочу ее поцеловать, – обрадовалась Лида.

Я огляделся. Заметил родные мне лица – почти все краснодарские друзья отца. Они сразу обращали на себя внимание, расположившись несколько особняком, словно подчеркивая невидимую границу между ними и остальным миром.

Как они были одеты! Белоснежные сорочки с разноцветными галстуками, добротные дорогие костюмы, которые не увидишь в обычном магазине. Глядя на них, становилось понятно, что все они прекрасно разбираются в людях и умеют добиваться желаемого. Казалось, что это они диктуют жизни свои правила, а не наоборот. Блеск драгоценных камней, украшавших уши, пальца и шеи их жен, словно украденный у Северного сияния, был непреложным атрибутом их статуса. Глядя на них каждому становилось понятно, что эти люди ощущают себя привиле-

гированной кастой, элитой. Вокруг них сновали какие-то другие люди, которые считали своим долгом первыми подойти и поздороваться с ними.

А вообще – гостей было немного. Человек сорок – пятьдесят.

Когда зашла речь о том, кого приглашать, Слава сразу категорически заявил отцу: «Я не хочу пышных праздников, давайте скромно, по-семейному».

– Лидочка, давай-ка разбавим эту компанию нашим обществом, – я взял ее под руку и направился к друзьям отца.

Краем глаза заметил странную пару, стоящую недалеко от Эллы, и с удивлением подумал: «Кто бы это мог быть?». Но внимание тут же снова переключилось на другое: многие из собравшихся с каким-то особым интересом наблюдали, как мы с Лидой направляемся к компании «избранных».

– Всем добрый день, рад видеть вас здесь! – обратился я к собравшимся.

– О-о-о! Игорек, здравствуй, родной! – пробасил Стас.

– Смотри-ка, занятой начальник к нам пожаловал! Все реже тебя видим, – подхватил Миша Гилядов. Его я давненько не видел.

– Сколько лет, сколько зим! – скороговоркой зачастил Ленья Боднев. – Лидочка, здравствуйте, рад видеть вас.

– Добрый день, Леонид, здравствуйте. – Лида церемонно поздоровалась с Бодневым и его женой.

– Денек сегодня обещает быть жарким, – сказал я, здороваясь со всеми остальными.

– Это не беда, Игорь, главное, что мы собрались по такому прекрасному поводу.

– Да, Славик обрел свое счастье.

– Еврейское счастье сам знаешь какое – иногда с первого раза находишь, а порой и сто раз надо поискать. – Гилядов коротко хохотнул.

– Да нет, что вы?! Она совершенно другая. Это вам не еврейки из аулов. Современная девчонка, все при ней, – парировал я.

Да, Элла точно отличалась от всех тех дальних родственников Гилядова, которых он много лет пытался сосватать то за меня, то за Славика.

И тут меня окатило ударной волной. Я почувствовал заряд бодрости, а потом услышал родной голос:

– Ну что вы тут?! Застоялись?!

Это был наш отец. Он подошел, и сразу вокруг как будто стало светлее.

Я обернулся, чтобы поздороваться, обнять, но он всего лишь кивнул, словно мы уже пять раз на дню здоровались.

– Точно застоялись, я вижу, – лукавинка в его голосе таила какой-то сюрприз.

Как по заказу из-за его спины вынырнула женщина с подносом в руках, на котором были расставлены рюмки с водкой и вином.

– Пора взбодриться. По паре капель на зубок! – отец поднял бокал. Все церемонно чокнулись, оглашая пространство хрустальны звоном. Это был миг, потрясающий не столько своей торжественностью, сколько искренней теплотой от радости встречи.

– Ну что, здорово здесь!? Не то, что там, – махнул Алексей куда-то в сторону забора. – Какой воздух, приroda, а? – Он развел руками, указывая на раскинувшиеся окрест живописные предгорья.

– Ты не меняешься, – захохотал Боднев. – Давай-ка, выпьем за твоё здоровье!

Алексей еще разлил по рюмкам прозрачную жидкость.

Женщины сбились в круг и наперебой что-то живо и эмоционально обсуждали. Мужчины продолжали выпивать и подначивать друг друга в ожидании Тарады.

– Леша, а почему ты всегда ездил на работу на электричке? – неожиданно спросил Гилядов, озорно поглядывая на товарища. – Нет, в самом деле, я не понимаю. У тебя же, наверное, и по сей день стоит «Волга» в гараже. А ты – на электричке?

Друзья захохотали.

Отец пожал плечами:

– А мне не надо никому ничего доказывать!

– Но Боднев-то, он на своей красавице так заруливает, что не захочешь, а обратишь внимание, – продолжал гнуть свое Гилядов.

Про страсть Лени к машинам, которая даже затмевала его страсть к красивым женщинам, знали все наши друзья и не упускали случая подтрунить над этим.

– Каждый греет себя, чем может, – произнес Алексей весомо, и в темных глазах его заплескались волны бездонного озера. И в это время было не понять, сердится он или только делает вид.

Гилядов разошелся.

– Алексей, с твоими-то возможностями ты мог бы позволить себе многое. Не, ну правда, мы все прекрасно знаем! – Слова он произносил отчетливо, словно вбивая их как гвозди в уши слушателей. – Но только одного не понимаем: зачем ты изображаешь из себя образец скромности? Вот взял и весь дом перестроил! Одна отделка чего стоит! Высший класс. Гараж еще перенес – это тоже целое дело! А сам – на электричке...

Алексей усмехнулся:

– Миш, ну о чем ты говоришь?

– Нет, – гнул свое Гилядов, – ну скажи, где ты спрятал свои деньги? «Волгой» не пользуешься. Ездишь на служебной, деньгами если соришь, так только в ресторанах, в Москве квартира – всего-то две комнатухи. Где деньги, Зин?!

– А я в отличие от тебя умнее поступаю. Все бабки закопал в яме на месте старого гаража. Что такое деньги? Мусор! Вот я их с мусором и закопал.

– Там на месте ямы денежное дерево не выросло? – спросил кто-то из друзей.

– А я бетоном сверху все залил, чтобы ничего не росло, – серьезно ответил Алексей.

Друзья захохотали.

– Да... Ну, ты даешь. То есть, ты тут все переделывал неспроста. И гараж перенес тоже из-за этого. Да, хитер ты, братец. Закопал-то небось мешков пять? Или десять!?

– Тебе на три жизни хватит, – подмигнул Алексей под гулкий хохот.

– Ишь, каков хитрец! – Гилядов обратился ко всем собравшимся. – В гараже, да бетоном еще сверху залил! Не каждый додумается.

– Я больше скажу... Если кому что надо сохранить – у меня там еще осталось место. Надежнее, чем в банке. Добро пожаловать, не стесняйтесь. Да что мы все о бренном. Давайте о вечном. Лень, где твоя рюмка? Поднимем! – сказал отец, наливая, – хочу выпить за тебя, дорогой! Ты мне друг, а без друга – и водка, как вода.

И они снова опрокинули рюмки.

– Ты слышал про «Океан»? – обратился он к Гилядову.

– А что «Океан»? Ну, все-таки арестовали Пруидзе. Целый год тянули дело... – ответил тот.

– Умней надо быть, – жестко отрезал отец.

– Да в Сочи умников хватает, – оживился Гилядов. – Гельмана-то не цепляли?

– Причем тут Гельман? – сурово отрезал отец.

– Дальше-то куда не пошло? – Гилядов указал пальцем вверх.

– Куда оно пойдет? – веско заметил Боднев. – Выше только первый секретарь города. А его попробуй, тронь, сам невесту где окажешься.

– Воронков мужик тертый, – заметил Стас Беляков. – Его и трогать-то не за что. Компанейский парень. Знаю я его хорошо, друзья его у меня учились.

Мы с Лидой отошли от компании.

Над маленькими группками, стоящими в саду, витал ореол счастья и умиротворения.

Друзья отца как и остальные гости ждали начала церемонии, когда зазвучат поздравления, пожелания счастья, когда жених станет с невестой под хупой.

Слава, с улыбкой, не сходявшей с лица, был похож на старшекурсника-отличника, ожидающего объявления результатов экзамена. Он бросал на Эллу изумленные взгляды, словно не веря, что она и есть та самая спасительная бухта, которая укроет его от невзгод.

Поздравления звучали со всех сторон, гулко отдаваясь в ушах. Кто-то из женщин тихо обсуждал наряд невесты. Кто-то уже жевал, не зная чем себя занять.

Роскошь природы оттеняла некоторую скромность сервировки столов. Нет-нет, всяческой снеди было в изобилии, но я невольно обратил внимание на посуду. Зачем они такую выставили для Славиной свадьбы? Я понимал, это вторая, но все же свадьба. Ведь сын самого Бабаева женится.

Слава подошел к Элле, обнял ее и что-то ей сказал. Элла одарила его в ответ благодарным взглядом. Слава улыбнулся. Казалось, что Славик наконец-то нашел свое счастье, у него был взгляд влюбленного человека.

Мужчины обнимали и похлопывали его по спине. Кто-то говорил:

– Дорогой мой, прими поздравления!

Слава благодарил, смущался, кивал.

– Невеста – красавица! Смотри за такой в оба!

Брат дежурно смеялся, снова качал головой, словно соглашаясь, что его избранница и вправду особенная. Женщины пытались отыскать в толпе молодую, чтобы одарить ее комплиментами.

Элла смущенно принимала поздравления. В одной руке у нее был молитвенник, другой она придерживала подол шелкового, в самый пол, платья.

Следом за ней шла ее мать. Она мне улыбнулась, и ее деланная улыбка вызвала во мне тревогу – словно была взята напрокат и принадлежала совершенно другому человеку, в ней не было ни грамма тепла любящей матери.

Мимо прошел отец. Он был сосредоточен. Глаза горели. Вокруг стояли люди, разговаривали, все были неприужденны и расслаблены...

Чуткое ухо ловило разговоры:

– А где Тарада?

– Еще не приехал. Какое-то важное мероприятие.

– Ты не знаешь, что происходит в Сочи? Что-то расследуют...

Люди оставались людьми... Перемывали кости своим начальникам, подчиненным, обсуждали жизнь...

Я снова посмотрел на Эллу. Лицо ее светилось.

– Вот увидишь, – шепнул я Лиде, – Славик нашел ее не случайно.

– Они даже похожи как будто, – заметила Лида.

– Мазлтов!

– Мазлтов!

Я подошел к Элле, обнял ее, и она покраснела.

– Как дела? – спросил я.

– Волнуюсь, – простодушно ответила она.

– Да брось ты! Поверь, дальше будет только легче.

Элла засмеялась:

– Не думаю. Женщины всегда остаются женщинами. Немножко боятся, немного ободряют, немножко сплетничают. И всегда волнуются. По любому пустяку.

Я согласно покивал головой и спустился посмотреть, готов ли стол. Опять досадливо подумал, что тарелки на столе самые простецкие, словно это и не свадьба. Такими мы пользовались ежедневно. Хотя в доме было полным-полно хрустала, который был бы куда более уместен по такому поводу.

Я поднялся наверх:

– Пап, а чего не поставили нормальную посуду? Там же у нас полно классной посуды...

Я не успел закончить фразу. Меня словно обдало паром из кипящего чайника:

– Ты мне будешь здесь указывать что делать?!

– Ты что, пап?

– Свадьба твоего брата, а ты приехал на все готовое и командуешь?!

Я посмотрел на отца. Его лицо было темно от гнева.

– Пап, ты что?!

– Сволочь! – взревел он, и наотмашь ударил меня по лицу.

В ту же секунду друзья отца кинулись к нему, схватили сзади за руки, силой пытаясь удержать.

Я машинально прикрыл ладонями лицо.

– Ты что делаешь?! – закричал я.

Птичий щебет, гомон голосов – все слилось воедино. Не помня себя от гнева, я посмотрел на отца в упор, и тут же, развернувшись, рванул с места.

– Лида, поехали!

Быстрым шагом, не чуя ног, я поспешил к калитке.

– Отец, ты чего!? – услышал я за спиной крик Славы.

Во дворе повисла мертвая тишина. Я буквально спиной ощущал десятки пар глаз, впившихся мне в спину. Лида, ошарашенная, бежала за мной.

Из дома выскочила Хаво, я чуть не сбил ее с ног.
– Сынок! Постой! – Крик Хаво вонзился мне в уши.
Она ухватила меня за руку. Но я мягко освободился.
– Мама, ради бога, не надо! Все! Я – уехал!

Так плохо я не чувствовал себя с тех пор, как мне стукнуло двенадцать, когда отец последний раз бил на моих глазах Гену.

Хаво увидела мои глаза и закричала на весь двор:
– Алексей, ты что делаешь! – и залилась бессловесным воем.

Она била себя руками по голове со все большим иступлением, как бьют себя испокон веков наши еврейские женщины в минуты горя и отчаяния.

А мой отец подошел, ни на кого не глядя, к маленькому столику, который стоял там с бутылками, налил себе полный стакан и опрокинул его.

Водитель рванул с места. Я машинально кинул взгляд на забор, скрывавший наш, еще минуту назад счастливый, дом, и в этот момент почти зримо увидел нечто темное, что реально существовало в нашем отце, нечто неизведанное, ирреальное, как бездонная пропасть, которая иногда берет верх над тем, что я в нем люблю.

Это было подтверждением той старой истины, которую я от кого-то слышал: жизнь, со всеми нашими страстями и радостями, лишь наполовину наша. Что-то иное управляет второй половиной, что открывается лишь иногда – как истинная сущность – стоит только чуть сковырнуть скорлупу.

Я чувствовал себя как беглец, которого настиг обрушившийся сверху камнепад. Он наполовину выбрался из мраморного плена, и тут же новый гнет обрушился на него.

Я должен был что-то предпринять.

«Прочь, прочь, – шептал себе я, – все к черту!»

– Как он посмел! При людях... – Я даже не заметил, что говорю вслух.

– Игорь, он, наверное, просто выпил, – испуганно произнесла Лида.

– Что? Просто выпил? – я почти орал, как будто передо мной маячило лицо отца, а не любимой.

– Не говори так, – Лида попробовала ухватить меня за рукав.

– Не трогай меня.

Я смахнул ее руку, пресекая какие-либо дальнейшие слова и объяснения.

– Ты пойми... Он же завтра ничего помнить не будет. Он был просто пьян!

– Пьян?

Я взорвался.

– Ударить родного сына по лицу! При всех? Да он негодяй!

– Он твой отец.

– Лида, ты не понимаешь! Я знаю, какой мой отец, когда выпьет. Он сделал это сознательно! Он понимал, что делает.

В ярости я ударил по обивке двери.

Тишина в машине напоминала предгрозовое затишье. Одна искра – и все вспыхнет.

Мы мчались вперед, как будто машину подталкивали мои ярость и гнев, обида и что-то еще, непонятное и неизведанное.

– Это же сколько надо иметь злости внутри! И к кому? К собственному сыну!?

Крик отца опять яростно зазвучал в моих ушах.

Машину подбросило на ухабе.

Дорога, казалось, только еще крепче вбивала в меня воспоминания об этом ужасе, ударе, унижении. Испуган-

ные взгляды моих друзей... Все это было у них на виду. Всему этому они были свидетелями. Как я буду смотреть им в глаза завтра?!

Я словно чувствовал настойчиво, до тошноты преследующий меня запах отцовской ярости. Лида испуганно смотрела то на меня, то на дорогу. Я не заметил, как мы остановились у нашего дома.

Взлетев на свой этаж и открыв дверь, я сразу бросился в ванную – сорвал рубашку и сунул голову под струю воды. Мне хотелось смыть с себя то унижение, которое, казалось навек, посеял во мне человек, называвший себя моим отцом.

На следующее утро, стоило только открыть глаза, воспоминания о прошедшем дне водопадом обрушились на меня.

Я готов был разорвать все то, что я помнил, на куски!

Снова и снова спрашивал себя: что же там произошло – на свадьбе брата, которую я так ждал и к которой приложил не только руку, но и сердце.

Мои размышления прервал звонок телефона.

– Игорь, послушай... – Это был Слава. – Прошу, прости отца.

– Слава, не будем об этом, – оборвал я его.

– Нет, ну ты послушай...

– Да ты понимаешь, что произошло?

– Да забудь ты это.

– Не могу, Слав! Объясни мне, почему он так поступил?

– Да брось ты разбираться. Прошу, не держи зла на отца. И как-нибудь найди способ помириться.

Мы еще немного поговорили, и я закончил разговор. На душе скребли кошки. Примирения с отцом я не представлял.

XLVII

Прошло два месяца.

За это время я ни разу не попытался выйти на контакт с отцом.

– Если хочешь, чтобы с твоей душой все было в порядке, – сказала как-то Лида, – мирись первый. Позвони ему. Встреться.

– Лида, о чем ты говоришь?

– Но почему нет? Что с тобой станет? Позвони ему первым. Он твой отец.

– Лида! Он же меня при всех ударил!

– Он не хотел, я тебя уверяю.

– Нехотя ударил, значит?

– Игорь, не кипятись. Найди способ помириться с ним. Так, чтобы это было приемлемо для тебя и ваша встреча скорее состоялась.

Я замолчал... Меня одолевали противоречивые чувства.

Хотелось «вернуться к отцу» – это бы стало залогом моего душевного спокойствия. И тут я вспомнил завет, который давно вынес из уроков жизни: «Не срывайся на тех, кого любишь, даже если весь мир заставляет тебя это сделать».

Точно так же и с отцом. Если я даже на секунду пытался подумать, чем Бог должен был ему воздать за то, что он учинил со мной, то мир начинал смеяться надо мной.

Лида все не упускала случая, напомнить, что я должен сделать первый шаг к примирению.

Я упрямился.

Сдвинул дело с мертвой точки звонок Славы:

– Игорь, там отец в Кисловодск собрался. Ты б заехал...

– Да дел невпроворот, Слав.

– Ну, смотри сам. Но я тебе советую встретиться с ним.

Все вокруг меня говорили о том, что мне нужно помириться с отцом. Но как это сделать – не знал никто. И я решил: будь что будет. Заеду в Кисловодск. Будто бы не зная, что он там.

Я заехал на комбинат, зашел прямо в кабинет, проскочив приемную. За окном моросил мелкий дождик, но сквозь серые тучи уже пробивались солнечные лучи.

– Кажется, грозы не будет, – произнес я полушутя-полусерьезно, заметив в проеме двери, которую не успел прикрыть, испуганный взгляд секретарши, державшей у уха трубку.

Она робко улыбнулась, привстала:

– Игорь Алексеевич, на проводе Леонид Тягачев.

– Переведи на меня.

Я захлопнул за собой дверь, уселся на краешек стола и громко выпалил в трубку:

– Леня, привет!

В ответ раздался радостный голос Тягачева:

– Игорь, салют! Как дела?

– Ты сам знаешь. Но мы справляемся.

Леня захохотал:

– По асфальту на лыжах тяжело сейчас ходить, а то я бы твой стресс мигом согнал. Так что потерпи до зимы, а там оторвемся.

– Да уж...

– У меня к тебе просьба. Мой друг, директор ресторана московского Дома журналистов Цыганков, кстати, у него классная кухня, обязательно сходим к нему, просто-таки сгорает на работе. Он едет в Железноводск здоровье подлечить. Можешь его встретить?

– Вопросов нет, Леня. Я записал. Проблем не будет.

– Ты ведь в Железноводске всех знаешь. Позаботься о нем. Путевка – путевкой, но когда ты поговоришь с главврачом, отношение будет совсем иным.

– Ленечка, вопрос закрыт. Лично сам позабочусь, можешь не волноваться.

Ветер окончательно разогнал тучи, за окном засияло яркое солнце.

– Подавайте машину, – обратился я по селектору к секретарше.

Мы встретились с отцом буднично, словно ничего не произошло. Хмуро и напряженно. Я смотрел на него.

Он выглядел не так, как обычно, как будто немного смущенно – ощущение вины сквозило в его взгляде. Я это почувствовал еще издали, пока шел к нему. Так же, как и теплоту в его взоре.

Он протянул руку и просто сказал:

– Привет.

– Привет.

Он сделал неопределенный жест рукой.

– Давай пообедаем, – сказал я.

Отец посмотрел на часы.

– Знаешь, Игорь, – отозвался он, – я тоже чертовски проголодался. Да и рассказать есть что. А разговоры на пустой желудок – это верный путь к язве!

Он выглядел довольным – иначе говоря, таким же все-
сильным.

– Ты надолго к нам? – спросил я.

– Да как всегда... – Он неопределенно махнул. – Как дела на работе? Как обстановка?

Я начал рассказывать, отделавшись анекдотом.

Отец громогласно расхохотался.

Миллион эмоций пронесся в моей душе, пока отец смеялся над моим ответом. Я снова увидел его прежним, таким, каким знал и любил всегда. Мы перевернули страницу в книге наших отношений.

В день прилета Цыганкова я послал в аэропорт машину, чтобы его встретили. Прямо из Краснодара его завезли ко мне в Армавир. Гена был со своей женой Соней – статной красивой еврейской дамой. Принял я их со всеми почестями. Пока накрывали стол, набрал главного врача санатория.

– Привет! Тут мои друзья к тебе подъедут. Прими, пожалуйста, по высшему классу. И организуй мне тоже номер на пару дней, я позже подъеду.

Мои московские гости оказались мне хорошими, открытыми людьми. Мы перекусили, потом, загрузив подарками, я отправил Цыганкова с женой в Железноводск – в тот самый санаторий Четвертого управления, в котором отдыхала вся номенклатурная элита.

– Я через недельку подъеду к вам. Вы пока устраивайтесь, – сказал я гостям на прощание.

И ровно через неделю мы уже здоровались с Цыганковым в холе санатория. Мы подали друг другу руки и широко улыбнулись. Между нами сразу установились приятельские отношения. Цыганков оказался человек с юмором, любящий хорошую беседу и понимающий в ней толк.

– Игорь, спасибо, что устроили меня. Условия тут, конечно, царские.

За окном припекало солнце.

– А пойдете в теннис сыграем, – неожиданно предложил он. – Здесь отличные корты и почти все время пустые. Публика, видимо, не очень жалуется этот вид спорта.

– Да мне никогда прежде не приходилось держать в руках ракетку.

– Ерунда! Это несложно! Пойдем, я покажу.

Он как-то легко перешел на ты. Цыганков так настойчив и легок в своем желании приобщить меня этой игре.

– Это очень хороший вид спорта для поддержания формы.

Так я впервые взял в руки ракетку.

На следующий день нестерпимо болели мышцы рук и ног, к тому же я все-таки растянулся на корте, содрав кожу с ладони. Зато чувствовал себя героем.

– Это спорт настоящих джентльменов, – поучал меня Цыганков. – Завтра будешь как огурчик.

И в самом деле, настроение у меня было отличное. Даже понедельник и бесконечные совещания его не испортили.

Очередной разнос был позади. Все как ошпаренные побежали по своим цехам и заводам. Я стал просматривать утренние газеты.

Эта традиция была присуща всем руководителям советских предприятий. Я просматривал газеты по диагонали, чтоб не тратить много времени, и в то же время стараясь ухватить все самое интересное, словно загонял

в себя обрывки информации, предоставляя самому мозгу решать, что важно, а что – нет.

Как всегда скользнул взглядом по полосе, в глаза бросились слова «магазин «Океан», мелькнула фамилия – Пруидзе.

Это была очередная заметка о директоре сочинского магазина «Океан» по фамилии Пруидзе, имя которого уже почти год поласкали на страницах кубанских газет за какую-то авантюру со взятками.

Новость бы меня не заинтересовала, если бы в этой заметке не упоминался секретарь Сочинского комитета партии Воронков. Обычно партию никогда не приплетали к подобным делам. В этот раз все выглядело несколько иначе. Я внимательнее перечитал статью. Но вскоре забыл о ней, поглощенный делами и очередной нервозностью, которой был богат каждый мой рабочий день.

Где-то через неделю я обедал с Жорой Троицким, который, вдруг напряженно оглядевшись по сторонам, наклонился ко мне и спросил жарким шепотом:

– Слышал новость?

– Ты о чем, Жора?

– Да нет, так ничего... – Я хотел спросить... – Он смутился. – Даладно, к черту... Ничего серьезного. Ты на Домбай не собираешься?

Я хохотнул.

– Ты за этим меня позвал?

– Ну, знаешь, порой приспичит, – Жора как-то деланно рассмеялся, словно сомневаясь, правильно ли я его пойму. – Иногда сам про себя ничего толком не знаешь.

– Ты на что намекаешь?

Сорваться на Домбай было б здорово. Можно было оставить все заботы и думать только о радости, который дарил спуск с горы.

– Да я, о другом... – поспешно перебил Жора. – Причем здесь лыжи? Без Тягачева? А вдруг нос расквасишь?

Я обескуражено посмотрел на него. Он смотрел куда-то мимо меня, как будто его что-то тяготило, но он боялся об этом спросить.

– Пусть Тягачев приедет, тогда мы к нему на хвост сядем. А то так неинтересно, – добавил он.

Я окончательно был сбит с толку.

Он откинулся на спинку кресла и блаженно потянулся. Его поджарая фигура выдавала пристрастие к здоровому образу жизни. Мы еще немного поговорили о лыжном снаряжении и экипировке. Он явно темнил. Вдруг Жора сощурил глаза и огляделся по сторонам.

– Так ты не слышал новость?

– Может, ты уже перейдешь к делу? – Я раздраженно посмотрел на него.

– А, ладно, – Жора махнул рукой. – Ты сидишь?

– Сажу.

– Советую пристегнуть ремни. – Глаза Жоры сузились. Он понизил голос до шепота. – Медунова на допрос вызывали.

– Кого? – От изумления я замер с вилок в руках, не успев донести ее до рта.

– Да, да... Самого... Сергея Федоровича...

– Ты с ума сошел? – Я обернулся, желая удостовериться, что нас никто не слышит.

– Как видишь, нет, – без тени иронии ответил Жора.

Он произнес это каким-то чужим сдавленным голосом и даже привстал на стуле. Он имел привычку нагибаться к собеседнику так, что его рот нависал прямо над его ухом, грозя обрызгать слюной. Теперь и я перешел на приглушенный шепот.

– Кто мог его вызвать?

– Следователи... Там же была длинная история с Сочи. С этим магазином «Океан». Ты что, газет не читаешь?

– Да читаю я, читаю... Помню я этот сочинский «Океан».

Воронков был Первым секретарем сочинского горкома партии. Одно дело – директор магазина, другое дело – первый секретарь городского комитета партии... Упомянуть таких людей в связи с МВД было все равно, что плевать против ветра. Однако, Жора явно не шутил.

– А при чем здесь Медунов?

– Ну, он же работал в Сочи, когда это все начиналось, – Жора перешел на шепот, – Воронков был его ставленник.

– Ну и что? Подумаешь?

– А то, что его все-таки допрашивали. Эти, из Москвы, тоже не дураки. Знают, куда метить.

– Ты поосторожней с такими историями... За подобные слухи и место потерять можно, – не выдержал я.

– Об этом весь крайком гудит. Велели молчать и держать язык за зубами, но вот видишь... Не я, так другой расскажет. Я подумал, тебе надо знать.

– Не верю, – сказал я твердо.

– Я тоже не верил. Но информация из верных источников.

Я пристально посмотрел Жоре в глаза. Мне не понравился проскользнувший подтекст. Что мне надо или не надо – не ему было судить. Я попытался перевести разговор на другую тему. Но Жора вообще замолчал. Потом заговорили о другом, и я понял: Жора выдал все, что знал.

Мы еще что-то ели, болтали, но мысли мои были уже далеко. Не то, чтобы меня потрясла услышанная новость про Медунова... Просто сама вероятность, что кто-то оказался способным замахнуться на такого человека – выглядела фантастической.

– Он же близок к Брежневу, – вдруг произнес я вслух.

– Что? – недоуменно переспросил Жора, который к тому времени уже переключился на другую тему.

– Это все несерьезно, этого просто не может быть! – воскликнул я, уверенный, что разгадал шараду и лишил собеседника козырей.

Жора хмыкнул.

Это его реакция вдруг резко повысила градус моих сомнений. А вдруг мы что-то не понимаем? Что-то упустили из того, что происходило под самым нашим носом?

У Жоры, как и у меня, тоже как будто пропал аппетит. Видимо, он сам усомнился в том, о чем только что рассказал.

Мы замолчали. Говорить вдруг стало как-то не о чем.

По улице я шел, не замечая прохожих. Люди смеялись, ссорились, спешили по своим делам. Пару раз меня кто-то обругал: «Смотри куда прешь!». Я даже не обратил на это внимание. В голове вертелись разные мысли. Разговор с Жорой начал давать всходы. Интуиция, обостренная до предела, подсказывала, что правду можно распознать только сравнивая ложь разных людей. Однако что из сказанного Жорой могло быть правдой, а что – вымыслом?

XLVIII

Каждый раз, собираясь тесной компанией, друзья моего отца чувствовали и вели себя в своем кругу, словно родные братья. Общие дела, долгие годы, прожитые вместе на одной земле, воспоминания о прошлом связывали, как цемент. Не надо было много слов, чтобы оживить в памяти былое.

Если в Сочи бывал Тарада, он обязательно захаживал к Гельману. В тот раз там оказался и Боднев, и все пожаловали в «Кавказский аул». Собралась славная компания, гельмановские официантки сновали вокруг, демонстрируя повышенное внимание.

– Устал я, Миша, устал, – произнес Анатолий Георгиевич немного раздраженно, когда они встретились, обменялись приветствиями и уселись за гостеприимным столом.

Гельман слушал, не перебивая.

– Разные гости из Москвы приезжают, – продолжал Тарада, отбрасывая от себя салфетку. – Сергей Федоро-

вич просил встретить. Целая делегация как-то прибыла. Встретить – встретил, но ведь всех уважить надо! Утомился я с ними.

Голос Тарады звучал словно издалека, немного напоминая зов трубы, возвещающий о конце похода. Тарада говорил ровно и спокойно, но в его голосе изредка скреблись металлические нотки досады. Он то и дело подносил к губам бокал с искрящимся шампанским, ему явно хотелось расслабиться, сбросить груз забот.

– Я, Миша, давно живу с чувством, что не все в нашем мире идет как надо, – начал он издалека. – И наш край, конечно, сейчас местечко не самое спокойное. Надо держать ухо остро, неровен час, тебя съедят с потрохами, а ты даже ойкнуть не успеешь.

– Это так... – Миша откашлялся. – И не только в крае, жизнь везде не очень спокойная нынче, но ты делаешь ее еще неспокойнее, – мягко подтрунил он.

– Ну, ты уж скажешь! – Тарада нахмурился. Лицо его выражало озабоченность. – Тут и без нас хватает тех, кто делает жизнь беспокойной.

Собеседники замолчали. Никто ничего не произнес, но тень слухов, касательно Железной Беллы и Воронкова словно повисла за столом.

– Ладно, – Тарада оглядел стол, – уныние, как говорит Маркс – грех, – и сам же рассмеялся собственной хохме. – Кто баламутит историю? – он ткнул Гельмана в бок. – Думаешь, тихони отличники? Нет! Самые отпетые хулиганы и непоседы. Только они. Иногда нужно действовать не по правилам, а по обстановке, – Тарада стал серьезен. – А сейчас такая обстановка, – он внимательно посмотрел на Гельмана, – что нужно успевать разворачиваться. Иначе ты будешь виноват перед своими родителями, которые дали тебе возможности, – Тарада постучал себя по лбу, – чтобы ты крутился, а ты прожил жизнь тютей.

– Ты хочешь сказать, что от судьбы не уйдешь? – спросил Боднев. В его вопросе слышался подтекст.

Тарада кивнул. Хорошее настроение понемногу возвращалось к нему.

– Ну да, ну да... По мне лучше быть виноватым перед другими, но не перед самим собой, – сказал он неожиданно. – Я, наверное, просто из такой породы, как и наш Алексей. Мы не умеем действовать, полагаясь только на разрешение. Мы и сами подсказать можем! – в голосе Тарады зазвучали озорные нотки. – Знаешь наше правило? – отвернулся он от Боднева и в упор посмотрел на Гельмана. – Тот вальяжно покачал головой. – Будь нахрапист со случаем, но нежен с удачей. Так то. Надо уметь взять то, что подсовывает тебе жизнь, вот как это.

И Тарада с хрустом откусил малосольный огурец, ухватив его двумя пальцами их тарелки. Троица рассмеялась.

– Ты, Толя, словно регулировщик, – изрек Боднев.

– Это почему?! – притворно изумился Тарада.

– Не понимаешь? – Боднев залился радостным смехом. – Ты можешь многое... Регулируешь, куда кому двигаться, что кому получить.

– Что значит регулирую? Я – благодарю. Люди становятся отзывчивыми, только когда ты им делаешь услуги. Это закон жизни. Ты – им, – Тарада стал необычайно серьезен, – а потом они – тебе. – Он произнес это с какой-то особенной интонацией, говоря о чувстве благодарности, которое позволяет выжимать из людей сверх того, что они могли бы.

Гельман согласно кивал.

– Вся наша жизнь предопределена законами, они окружили нас, как ограда, а мы ведь люди из плоти и крови, – загадочно протянул Анатолий Георгиевич, – иногда надо и перемахнуть через ограду.

– Главное знать, где можно перемахнуть, а где лучше обойти, – отозвался Гельман.

– А ты что такой озабоченный? – вдруг сердито обратился Тарада к Гельману. – Что-то случилось? – спросил он пытливо, и было ясно – он абсолютно трезв и держит все под контролем.

– Да так. Ничего особенного. Сын собирается поступать.

– Он уже такой большой? – спросил с изумлением Тарада.

– Дети имеют обыкновение расти, – улыбнулся Гельман.

Тарада кивнул.

– Куда поступает?

– В Мясомолочный. В Москву хочет.

– Это к Янушкину что ли? – обрадовался Тарада. – Нужна помощь?

Гельман выразительно посмотрел всесильному товарищу в глаза и ничего не ответил. Тарада взмахнул руками, точно иллюзионист.

– Да никаких вопросов, – спокойной проговорил он. – Все сделаем.

Гельман улыбнулся в ответ.

Они подняли рюмки. Вечер подходил к концу.

Гельман прощался с каждым из своих гостей персонально. Первым уехал Анатолий Георгиевич. Затем Боднев. Потом и остальные стали расходиться.

Иногда время словно замедляло свой ход, и казалось, что ничего в мире не меняется, все похоже в своем разнообразии и неизменно в повторяемости – как наши радости, проблемы, заботы.

Я не знал, кому отец звонил, но по случайным фразам, которые он обронил, разговаривая со мной по телефону, выходило, что он в чем-то помог Мише Гилядову. Это было не удивительно. Широта души нашего отца была

притчей во языцех. Честно говоря, меня это тогда даже не очень заинтересовало.

Бывали дни, когда жизнь казалось серой и пустой. Что было причиной этому – я не всегда понимал. То, что я не выносил одиночества? Нужно, чтобы сосуд моей души постоянно наполнялся новыми впечатлениями, встречами, расставаниями – только не лицемерием собственной тени. Где-то вокруг вершились великие дела, начинались «стройки века», меня все это мало волновало. Усталость, охватывавшая меня, когда я садился в кресло, была сродни холоду, что сковывает путника в лютый мороз. Тогда я чувствовал, как все живое, что было во мне, исчезает – предприимчивость, инициатива, намерения и надежды, и не остается ничего, кроме усталости и раздражения, гнева или, в лучшем случае, скуки.

В такие минуты надо было сорваться с места и ехать к друзьям, неважно куда: в Новороссийск к Цымбалу – на его гостеприимную виноперевалочную базу, где всегда можно было взбодриться, влить струю свежего адреналина в кровь, забыть про проблемы, или, если дороги вели в Сочи, то – к Гельману.

День выдался неожиданно прохладным. К вечеру задржал дождь и лил не прекращаясь. Вода в лужах все поднималась и поднималась, наступая на асфальт, как напоминание о том, что лето в приморском городе может быть чревато неожиданностями.

Я сел в машину. Назвал водителю адрес. Он домчал почти моментально.

За манящими окнами полутемного зала ресторана Гельмана царил зябкий полумрак.

– Здравствуй, дорогой, – Миша тепло обнял меня. – Не промок?

– Да я же все время в машине.

– Что-то неважно выглядишь, – заметил он сочувственно.

– Что ты хочешь?! Столько встреч! Чувствую я себя куда хуже, чем выгляжу, Миша! Плесни-ка мне капельку крови.

После первого глотка морок усталости, застилающий взор, стал потихоньку развеиваться.

Мы уселись напротив друг друга.

– Славный вечер, – сказал я, оглядываясь.

Я любил этот уютный зальчик – отдельный, где можно было спокойно поговорить, с росписями на стенах и шикарной барной стойкой из красной кожи – недавним Мишиным нововведением.

– Хорошо, что ты заехал, – сказал Миша.

Мы подняли рюмки. Миша тоже выглядел каким-то осунувшимся. Я усмехнулся.

– Вижу, не только меня достают иногда, – заметил я озабоченность друга. – Что стряслось?

Взгляд Мишиных серых глаз, как мне показалось, неожиданно приобрел тревожный блеск.

– Да прокурорские ко мне заглядывали. И к другим директорам тоже. Слышал? – спросил Миша, понижая голос, будто мой громкий ответ мог только усугубить его страхи.

– И что? – я тоже невольно понизил голос. Еле уловимое неприятное ощущение пронзило меня. – Это из-за «Океана» что ли?

Гельман отвел взгляд.

Я поднялся, плеснул себе в бокал из бутылки.

– А чего ты тогда взволнован? – не понял я.

– Да они все копают. Понимаешь? То, что и к «Океану» уже не относится. А главное, спрашивают такие вещи...

– Например?

– Какие у вас отношения с заместителем Воронкова Мозговым? А часто ли вы ходили в горком партии к нему,

какие вопросы обсуждали? – Миша красноречиво замолчал.

Я медленно пригубил из бокала, словно обдумывая услышанное.

– В крае происходит бог знает что, – прошептал он, невольно оглядываясь. – Нутром чую.

– Ты же вроде с прокурорскими общаешься? Что они говорят?

– Ты про наших? Да они ничего толком не знают. Их не подпускают.

– Кто не подпускает?

– У меня наш прокурор постоянно обедает. Намекнул, что эти московские главней, чем он. – Миша все время дергался, словно ему попался гвоздь в сиденье, я не часто его таким видел. – Все это неспроста.

– Не понял, – я отодвинул от себя тарелку, – поясни.

– У этих москвичей поддержка прям оттуда, – Миша возвел глаза к потолку.

– Но тебя-то это каким боком касается?

Гельман устало прикрыл глаза, как будто сдаваясь перед напором страха. Его лицо снова стало непроницаемым.

– Мое дело – сторона, – голос Миши сник, словно его покинули жизненные силы. – Но только знаешь, город-то один. Мы все тут одинаково вертимся.

– Да ладно тебе, – произнес я с недоверием.

Голос приятеля стал хриплым. Еще секунда, и я бы подумал, что у него начнется приступ кашля. Он совсем близко наклонился ко мне и свистящим шепотом произнес:

– Я тебе больше скажу... Знающие люди говорили, что кого-то потихоньку забирают. На допросы таскают, а некоторых вообще сажают. Что-то неладное тут у нас. Хотя и ты прав: мы-то от всего этого далеко.

Распрощавшись и выйдя из ресторана, я невольно остановился, запрокинул голову: свежий воздух, звездное небо над головой – любоваться этим можно было до бесконечности. Жизнь казалась такой прекрасной. Я огляделся. Чего тут можно бояться? «Все, хватит, нет таких преград, которые я бы не смог преодолеть!» – уверял я себя, словно воздвигая этими словами надежный щит.

В этот миг я почувствовал, что на меня кто-то смотрит, наблюдает... Я помотал головой, отгоняя наваждение. Из-за туч на небе показалась полная луна и озарила все вокруг магическим светом. Силуэты деревьев казались в зыбком свете туловищами великанов, которые наклоняются, чтобы разглядеть меня и схватить. Тени сгущались и становились все уродливее. В какой-то момент мне стало не по себе.

Захотелось вдруг срочно увидеть Лиду.

– Гони в Армавир, – велел я шоферу.

Всю дорогу до дома в голове навязчиво звучала какая-то мелодия, а я непрестанно думал о том, что это за странности происходят вокруг и к чему все приведет. Рассказ Гельмана наводил на размышления.

В последнее время в моем окружении не было ни одного человека, который бы не говорил о том, что у нас в крае что-то неладно. Край лихорадило.

Работало следствие, кого-то допрашивали, и уже даже арестовали. Кубань гудела – это был факт.

XLIX

То есть, они пытались выяснить, не причастен ли к этому Медунов? – с изумлением переспросил Алексей.

Бровин кивнул.

Они сидели в квартире Алексея, типовой двушке, словно старые друзья-товарищи, которые собрались просто так. Алексей сидел по правую руку от Бровина, Зиняков – слева. Стол был накрыт, но собеседники почти не притронулись к еде. Лица их были сосредоточены.

Молчаливая Валя бегала из кухни к столу и обратно, тихо появляясь, и так же внезапно исчезая. Две пустых бутылки водки, стоявших у ножки стола, говорили о нервном напряжении, которое пытались снять за разговором.

Бровин неожиданно обвел глазами комнату и спросил:

– Леша, у тебя тут «чисто»?

– Да брось ты, можешь говорить совершенно спокойно. У меня все схвачено, – Алексей хохотнул.

– Да, да... Конечно. – Бровин вздохнул, искал взглядом на лежащем перед ним блюде экзотическую маслину и отправил ее в рот.

– Так ты не договорил, – заметил Алексей.

Бровин выразительно посмотрел на него, и, снизив голос почти до шепота, начал:

– Это не для передачи, но у нас тут была некая заваруха...

Отец и Василий Степанович заинтересованно вскинули брови. Бровин хрустнул костяшками пальцев.

– Я знаю, что твои ребята в Краснодаре, – обратился он к Алексею, – имейте ввиду, в крае неспокойно.

Лицо отца стало каменным. «Что случилось?» – говорил его взгляд.

– Могу сказать по секрету, что Медунов звонил «самому» и жаловался на ситуацию. Мол, так нельзя...

Отец и Зиняков молча смотрели на помощника Брежнева.

– Этого никто не знает, – прошептал тот. – Он попросил о приеме.

Глаза Зинякова стали огромными. Бровин еще более понизил голос.

– Генеральный принять не смог. Здоровье, сам понимаешь, утомляемость.

Алексей внимательно смотрел на Бровина.

– Не повезло ему, похоже. – заметил он.

– Ты не торопись, – очень серьезно произнес Бровин. – Леонид Ильич позвонил Суслову и дал тому задание во всем разобраться.

Зиняков подался вперед, а Алексей уставился в пол, как будто силился там что-то отыскать.

– Суслов к Медунову хорошо относится. Насколько в принципе может к кому-то хорошо относиться, – Бровин тяжело вздохнул. Из его кармана вывалился платок.

Он, кряхтя, его поднял, затем взял рюмку и, не дожидаясь друзей, махом ее опрокинул. – Короче, Суслов выслушал Медунова и принял меры.

Отец медленно оторвал взгляд от пола и посмотрел на гостя.

– Пригласил этого Найденова, отчитал и сорвал погоны.

Бровин многозначительно посмотрел на своих собеседников.

– Так значит, опасность миновала? – осторожно спросил отец.

Бровин утер испарину со лба, задумался.

– Леонид Ильич уже не тот... Так просто это все не пройдет для Медунова. Так расправиться с Найденовым!.. Прокурорские могут начать мстить. Медунов это сделал грязно. Ну, будем! – Бровин поднял рюмку, как бы приглашая друзей выпить и забыть все неприятности.

Алексей страдальчески поморщился.

– С другой стороны, – как бы размышляя вслух продолжал Бровин, – куда они против партии? Медунов – третий калач. Огонь и воду прошел. Край – одна из плодороднейших его вотчин. За ним – миллионы. Ну, куда против такой махины переть? Слишком весома фигура.

Бровин хрустнул огурчиком. Зиняков снял очки, протер их, снова надел. Алексей разлил по рюмкам.

– Хотелось бы верить, что все обошлось.

– Лес рубят, щепки летят, – заметил Зиняков.

– Даст Бог, Леонид Ильич протянет еще хотя бы пару лет. Все устаканится. Главное, быть начеку. Иначе, всякое возможно. Не все так просто, как кажется. Ты чего? – Он внимательно посмотрел на Алексея.

Тот покачал головой, ничего не ответил, но его лицо красноречиво говорило о тревоге, поселившейся внутри. Все трое снова выпили, разговор перекинулся на несущественные детали...

За окном наступил вечер.

Отец прилетел в Краснодар совершенно неожиданно и позвонил мне и Славе:

– Мне вас надо видеть.

Сказано это было в приказном тоне, не оставалось и тени сомнений, что встреча должна состояться безотлагательно.

Он, как всегда, остановился в «Кавказе». В номере на всю мощность был включен телевизор. Мы тепло обнялись.

– А почему не в ресторане, пап? – спросил Слава, но осекся. Отец так тяжело посмотрел на него, что Слава согласно произнес, – Понял.

– А телевизор нельзя потише сделать? – спросил я.

Отец сердито махнул рукой – мол, нельзя.

Пока отец сервировал небольшой столик, я уставился в экран – там на трибуну взбирался немощный Брежнев... Заметив мой взгляд, отец вскользь сердито заметил:

– Никто не вечен.

Он уселся в кресло, словно это был трон. Нас разделял только маленький шведский столик.

– Ты про кого? – переспросил я.

– Да про Леню. – Отец сказал это очень серьезно, так что мы со Славой переглянулись. Отец явно что-то не договаривал, но торопиться с вопросами не стоило.

– Как у вас здесь обстановка? – спросил отец.

– Нормально, – спокойно ответил Слава.

– Ну, что у вас тут в крае творится? Вы вообще в курсе? – Он пытливо посмотрел на нас.

– Пап, все тихо!

– Ну, ты не думал, что дело «Океана» – это просто начало. Кто-то хочет закрутить гайки. Игорь, ты тоже этого не понимаешь? – сурово обернулся ко мне отец.

Он нагнулся, достал из бара бутылку коньяка, плеснул всем в стаканы и залпом осушил.

– Я про то, что случилось в крае. Вроде, все хорошо закончилось, но я думаю, что желающие завернуть тут гайки все равно остались, – и он кивнул на телевизор, – и это только вопрос времени.

– Пап, нас это не касается, – возразил Слава.

– И славу Богу. Потому что когда коснется – поздно будет.

– Ты о чем?

Отец покряхтел, поудобнее усаживаясь в кресле. Посмотрел в телевизор, где Брежнев с трудом шевелил ртом. Потом загадочно произнес:

– Когда лев устает, приходят шакалы.

Теперь мы уже ничего не спрашивали, а просто его слушали. Отец потер лоб.

– Значит так, ребята, я чувствую, что-то здесь не то.

Отец внимательно посмотрел на каждого из нас, словно говоря: «Поверьте мне». Потом доверительно произнес:

– Выслушайте меня.

Слава воздел вверх обе руки, мол, молчу-молчу.

– Вы знаете, что у вас произошло? Или вы ни с кем не общаетесь? – почему-то багровея еще раз спросил отец, и голос его стал резким. – Атмосфера в крае с каждым часом становится все напряженной. Я переживаю за вас. Край ждут веселые времена. – Отец не сводил с нас глаз. – Я переживаю за вас. По-моему, копают под Медунова, вот что я вам хочу сказать. Заступники у Медунова уже не те, – он снова кивнул на экран телевизора. – Я не каркаю. Я просто призываю вас: будьте осторожней, потому что ваш благодетель – его правая рука.

Мы замолчали.

– Вот собственно и все.

Разговор не клеился. Мы еще посидели, но главное отец уже сказал. Каждый думал о своем.

– Ну ладно, мне пора, – вдруг сказал отец.

Он стал собираться.

Когда он с нами прощался, я вдруг заметил, как он беспокоен. Его взгляд был полон тревоги, которую, казалось, источало каждое его движение.

– Ты в Москву, пап? – спросил я его, когда мы уже уходили.

– Нет. У меня еще встречи. Ждите меня здесь. Обязательно. Это важно.

Алексей любил сживать в гостиничном ресторане. Не то, чтобы ему был приятен переполох, который вызывало его появление у местных официанток. Он просто наслаждался значимостью понятных ему человеческих отношений на уровне «ты – мне, я – другим, а потом снова тебе». Это была такая высшая математика взаимной пользы, которую нельзя было изучить ни в одном учебном заведении, а только постичь интуитивно в школе, именуемой «Жизнь».

Часы пробили восемь вечера. Алексей почувствовал, как на него накатывает свинцовая усталость. Прикрыл глаза и не заметил, как рядом раздался возглас:

– Леша! Насилу тебя нашел.

Отец обернулся. Перед ним возвышался Тарада.

– Анатолий Георгиевич, – загудел он, смыкая объятия за спиной друга. Он немного отстранил от себя Тараду, словно желая получше разглядеть. – Ну, рад тебя видеть.

Лицо Анатолия выражало тот особенный вид довольства жизнью, который характеризует только крупных начальников. Даже его телосложение говорило об этом. Он похудел и казался подтянутым. А голос стал еще более низким.

– Хорошо, выглядишь, – вынес вердикт Алексей, разжимая объятия.

– И ты не меняешься, – улыбнулся Тарада, усаживаясь напротив друга.

– Да куда меняться? – хохотнул Алексей, – в постоянстве – наша сила.

– Сейчас и одного дня достаточно, чтобы поседеть от перемен, – неожиданно произнес Анатолий и пристально посмотрел на друга.

Алексей выдержал его взгляд. «Откуда такой настрой?» – говорили его глаза, но вместо этого он произнес:

– Рассказывай, что у вас тут происходит?

– У нас все по-старому, – четко произнес Тарада. – Его лицо вдруг стало каменным. – На то мы и провинция. Это у вас, в столицах, жизнь кипит, а у нас тут все потихому.

– По-тихому? – искренне удивился Алексей. – Не приbedняйся, кое что все-таки у вас тут происходило. Я слышал, что штормило, – и он испытующе уставился на Тараду.

– Да? – Тарада выдержал взгляд, потом так же пытли-во посмотрел в самые глаза Алексея, словно намереваясь найти что-то на их дне, и покачал головой. – Значит, уже и до Москвы докатилось, – но выражение лица его оставалось спокойным. – Плохие новости обычно доходят быстрее, чем хорошие, – добавил он грустно.

Алексей кивнул.

– Думаю, как всегда приврали, – показав все зубы в улыбке, произнес Тарада.

– А что приврали-то? Расскажи, как было. – спокойно предложил Алексей.

– А нечего рассказывать. – Тарада помедлил, смакуя закуску. – Случилась ситуация, не скажу что штатная, скорее даже неожиданная. Но ты знаешь, все мышинной воз-ней оказалось. Не стоит нашего внимания.

– Да? – искренне удивился Алексей.

Он в задумчивости покрутил бокал в руке, посмотрел сквозь него на свет лампы, потом вернул бокал на место, бросил в рот пучок свежайшей зелени и задумчиво произнес:

– Толь, мне нужно точно знать, что все-таки здесь за ситуация? Я-то наслышан, но ты лучше всех осведомлен.

– Леш, я ж сказал, даже не стоит об этом говорить. Все это была ерунда. Не веришь? А то, что я перед тобой сижу – веришь? – спросил Тарада и искренне рассмеялся. – Леша, ты стал очень мнителен. Поверь мне, у нас есть с тобой куда более интересные темы для разговоров, чем та, о которой ты спрашиваешь. Сейчас все в норме. Медунов на месте, мы работаем.

Тарада говорил жестко, словно высекал каждое слово из мраморной глыбы. Но Алексей не думал поддаваться на эти уловки. Похоже, это была линия крайкома, а не частное мнение Тарады. Но как оно на самом деле?

– Это радует. Однако Артамонов-то – попал... Людей щиплют потихоньку. Дело «Океана» в рукав не засунешь, вся страна гудит про рыбное дело. Краснодар эта тема тоже не обошла стороной.

– Леш, я скажу тебе так. Да, были вопросы. Но Медунов их все закрыл. Так-что, давай закончим на этом. – Тарада наклонился поближе к отцу. – Меня это вообще сейчас мало интересует.

Тот удивленно посмотрел на товарища, мол, говори яснее.

– Да ты не переживай, – хлопнул друга по спине Анатолий Георгиевич. – Ничего страшного. Просто появились новые ориентиры... – Тарада задумался.

Алексей с удивлением посмотрел на своего друга, который что-то не договаривал, но вслух он ничего не сказал.

– Ладно, Анатолий, не хочешь – не говори.

– Выпьем, Леша! – предложил Тарада чему-то улыбаясь – Пусть минуют нас беды.

И они перешли на шутки, на ни к чему не обязывающие разговоры. Алексей уже больше не лез в душу Тарады. Тревога, которая поселилась в нем после разговора с Геной Бровиным, залегла на дно, но отнюдь не испарилась.

Алексей вернулся обратно в номер затемно.

Мы, одуревшие от ожидания, сидели, уставившись в телевизор. Отец хмуро бросил на стол газеты. Упал в кресло, выдохнул. Пытливо посмотрел на нас обоих.

– Только что встречался с Анатолием. Тарада о случившемся с Медуновым в Москве ничего не знает. Судя по тому, что он мне рассказал, он уверен, что Медунов вернулся с победой и тема закрыта. Я глубоко в этом сомневаюсь. Это непонятно. Тарада что-то явно недоговаривает, – задумчиво произнес отец. – Я это чувствую. Такое ощущение, что происходящее в крае его уже мало волнует. Странно это... – Он помолчал, потом как бы говоря сам с собой повторил: – Как будто это его мало касается. Говорю вам, будьте внимательны, берегите себя. Край ждут веселые времена. Бровин подал нам сигнал. Ситуация непростая.

Мы простились. Отец улетел в Москву.

L

Деревья, словно мачты с порванными парусами, одиноко окаймляли пруд как метки уходящего лета. Мы гуляли с коляской вдоль озера. Глядя на Лиду я чувствовал, как от нее исходит аура грусти.

Сережа проснулся и смеялся, перебирая в коляске игрушки.

– Посмотри, – воскликнула Лида. – А глаза уже больше бабушкины. Сначала твои были. Потом – мои. Теперь – бабушкины.

Я поднял Сережу на руки, подбросил в воздух. Он засмеялся, засучил ручками-ножками.

Тень печали опять пронеслась по нежному и прекрасному Лидиному лицу.

– Лидочка, что с тобой?

– Игорь, что происходит? – вопросом на вопрос ответила она.

– В каком смысле?

– У тебя все в порядке?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты какой-то озабоченный.

– Лидочка, дорогая, – я поцеловал ее и улыбнулся, – просто работа никогда еще не заменяла отдых. Вот увидишь, поедem отдыхать, и сразу все пройдет.

Она недоверчиво посмотрела на меня, потом рассмеялась.

– Как там у Ильи Григорьевича? – спросил я.

Коляска с ребенком наехала на бордюр, а Лида этого даже не заметила.

– Да с утра все из рук валится, поговорила с мамой...

– А что случилось? – удивился я.

– Опять у них что-то не клеится. Мама говорит, папа сам не свой. – Лидочка помолчала. – Ты знаешь, отец вроде не случайно оставил Лабинск. Он встретился с каким-то там своим товарищем, и тот пригласил его на работу в Иргаклы.

– Так это хорошо! Все лучше, чем сидеть без работы...

Грусть как облако обволокла Лидино лицо.

– Такое ощущение, что это даже не ради работы, просто папа опять хочет куда-то сбежать. У меня тревога на сердце. Опять у них не складываются отношения. Что ж они, так никогда и не привыкнут жить вместе? – Тень разочарования пробежала по ее лицу. – Он опять эту свою свободу ищет. Я же вижу по нему. Все время ищет и ищет что-то. Оттого и с мамой не все ладно.

– Но ты-то что можешь сделать?

Наши характеры, несмотря на все их чудовищные недостатки, видимо, обладают счастливым свойством латать настроение. Кто знает, иной раз это позволяет нам избавляться от зловещих кошмаров. И мы снова смеялись, обсуждали бытовые новости, жили, как и прежде.

Утро воскресенья началось с футбола.

Жизнь была наполнена ежедневными приключениями, словно это были важные детали, без которых сам механизм любого движения по прямой был бы невозможен.

Мы собрались на стадионе всей нашей командой: Жора Троицкий, я, Сережа Цымбал, ребята с мясокомбината – в общем, вся наша тусовка.

Потом все дружно повалили в баню.

Иногда мне казалось, что я задыхаюсь в силках собственного «я». Хотелось всего и больше – куда-то мчаться, что-то делать, быть в курсе новых дел. А вместо этого – работа и рутина накатывали волнами, поочередно сменяя друг друга, так что я иногда начинал чувствовать дикую, неутолимую пустоту внутри себя, которой удавалось говорить моим голосом...

Сама эта рутинность заставляла меня действовать. Дни шли за днями, часы за часами, но ничего не происходило.

Не успел я войти в кабинет, как раздался звонок Жоры Троицкого.

– Ты слышал новость?

– Какую?

– Газет не читаешь?

– Еще не успел!

Теперь в голосе Жоры слышалось неподдельное изумление.

– Директор крупнейшего комбината края узнает новости последним?

– Слушай, хватит тянуть резину. Ты о чем?

– Не дразни меня. Ты хочешь сказать, что не знаешь? – продолжал свое Жора.

– Да что же, черт тебя дери!

– Тарада – все!

– Что все?

– Покинул нас. – Жора торжествующе замолчал. – Его перевели в Москву! – выпалил он. – Заместителем министра в союзном министерстве.

Я бросил трубку. Это была ошеломляющая новость. Новость вселенского масштаба. Я что-то не знал про Тараду. Но главное... Что было причиной этого столь невероятного возвышения?

Единственный человек, которому можно было позвонить и узнать ответ, был отец.

«Отец! Он должен лучше всех знать», – крутилась в голове мысль, пока я набирал его номер.

Он поднял трубку почти с первого раза.

– Пап, привет! Ты слышал?

Ему понадобились доли секунд, чтобы распознать торжественные нотки в моем голосе.

– Ты про Тараду? Слышал, слышал, – ответил он с легким смешком. Наш друг стал заместителем министра, по моему, по кадрам.

– Ты об этом знал?

– Ну, слухи ходили, только, ты понимаешь, всему верить тоже нельзя...

– Но такая секретность? Скажи честно, пап, он тебе намекал?

– Было недавно... Но ты понимаешь, вполне мог и приврать... Эти дела без самого верха не решаются. И пока там не решили, говорить что-либо конкретно просто смешно.

– Что значит «смешно»?

– Мне кажется, что это все не просто так. И вообще, не телефонный это разговор, вот встретимся – и поговорим. Ты в Москву не собираешься? – добавил он.

– Да вроде не было планов.

– Ну, может, я вскоре приеду. Тут по Росшвейпрому дела кое-какие есть. Дам знать.

Он положил трубку. На душе у него стало спокойно, исчезла тяжесть, что поселилась в нем после разговора с Геней Бровиным, после всех этих слухов о происходящем в крае. Тарада был на коне. А раз так, значит и его сыновьям ничего не грозило.

Я сидел в машине и безразлично смотрел в окно. Короткая дорога на работу всегда пролегла по одному и тому же маршруту.

Вспомнились опасения отца после его разговора с Бровиным, засвербела мысль, когда же теперь я смогу увидеться с Анатолием Георгиевичем?

В этот день никаких совещаний назначено не было. Я прошел в кабинет. Устало упал в кресло. Селектор молчал. Только потянулся к кнопке – вызвать Тимофеева, как дверь отворилась и в проеме как тень появилась секретарша.

– Игорь Алексеевич!

– Что там еще? – спросил я раздраженно. Свою помощницу я понимал с полуслова, и меня смутил явный испуг, читаемый на ее лице.

– Да, Игорь Алексеевич, там звонок... Из приемной министерства.

– Какого еще министерства? Переведи!

Я поднял трубку.

– Ну, что, вы там совсем меня позабыли? – раздался веселый и мощный голос.

Я не поверил своим ушам.

– Анатолий Георгиевич!

– Поди, не забыл еще? Как дела, Игорь?! – Голос его был такой властный, что еще секунда – и он разнесет мой день на щепы и атомы. – Сгораешь на работе?

Я растерялся.

– Это работа без меня сгорит. Я вас поздравляю, Анатолий Георгиевич.

– Спасибо. Это почетно, Игорь. И неожиданно. Я сейчас только вникаю в объем работ. Как-нибудь подъезжай в Москву, поговорим о перспективах.

Он произнес это очень серьезно.

– Могу прямо на следующей неделе, Анатолий Георгиевич.

– Какой ты прыткий, Игорек! Вот это я понимаю. У меня к тебе есть дело.

– Слушаю, Анатолий Георгиевич!

– Игорек, тебе Ольга позвонит, помоги ей с вещами. Надо все погрузить и отправить сюда, – голос Тарады звучал теплее, будто одно только упоминание о жене и доме согрело его душу, делая ее податливой и отзывчивой.

– Никаких вопросов, Анатолий Георгиевич, все сделаем – погрузим и отправим

– Спасибо. – Голос Тарады стал совсем ласковым. – Я был уверен, что ты поможешь. И подъезжай ко мне, как все уладишь, поговорим.

Он положил трубку.

Я подошел к окну. В голову лезли разные мысли. Вернулся к бумагам. Весь оставшийся день, невольно возвращаясь памятью к звонку, я размышлял об удивительной судьбе этого человека, которому, кажется, удавалось превращать в удачу все, до чего только он ни дотрагивался.

Рабочий день заканчивался, когда со мной связались:

– Игорь Алексеевич! – раздался в трубке мягкий женский голос.

Я сразу узнал спокойный ровный, безо всяких эмоций, голос.

– Оленька, здравствуйте-здравствуйте. Рад вас слышать.

– Вас, наверное, Анатолий Георгиевич предупреждал о моем звонке.

– Конечно. Слушаю.

– Для наших вещей нужна машина и грузчики. Мне будет удобно послезавтра утром, – Ольга продиктовала адрес.

– Да-да, все сделаю, – повторил я, записывая. – Подгоним машину, погрузим, отправим.

– Игорь, вы такой любезный, – произнесла она. – Мы вам очень признательны.

– Ну, о чем вы говорите...

– Мы оба понимаем, о чем.

Она положила трубку.

«Что за женщина! – невольно подумал я. – Вот это стиль!»

Я тут же приказал соединить с автобазой, заказал у них машину, дал все необходимые указания.

В назначенный день и час мне позвонили. Это был человек из транспортной компании, отвечавший за доставку. Голос его был слегка встревожен.

– Игорь Алексеевич, ваш заказ сделан. Только там...

– Что такое? – напрягся я.

– Ну, машина, вы сказали, понадобится фургон.

– Да, а что такое?

– Так, здесь двадцатитонник нужен, чтобы все погрузить, – голос на другом конце трубки был раздосадован, – фура.

Я удивился.

– И в чем проблема? Замените машину – и все дела! Что будет нужно, я доплачу. Главное – погрузите и доставьте все в целости и сохранности. Понятно? – спросил я сурово.

– Хорошо. Будет сделано, – испуганно заверил меня сотрудник компании.

Ц

Хоть мы и собирались встретиться с отцом в Краснодаре, тем не менее первым в Москве оказался я. Буквально на следующий день после того, как мне сообщили, что машина с вещами дошла до адресата, меня вызвал Гречаный и велел ехать в Москву. Там были кое-какие вопросы с Главком, которые нужно было решать при моем непосредственном участии.

Я летел в Москву окрыленный. Не столько для того, чтобы решать наши проблемы, которые не представлялись мне слишком сложными, а чтобы встретиться с отцом, и, если получится – с Тарадой.

Уладив все дела в Главке, я из приемной Челокяна позвонил по известному мне номеру.

– Анатолий Георгиевич, это...

На другом конце трубки мне не дали договорить.

– А ты легок на помине. Только тебя с Ольгой вспоминали. Куда ты пропал, Игорь? Не звонишь.

– Я сейчас в Москве, в Главке, только закончил с делами.

– Игорь, я через часок буду дома, – голос Тарады стал серьезнее, – подъезжай ко мне, там и поговорим.

– Хорошо, Анатолий Георгиевич. Буду через час.

Я выскочил из Главка. Поймал такси и поехал по адресу. За окном сменялись московские пейзажи – мелькали люди, дома, машины. Кто-то выбивался вперед, кого-то обгоняли, иные отставали – все, как в жизни. Я был участником этой суетной гонки, вращаясь в центре событий.

Машина мягко остановилась у массивной чугунной решетки, огораживающей двор. За оградой возвышался огромный дом из белого кирпича с шикарной богатой лепниной.

Все было устроено так же, как и на Красной улице – проходная, милиционер, звонок, обычное: «Проходите, вас ждут».

Я вошел на территорию так, словно переступил порог храма власти, и направился ко входу. Тяжелая, массивная высоченная дверь из инкрустированного дерева легко поддалась.

Место, где я оказался, трудно было назвать подъездом, скорее – гигантским холлом, который украшала хрустальная люстра. У лифта за столом сидел дежурный. Я показал ему пропуск, поднялся наверх, нашел нужную дверь и с замиранием сердца выжал дверной звонок.

Дверь отворил сам Анатолий Георгиевич. Радужно распахнул объятия:

– Проходи, Игорек! Рад видеть тебя.

Выглядел он подтянутым, бодрым, еще более молодым, точно власть возвращала силы молодости.

Я переступил порог квартиры и невольно оробел.

Когда-то меня поразило ощущение того, что, находясь в компании Тарады и, в особенности, у него дома, я каждую

минуту чувствовал внимание родного человека. Даже если был взвинчен, взволнован, меня вдруг охватывало ощущение покоя, словно я, как корабль, бороздящий морские просторы по воле волн, пришвартовывался в спасительной гавани.

Тарада поприветствовал меня бархатным голосом, положил руку на плечо, а затем легонько подтолкнул в спину, как бы говоря: «Ну, иди, страна чудес ждет». Я кивнул, улыбнулся, шагнул...

И тут я увидел это!

Наверное, есть моменты, когда ты испытываешь шок. В жизни человека их бывает не много, можно пересчитать по пальцам. Но к увиденному я был совсем не готов. Казалось, то была не квартира, стадион! Комнаты были настолько большими, что антикварная мебель, которой на улице Красной была набита квартира, здесь терялась, рассредоточенная по всему пространству. Она даже выглядела скромнее. Впечатление усугубляли высоченные потолки под четыре метра, с которых свисали многоярусные хрустальные люстры.

Тарада заметил мое смятение, улыбнулся.

– Присаживайся, давай чайку выпьем. Или, может, ты голоден?

– Нет-нет, спасибо, – сказал я ошеломленно.

Тарада вальяжно уселся за стол, как будто чего-то ожидая. Я полез во внутренний карман пиджака и, вытащив конверт, положил на стол.

Тарада накрыл его ладонью и, подтащив к кромке стола, ловко сбросил в приоткрытый ящик. Затем молча прижал руку к груди и едва заметно склонил голову: мол, благодарствую.

– Ну, рассказывай, как у тебя там дела?! – произнес он властно.

– Да все в порядке, Анатолий Георгиевич. Все хорошо, недавно освоили новую линию сырокопченой колбасы.

– Это хорошо, Игорь. Ну, а я, вот... Все вопросы по кадрам в союзном министерстве – мои. Знаешь, я принял назначение с большой ответственностью. Это честь. Здесь совершенно иные масштабы, – он сделал глоток чая из чашечки такого тонкого фарфора, что выглядела в его огромных ладонях даже нелепо. – И это было, конечно, довольно неожиданно, – он скромно улыбнулся. – А впереди еще столько дел.

Он сказал это таким тоном, как будто давал понять, что стоит только в самом начале пути. Я смотрел на него, кивал, слушал его рассказы, мы вспомнили прошлое, болтая обо всем на свете. Честно говоря, я даже не запомнил о чем. Про себя я думал о том, как наш друг высоко взлетел!

Мы попрощались. Я вышел из дома, все еще находясь под впечатлением от увиденного. Тот день можно было назвать эпохальным. Гордеевы конюшни прошлого страха были вычищены. Я чувствовал, что мы – капитаны на заре нового мира.

Мне еще предстояли кое-какие дела, и, усевшись в поджидающее меня у ограды такси, я устало назвал адрес, и мы помчались.

Машина катилась по пустому шоссе, ветер влетал в приоткрытое окно и трепал мои волосы. Я едва улыбался. За окном мелькали дома, московские бульвары, а удивление не покидало меня. Хотелось срочно рассказать обо всем отцу. Но главное, мне вдруг открылась тайны Тараканов. За ним точно кто-то стоял. Причем на самом верху. Доказательством тому было то, что видели мои глаза.

Даже у Сильченко, инструктора Центрального Комитета партии, квартира в Филях была каких-то шестьдесят или семьдесят метров. А здесь, у заместителя министра, в тех же Филях, двести пятьдесят квадратов, не меньше.

Летний день все никак не заканчивался, но кое-где уже зажглись огни рекламы. Я спешил по делам в Четвертое

управление Минздрава, и в душе росло радостное нетерпение, теплой волной растекалось по телу, проникая прямо в сердце, преисполненное надежд на будущее.

Это были уже не мечты. Это были реально открывшиеся возможности – наступит день, когда Тарада потянет нас за собой! Он так просто с нами не расстанется! Год, полтора – и точно что-нибудь произойдет. Один в поле не воин. Особенно в Москве. Всегда нужны свои люди...

А свои – это кто? Это мы со Славой и есть.

